КАРЕЛЬСКІЙ КРАЙ

И ЕГО БУДУЩЕЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОСТРОЙКОЮ

МУРМАНСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Н. В. ОЛЕНЕВА

СЪ МНОГИМИ РИСУНКАМИ

НА РОДИНѢ КАЛЕВАЛЫ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ, 1917.
ФИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО.

Вмѣсто предисловія.

Карельскій край, прилегающій къ Финляндіи, хорошо изученъ финнами и шведами; въ послѣднее время посѣщается даже англичанами, но совершенно забытъ русскими туристами. Между тѣмъ, этотъ глухой уголъ Россіи имѣетъ много оригинальнаго и интереснаго въ топографическомъ и этнографическомъ отношеніи. Почти каждый годъ лѣтомъ сюда пріѣзжаютъ финскіе ученые, производятъ геологическія изслѣдованія, собираютъ народныя пѣсни (руны), изучаютъ памятники старины и знакомятся съ бытомъ кареловъ.

Въ 1896 г. здѣсь цѣлое лѣто путешествовали три дамы-туристки — одна англичанка и двѣ шведки. Онѣ взяли въ Улеаборгѣ финскую, узкую длинную лодку, приспособленную для ѣзды по порогамъ, и проѣхали на ней по рѣкамъ и озерамъ чрезъ Финляндію и Карелію до р. Чирка-Кеми, берущей свое начало на границѣ Архангельской губерніи съ Олонецкою и впадающей въ р. Кемь. Смѣлыя туристки хотѣли водою пробраться въ г. Кемь (Архангельской губ.), но вслѣдствіе сухого лѣта Чирка-Кемь была слишкомъ мелководна, и онѣ вынуждены были возвратиться чрезъ Финляндію.

Изъ русскихъ же туристовъ, въ теченіе десятилѣтняго моего пребыванія въ Кареліи, никто этого края не посѣщалъ, кромѣ редактора газеты »Одес. Нов.« г. Старкова, проѣхавшаго по Кареліи въ 1898 г.

Я десять лѣтъ прожилъ въ Карельскомъ краѣ, и три раза мнѣ пришлось совершить круговую поѣздку по маршруту: Кимасъ-озеро Юшкозерской вол., Кемскаго уѣзда—Кемь—Архангельскъ—Тотьма—Вологда—Ярославль—Рыбинскъ—Петроградъ—Выборгъ—Іоенсу—Нурмисъ—Кухмо—Минозеро—Лувозеро—Кимасъ-озеро.

Кромѣ того, нѣсколько разъ я проѣзжалъ изъ Петрограда черезъ всю Финляндію и русскую Карелію до Бѣлаго моря, и въ этихъ

мѣстахъ мнѣ пришлось познакомиться со всѣми способами передвиженія, начиная отъ ѣзды на утлой ладьѣ по рѣкамъ, усѣяннымъ порогами, и ходьбы пѣшкомъ по первобытнымъ узкимъ каменистымъ или топкимъ болотистымъ тропинкамъ Кареліи, до электрической желѣзной дороги и лифта включительно. [1])

Путь отъ Петрограда до Бѣлаго моря я и хочу избрать предметомъ настоящаго очерка, который подъ заглавіемъ »По Кареліи« первоначально былъ напечатанъ въ Литературныхъ приложеніяхъ къ журналу »Нива« за 1902 годъ.

Хотя съ того времени, какъ я покинулъ Карелію, прошло пятнадцать лѣтъ, но экономическое положеніе и бытовыя черты аборигеновъ этого края едва ли много измѣнились, съ проведеніемъ же по восточной части Кареліи Мурманской жел. дороги интересъ къ этому краю несомнѣнно возростетъ, что и побудило меня выпустить мой трудъ отдѣльнымъ изданіемъ.

За неимѣніемъ свободнаго времени, я въ настоящее время, къ сожалѣнію, не могу произвести желательныя исправленія въ своихъ очеркахъ въ зависимости отъ измѣнившихся за послѣднее время обстоятельствъ, поэтому прошу читающую публику снисходительно отнестись къ возможнымъ погрѣшностямъ.

Изданію настоящей книги, между прочимъ, способствовало и то обстоятельство, что послѣ многихъ лѣтъ скитаній по Сибири меня судьба вновь занесла въ главный городъ Финляндіи и Кареліи— Гельсингфорсъ, гдѣ среди мѣстныхъ представителей науки и литературы я встрѣтилъ большое сочуствіе и отзывчивость въ моихъ стремленіяхъ довести дѣло до конца.

Поэтому считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю мою признательность администраціи Финляндскаго историческаго музея, представителямъ Финляндскаго Литературнаго Общества и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ изданію и украшенію книги иллюстраціями, въ частности же докторамъ: А. Торнгренъ, У. Т. Сирелiусъ, А. Талгренъ, Тункело; магистрамъ: Л. Ханникайненъ, Х. Вихеріюри, А. Каннисто и Г. Кахелинъ, а также Начальнику работъ по сооруженію Мурманской жел. дор. Инженеру В. В. Горячковскому и г. г.: Родіонову, М. Г. Боровикову и А. М. Чилліеву.

---

[1]) Лифтъ-электрическая подъемная машина, которая устраивается въ многоэтажныхъ домахъ, а въ Нижнемъ Новгородѣ во время выставки публику лифтомъ поднимали на высокій берегъ Волги.

I.

По дорогѣ въ культурную глушь.

10-го августа, въ $4\,^1/_2$ ч. вечера, на вокзалѣ финляндской желѣзной дороги я сѣлъ на поѣздъ, отходящій въ Выборгъ. Вагоны биткомъ-набиты народомъ. Все ѣдутъ больше дачники съ портфелями, кульками, свертками, картонками.

Замелькали передъ нами пустыри и обширныя поля, перемежающіеся станціями, густо населенными дачниками. Но по мѣрѣ приближенія къ Выборгу, пейзажъ мѣняется. Со станціи Теріоки уже начинается »за-граница«. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются озера, блестя на солнцѣ стальною рябью своихъ синихъ водъ. Чаще и чаще встрѣчаются громадные камни и цѣлыя скалы, обросшія зеленью. Ландшафтъ уже не русскій. Дачники убываютъ. До Выборга не доѣзжаетъ и половина пассажировъ, сѣвшихъ въ вагоны въ Петроградѣ.

Близость Петрограда для Финляндіи имѣетъ громадное значеніе. Масса дачныхъ мѣстъ доставляетъ финнамъ немалый доходъ. Въ Петроградъ везутъ молоко, масло, огородныя овощи, рыбу, дрова, сѣно; а пароходы финляндскихъ компаній снуютъ и по морю, и по Невѣ, и по Фонтанкѣ.

Одна Иматра даетъ, вѣроятно, сотни тысячъ годового дохода. Лѣтомъ здѣсь иногда бываетъ до 200 туристовъ въ день. Если взять средній расходъ на человѣка по 10 руб. въ сутки, то получится сумма въ 2.000 руб., а въ мѣсяцъ—60.000. Цифра внушительная.

На Иматрѣ я былъ осенью 1893 г., и, говоря безпристрастно, на меня, много разъ видавшаго кемскіе пороги—Юму, Вуочашъ и Ужму, о которыхъ будетъ сказано ниже, этотъ водопадъ не произвелъ того »чарующаго» впечатлѣнія, котораго я ожидалъ, прочитавъ массу рекламъ и восторженныхъ описаній этого »чуда природы». Иматра, въ большинствѣ описаній, называется водопадомъ, но это не водопадъ, въ собственномъ смыслѣ слова, а просто громадный *порогъ*, гдѣ вода падаетъ не каскадомъ, какъ на Ніагарѣ или даже у насъ на Кивачѣ, а едва замѣтными уступами.

Иматра зимою. Съ карт. фин. худ. Галленъ-Каллела.

Болѣе эффектною Иматра мнѣ показалась вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи, чему въ особенности способствовало темное осеннее время. Два сильныхъ электрическихъ фонаря ставятся, обыкновенно, на мосту, перекинутомъ чрезъ р. Вуоксу при началѣ порога, а публика приглашается въ бесѣдки, устроенныя на скалистомъ берегу, напротивъ средины водопада.

Въ первый вечеръ моего пребыванія на Иматрѣ я уже любовался видомъ на водопадъ изъ бесѣдки, поэтому на второй день захотѣлъ посмотрѣть его съ моста.

Дѣйствительно, съ этого мѣста открывается феерическая картина. Съ одной стороны, противоположной отъ свѣта, по направленію къ Саймѣ — непроглядная, подавляющая тьма, и среди этой тьмы васъ оглушаетъ цѣлое море звуковъ. Тутъ слышится и визгъ, и ревъ, и стонъ, и раскаты грома, и пушечные выстрѣлы... Земля дрожитъ, кружится голова. Но оглянитесь въ сторону освѣщеннаго пространства, куда направлены электрическіе фонари.

Выборгская цитадель.

Большая рѣка, стѣсненная въ узкой щели, шириною не болѣе 10 саженъ, съ неописаннымъ остервенѣніемъ, какъ будто въ страшной паникѣ, мчится внизъ. Горы снѣжныхъ косматыхъ волнъ, какъ разъяренные звѣри, съ неимовѣрной силой налетаютъ на извилистый берегъ, сталкиваются одна съ другой и разлетаются въ хаосѣ бѣлой пѣны и алмазныхъ брызгъ. Тонкая водяная пыль, наполняя пространство между черными, гранитными берегами, вздымается выше лѣса и, преломляя въ себѣ лучи электрическаго свѣта, въ видѣ колоссальной радуги, рѣетъ, играетъ и переливается надъ клокочущей бездной.

Страшныхъ три есть водопада
И озеръ огромныхъ столь же;
Также три горы высокихъ
Подъ небеснымъ этимъ сводомъ:
Геллепьоре [1]) у Тавастовъ,
Катракоски [2]) у Кареловъ.
Побѣдить нельзя Вуоксу,
Превзойти нельзя Иматру. [3])

Въ 8 ч. 25 м. вечера поѣздъ прибылъ въ Выборгъ. Здѣсь я рѣшилъ пробыть весь слѣдующій день, чтобы осмотрѣть городъ и погостить у своихъ знакомыхъ.

За 2 рубля въ сутки въ »Hôtel Central« оказалась очень приличная покойная комната, хорошо меблированная, съ умывальникомъ и постельнымъ бѣльемъ. Прислуга говоритъ по-русски.

Я не буду останавливаться на описаніи достопримѣчательностей Выборга, такъ какъ онѣ извѣстны читающей публикѣ, и, вообще, о Финляндіи буду кратко излагать только личныя свои путевыя впечатлѣнія съ цѣлью сравненія этого края съ сосѣдней русской Кареліей.

12-го августа, въ 7 ч. утра, поѣздъ помчалъ насъ далѣе на сѣверъ Финляндіи по иматраской вѣтви желѣзной дороги. Мѣстность отъ Выборга — довольно дикая и глухая. Изрѣдка встрѣчаются поля и луга, окаймленные рѣдкимъ хвойнымъ лѣсомъ. Только около станцій Тали и Кавантсаари виднѣются обширныя постройки мызъ и фермъ финляндскихъ землевладѣльцевъ и кой-гдѣ разбросанныя группы дачныхъ домиковъ.

Передъ станціей Антреа входитъ поѣздной кондукторъ и объявляетъ: »мостъ чрезъ Вуоксу!«

Здѣсь поѣздъ замедляетъ ходъ, и вы изъ окна вагона можете любоваться этимъ грандіознымъ сооруженіемъ и великолѣпными видами, которые открываются съ обѣихъ сторонъ желѣзнодорожнаго моста. Со станціи Антреа идутъ двѣ вѣтви желѣзной дороги: одна направляется на Иматру, а другая чрезъ г. Сердоболь къ Іоенсу, Куопіоской губ.

---

[1]) Геллепьоре — озеро.

[2]) Катракоски — водопадъ.

[3]) »Калевала« руна 3, перев. Л. П. Бѣльскаго.

Чѣмъ далѣе вы удаляетесь на сѣверъ, тѣмъ болѣе мѣстность принимаетъ своеобразный финляндскій характеръ, мало напоминающій русскій пейзажъ. Вмѣсто усѣянной камнями и изрѣзанной мелкими болотами низменности, съ небольшими пригорками, поросшими сосною, березою и ольхою, что бросается въ глаза ближе къ Выборгу, вы встрѣтите высокіе хребты, покрытые сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ, а въ долинахъ между ними видны то луга съ амбарами для храненія сѣна, то отдѣльныя лѣсныя рощи, окруженныя со всѣхъ сторонъ водою. Народу въ вагонахъ здѣсь уже гораздо меньше, чѣмъ было до Выборга. Вокзалы на станціяхъ — деревянные, маленькіе, буфеты встрѣчаются рѣдко. Вниманіе каждаго туриста здѣсь привлекаетъ характерная, чисто финская тишина, планомѣрность окружающихъ проявленій общественной жизни и та кажущаяся медлительность, которая служитъ отличительной чертой всѣхъ маленькихъ городовъ и селеній Финляндіи. Тихо расхаживаетъ публика по платформамъ при остановкахъ поѣзда, тихо разговариваютъ между собою знакомые, тихо осматриваютъ служащіе состояніе вагоновъ. Кажется, свистокъ локомотива, звонокъ сторожа — и тѣ имѣютъ особенный методически-медлительный финскій оттѣнокъ. Вы подумаете, что поѣзда здѣсь запаздываютъ, пассажиры не успѣваютъ во-время купить билеты и занять свои мѣста въ вагонахъ, но это только такъ кажется: все дѣлается съ поразительною аккуратностью, поѣздъ отходитъ и приходитъ въ назначенное мѣсто согласно расписанію, съ точностью чуть ли не до одной минуты; опаздывающихъ и безтолково толкущихся изъ стороны въ сторону, что постоянно приходится наблюдать на другихъ желѣзныхъ дорогахъ, вы не замѣтите. Въ буфетѣ кушанья, десертъ и напитки разставлены въ строжайшемъ порядкѣ, на видныхъ мѣстахъ развѣшаны карточки меню и очень мало прислуги. Пассажиры, въ первый разъ или рѣдко путешествующіе и не знающіе мѣстныхъ цѣнъ, справляются по карточкамъ о стоимости кушаній, подходятъ къ общему столу, берутъ себѣ, что нужно, а деньги кладутъ тутъ же на тарелку и уходятъ во-свояси — экономія во времени и расходахъ на офиціантовъ, обиліе которыхъ бросается въ глаза на русскихъ и другихъ европейскихъ вокзалахъ. Не приходится также платить косвеннаго налога »на чай», о чемъ финляндская прислуга не имѣетъ и понятія. Такіе порядки, конечно, возможны только при той безукоризненной честности, которою отличаются финны — отъ богатаго интеллигента до самаго бѣднаго loinen'а (бобыля) включительно.

При многократныхъ путешествіяхъ по Финляндіи, мнѣ часто приходилось оставлять на станціяхъ глухихъ проселочныхъ дорогъ такія

незначительныя вещи, какъ платяная щетка, калоши, рыболовныя принадлежности, и если финны знали мой адресъ, то, случалось, за сотни верстъ пересылали мнѣ съ знакомыми. Не въ Финляндіи этого, вѣроятно, не сдѣлали бы по одной простой причинѣ, что подобная вещь ничтожна по своей цѣнности, и не стоитъ возиться съ ея пересылкою, но у финна въ плоть и въ кровь вошло уваженіе къ чужой собственности, и чужимъ онъ рѣдко воспользуется.

Передъ Сердоболемъ мнѣ пришлось наблюдать картину, обратившую на себя вниманіе публики, благодаря особому, не соотвѣтствующему окружающей обстановкѣ, виду. Изъ зала III класса вывалила толпа рабочихъ Многіе, несмотря на августъ мѣсяцъ, одѣты въ валенки и дырявые полушубки; за спинами тощія, грязныя котомки. Нѣкоторые идутъ нетвердою походкою и черезчуръ громко разговариваютъ, изобличая невполнѣ трезвое состояніе. Сзади шагаетъ молодой парень въ сѣромъ »балахонѣ« изъ домотканнаго сукна, изъ-подъ полы котораго торчитъ горлышко четвертной бутыли — сразу видно, что русскіе. Подхожу къ одному изъ нихъ, болѣе трезвому, и спрашиваю, откуда и куда направляются мужички.

— Сами-то мы *солегалецкіе*,[1]) а идемъ за *Шордополь*, въ Олонецкую губернію. Тамъ, видишь ли, открытъ новый чугунный заводъ... Не знаешь ли, родимый, далеко ли это будетъ? Вотъ у меня тутъ въ бумагѣ прописано, — указываетъ за пазуху: — а мы люди темные, неграмотные.

Обыкновенная, чисто русская картина: лѣтомъ валенки и рваный полушубокъ, нетрезвый видъ,[2]) а главное — *не знаютъ*, куда идутъ на заработки. Стыдно, грустно и обидно было видѣть такую картину, въ особенности въ Финляндіи, гдѣ всѣ такъ прилично одѣты, и встрѣча съ пьянымъ на улицѣ — большая рѣдкость, такъ какъ публичное пьянство тамъ наказывается штрафомъ.

Отъ Сердоболя пошло только 6 вагоновъ, да и тѣ почти наполовину были пусты. Дорога здѣсь идетъ по глухой, рѣдко населенной мѣстности. Вокзалы еще меньше, а перегоны, наоборотъ, очень длинные. На станціяхъ здѣсь поражаетъ уже гробовая тишина:

[1]) Изъ г. Солигалича, костромской губ.
[2]) Это было въ 1900 г.

кромѣ шипѣнья стоящаго локомотива, вы почти не услышите никакого посторонняго звука, но и здѣсь встрѣтите строжайшій порядокъ и аккуратность во всемъ.

Извѣстно, что финны — отличные инженеры и, въ особенности, мастера строить желѣзныя дороги: дорога до Іоенсу узкоколейная, но вы не чувствуете почти ни малѣйшей тряски. Часто поѣздъ поднимается на значительную отлогую гору. Горизонтъ расширяется. Во всѣхъ сторонахъ, насколько можетъ охватить глазъ, виднѣются холмы, покрытые темнымъ, большею частью хвойнымъ, лѣсомъ. Тамъ и сямъ блестятъ озера, или узкою лентою извивается серебристая рѣчка въ зеленыхъ, поросшихъ ивою и ольхою, берегахъ.

Вдругъ, послѣ быстраго хода, поѣздъ, какъ будто, начинаетъ останавливаться. Ощущаются какіе-то короткіе толчки, слышится глухой гулъ тормаза. Вы подходите къ окну и невольно содрогаетесь отъ страха: поѣздъ спускается по узкому горному откосу, и, кажется, сойди онъ съ рельсъ, остались бы отъ него только одни обломки. Но, къ счастію, крушенія въ Финляндіи очень рѣдки. Иногда въ вагонѣ, несмотря на солнечный день, внезапно сдѣлается мрачно. Вы опять бросаетесь къ окну и видите, что поѣздъ на значительномъ протяженіи проходитъ между двумя высокими каменными стѣнами: здѣсь гранитныя скалы взорваны порохомъ, и въ горѣ сдѣланъ проходъ.

Нерѣдко дорога, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, тянется по топкому болоту. Сколько нужно труда и денегъ, чтобы укрѣпить такую трясину! Между тѣмъ, въ Финляндіи, какъ извѣстно, всѣ сооруженія исполняются очень добросовѣстно и стоятъ, по сравненію съ другими государствами, крайне дешево.

Въ восемь часовъ вечера прибыли въ Іоенсу. Это небольшой уѣздный городъ съ тремя тысячами населенія, но хорошо устроенный, какъ и большинство финскихъ городовъ. По своему положенію это глухой уголокъ Финляндіи, между тѣмъ, въ городѣ имѣется банкъ, общественный садъ, телефонъ, каменная гостиница (Seurahuone), обширные магазины, гдѣ можно купить все, что нужно для городского жителя.

Карельскіе узоры для вышиванья.

Изъ Іоенсу отправились на пароходѣ »Seura», сначала по озеру Піелисъ и рѣкѣ того же наименованія, а затѣмъ по другимъ озерамъ разныхъ названій, соединеннымъ порожистыми рѣками. Для обхода пороговъ устроены каналы со шлюзами. Берега каналовъ прочно обложены гранитомъ.

Ѣзда по шлюзамъ довольно медленна, но не лишена особой прелести. Вы ѣдете по каналу, и вдругъ передъ вами ворота въ нѣсколько саженъ высоты. Раздается свистокъ, пароходъ останавли-

Пароходъ въ шлюзахъ канала.

вается. На берегахъ вы замѣчаете оживленное движеніе служащихъ: одинъ раздвигаетъ посредствомъ ворота перекидной мостикъ, нѣсколько человѣкъ сзади парохода затворяютъ другія ворота: пароходъ очутился въ тѣсной, замкнутой со всѣхъ сторонъ, гранитной коробкѣ, и ему необходимо подняться на гору. Но вотъ внизу у переднихъ воротъ вода начинаетъ бурлить и бить вверхъ фонтаномъ, это открыты клапаны, чрезъ которые идетъ вода изъ верхняго шлюза. Быстро прибываетъ вода, и, когда она станетъ на одномъ уровнѣ съ верхнимъ шлюзомъ, ворота отворяются, и пароходъ вступаетъ въ коробку новаго шлюза. Такихъ шлюзовъ въ каждомъ обходномъ каналѣ по нѣскольку;

они представляютъ изъ себя лѣстницу съ гранитными ступенями: когда пароходъ идетъ вверхъ, противъ теченія. вода впускается изъ верхняго шлюза, чтобы поднять пароходъ, а когда идетъ обратно по теченію, вода выпускается, чтобы спустить пароходъ внизъ.

На пути изъ Іоенсу до Нурмиса, на протяженіи 130 километровъ, всего 11 шлюзовъ. Около нихъ устроены небольшіе уютные домики, съ садиками и клумбами, для служащихъ при шлюзахъ, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Самый большой шлюзъ у порога Kaltimokoski, гдѣ пароходу приходится подниматься на высоту въ 18 футовъ.

На пароходѣ еще большее безлюдіе, чѣмъ было въ вагонахъ: я, мой знакомый коммерсантъ-карелъ, живущій въ Нурмисѣ съ женою,

Пароходъ въ шлюзованномъ каналѣ.

два студента александровскаго университета, окончившій курсъ въ томъ же университетѣ кандидатъ на судебныя должности — единственные пассажиры I класса. Удивляешься, зачѣмъ тутъ ходятъ пароходы въ такую глушь. Но финны не такой расточительный народъ, чтобы непроизводительно тратиться на сооруженіе каналовъ и шлюзовъ: оказывается, что весь трюмъ парохода заваленъ всевозможными товарами, которые въ продолженіе всей навигаціи постоянно отправляются въ сѣверо-восточный уголъ Финляндіи и доставляютъ главный доходъ компаніи пароходства.

Съ утра погода стояла пасмурная; дулъ юго-западный вѣтеръ и моросилъ мелкій дождь. Но къ полдню небо прояснилось, вѣтеръ совершенно стихъ, и установилась великолѣпная погода. Такъ часто

бываетъ осенью, и въ это время никогда нельзя ручаться, что та или другая погода простоитъ цѣлый день: ясное и тихое утро нерѣдко смѣняется дождливымъ днемъ съ сильнымъ вѣтромъ — и наоборотъ. Но какъ хороши бываютъ эти тихіе, ясные осенніе дни, къ сожалѣнію, у насъ на сѣверѣ довольно рѣдкіе. Природа, предчувствуя свое увяданіе, одѣвается въ самые яркіе, причудливые наряды, которые пестрятъ всевозможными красками.

Нашъ пароходъ идетъ близъ одного изъ береговъ озера, властно бороздя и вздымая его зеркальную поверхность. Слѣва берегъ обозначается чуть замѣтною темно-синею дымкою. Здѣсь пейзажъ мало имѣетъ разнообразія: всѣ финскія озера похожи одно на другое, но все же путнику по временамъ есть на чемъ остановить свой взглядъ, уже нѣсколько присмотрѣвшійся къ особенностямъ природы Финляндіи. Вотъ пароходъ обогнулъ небольшой мысъ, и предъ нами всплылъ круглый островъ съ сосновой рощей, окаймленной лиственнымъ лѣсомъ, который бросается въ глаза своею осеннею пестротою. У самой воды разрослась красная ива, охватившая правильнымъ кольцомъ весь островъ; далѣе идетъ яркожелтая береза, среди которой тамъ и сямъ сквозитъ пурпуръ рябины, а надъ всѣмъ этимъ возвышается гордая оранжевая осина. Эта пестрота при солнечномъ освѣщеніи особенно ярко выдѣляется на темномъ фонѣ хвойнаго лѣса, который занялъ всю средину острова.

Пароходъ замедлилъ ходъ и сталъ приставать къ острову: здѣсь ему нужно было запастись дровами. Мы съ коммерсантомъ и двумя студентами вышли на берегъ и забрались въ самую средину лѣса. Островъ довольно возвышенный, въ діаметрѣ имѣетъ около версты съ половиною. Подпочва состоитъ изъ гранита, валуны котораго въ видѣ громадныхъ глыбъ, поросшихъ мхомъ, кой-гдѣ торчатъ на поверхности. Поверхность крайне неровная: множество ямъ и уступовъ. Казалось, озеро въ этомъ мѣстѣ застыло во время сильной бури, и какимъ-то чудомъ на волнахъ образовалась растительность. Громадные корни вѣковыхъ сосенъ упорно вились въ расщелинахъ голыхъ гранитныхъ скалъ. Въ иномъ мѣстѣ, на совершенно отдѣльномъ громадномъ камнѣ, съ голыми черными боками, на самой верхушкѣ, вровень съ вершинами большихъ деревьевъ, ютилась кудрявая сосенка, какъ будто сторожъ на башнѣ, обозрѣвающій окрестность. Вообще, мѣстность имѣла мрачный, дикій видъ, и островъ казался красивымъ только издали, благодаря сосновой рощѣ съ пестрою опушкою изъ лиственныхъ деревьевъ.

Послѣ обѣда флегматичные финны повыползли изъ своихъ каютъ и размѣстились на палубѣ, кто гдѣ облюбовалъ мѣсто. Завязался общій разговоръ, въ которомъ принялъ участіе и капитанъ, человѣкъ довольно общительный и развитой. Финны, какъ извѣстно, недовѣрчивы и подозрительны ко всѣмъ иностранцамъ, но это только до тѣхъ поръ, пока вы говорите чуждымъ имъ языкомъ. Но какими любезными и общительными они становятся, когда узнаютъ, что вы, хотя и не совсѣмъ чисто, можете объясняться на ихъ діалектѣ. Пока я говорилъ по-русски, ко мнѣ относились недовѣрчиво, съ холодною вѣжливостью. На мои вопросѣ многіе качали головою и отдѣлывались обычною фразою: »en minä ymmärrä venäjää» (я не понимаю по-русски), или отвѣчали неохотно по-русски, не поддерживая разговора, хотя, какъ потомъ оказалось, почти всѣ мои спутники немного знали русскій языкъ. При остановкахъ парохода, на пристаняхъ, мѣстные аборигены, узнавъ во мнѣ единственнаго русскаго, забравшагося въ такую глушь Финляндіи, перешептываясь между собою, кивали въ мою сторону, а юристъ наивно спросилъ меня, не корреспондентъ ли я »Московскихъ Вѣдомостей». Но когда узнали, что я никто иной, какъ kansakoulun opettaja, ѣду на мѣсто своей службы, ничего общаго съ »Московскими Вѣдомостями» не имѣю и могу объясняться по-фински, куда дѣвалась ихъ недовѣрчивость и подозрительность? Всѣ охотно стали разговаривать со мною, сами забрасывали меня вопросами, и почти на всю дорогу до Нурмиса установилась общая бесѣда. Говорили о политикѣ, литературѣ и о мѣстной жизни. Оказывается, что съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ знакомятся въ Финляндіи только при изученіи всеобщей литературы и, конечно, считаютъ этихъ поэтовъ далеко ниже своего Рунеберга. Гораздо большею извѣстностью пользуются: Тургеневъ, Гончаровъ, Гоголь, а популярнѣе всѣхъ — Толстой, большинство произведеній котораго переведены на финскій языкъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Нурмисъ (по-фински Nurmes) представлялъ изъ себя небольшую глухую деревушку; но вотъ провели каналы, устроили шлюзы, стали ходить сюда пароходы, и эта деревушка превратилась въ большое торговое село, съ нѣсколькими тысячами жителей, имѣющее большое торговое значеніе не только для сѣверо-восточнаго угла Финляндіи, но и для русской Кареліи. Здѣсь зимою

два раза бываетъ ярмарка, на которую съѣзжаются карелы кемскаго и повѣнецкаго уѣздовъ, привозя сюда сушеную, соленую и свѣжую (мороженую) рыбу, шкуры звѣрей, дичь и покупая здѣсь муку, соль и предметы фабричнозаводскаго производства.

Широкія и чистыя улицы, ночью освѣщаемыя фонарями, порядочные тротуары, телеграфъ, аптека, большая красивая кирка, многочисленныя лавки и магазины со всевозможными товарами — придаютъ Нурмису физіономію настоящаго города. На площади я насчиталъ болѣе десятка велосипедистовъ, изъ которыхъ добрая половина — представители прекраснаго пола. Совсѣмъ культурный уголокъ, обѣщающій еще болѣе развиться, когда будетъ сюда проведена предполагающаяся желѣзная дорога изъ Іоенсу.[1])

Переночевавъ въ Нурмисѣ на kestikievari (на почтовой станціи), на другой день я отправился далѣе на сѣверъ. Отъ Нурмиса до границы Архангельской губерніи съ Олонецкою, черезъ которую лежалъ мой путь, 110 километровъ нужно было проѣхать по проселочнымъ дорогамъ на финской каріолѣ, а остальные 30 километровъ на лодкѣ. Каріола — одноконная телѣжка, на рессорахъ, съ одною парою колесъ, въ родѣ кабріолета, какъ нельзя лучше приспособлена къ мѣстнымъ дорогамъ, идущимъ большею частью по каменистому грунту: ничего въ ней нѣтъ лишняго, тяжелаго, все устроено прочно, легко и удобно. Въ нашемъ русскомъ тарантасѣ по финляндскимъ дорогамъ всю душу вытрясло бы, да и вообще четырехколесный экипажъ оказался бы недолговѣчнымъ, но каріола при налетѣ на камни отскакиваетъ отъ нихъ, какъ мячикъ. Ѣхать въ ней — просто наслажденіе, въ особенности въ хорошую погоду: сидѣть довольно удобно, тряски не ощущается, а только пріятно покачиваетъ, и на одной лошади можно проѣхать 10—15 километровъ въ часъ. Кузова для защиты отъ дождя на ней не полагается, такъ какъ это значительно прибавило бы тяжести, при противномъ вѣтрѣ замедлило бы ходъ, а такъ какъ, разстоянія между станціями небольшія, 10—20 километровъ, и везутъ скоро, то въ этомъ особенной надобности и не представляется. Ямщикъ обыкновенно садится подлѣ сѣдока, а багажъ, который долженъ быть не громоздкій и не тяжелѣе 2-хъ пудовъ на сѣдока, складывается въ коробъ каріолы, помѣщающійся подъ сидѣньемъ.

Дорога, несмотря на осень, вездѣ въ отличномъ состояніи. Черезъ каждый километръ поставлены столбы съ обозначеніемъ разстоя-

---

[1]) Въ настоящее время (1917 г.) уже имѣется желѣзная дорога до Нурмиса.

нія между станціями, и, кромѣ того, каждый километръ раздѣленъ на участки, отмѣченные небольшими столбиками съ надписями, которыхъ, вслѣдствіе быстрой ѣзды, я не могъ прочитать. Спрашиваю у ямщика, что значится въ этихъ надписяхъ. Оказалось, что содержаніе проселочныхъ дорогъ въ исправности лежитъ на обязанности мѣстныхъ крестьянъ, фамиліи которыхъ и длина участка и обозначены на этихъ столбикахъ. Во многихъ мѣстахъ лежатъ запасныя кучи песку, а близъ мостовъ — лѣсъ въ брусьяхъ: какъ только дорога или мостъ попортится, дается знать хозяину участка дороги, который немедленно исправляетъ поврежденіе; въ противномъ случаѣ vallesman — чиновникъ, на обязанности котораго, между прочимъ, лежитъ наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, нанимаетъ постороннихъ лицъ, а сельскія власти стоимость поправки послѣ взыскиваютъ съ хозяина участка.

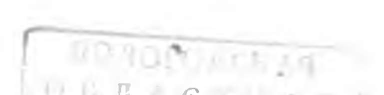
Я вспомнилъ наши проселки осенью, пресловутый русскій тарантасъ, и мнѣ невольно пришли на память слова безсмертнаго поэта:

Теперь у насъ дороги плохи:
Мосты, забытые, гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ и т. д.

Это было написано въ началѣ прошлаго столѣтія, но много ли съ тѣхъ поръ подвинулось у насъ улучшеніе проселочныхъ дорогъ и ужели сбудется пророчество Пушкина, который въ томъ же стихотвореніи говорилъ, что только —

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ
Со временемъ — по расчисленью
Философическихъ таблицъ.
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ — дороги, вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію, здѣсь и тутъ
Соединивъ, пересѣкутъ . . .

Плата за проѣздъ довольно высока: 14 пенни съ километра за одну лошадь (на русскія деньги около 6 копеекъ съ версты), но зато везутъ вездѣ хорошо, безъ задержки, на чай давать неприходится, такъ какъ въ Финляндіи это не принято.

Станціонные домики даже въ глухихъ маленькихъ деревняхъ въ отмѣнномъ порядкѣ: вездѣ вы найдете отдѣльную приличную комнату съ необходимою мебелью; за ночлегъ, кушанья, кофе вы заплатите по установленной таксѣ и можете быть увѣрены, что лишняго съ васъ не возьмутъ.

Чѣмъ ближе къ границѣ Архангельской губерніи, тѣмъ селенія меньше, а разстояніе между ними больше. Но крестьяне вездѣ выглядятъ зажиточно: покосившихся, подпертыхъ хижинъ вы здѣсь не встрѣтите. Небольшія, но опрятныя избы, съ тесанными снаружи стѣнами, окружены службами, многія окрашены въ красную краску — любимый цвѣтъ финновъ. Просторныя конюшни съ деревяннымъ поломъ, и навозъ въ нихъ не втаптывается въ землю, какъ въ нашихъ русскихъ скотныхъ дворахъ, а выбрасывается въ особое отверстіе, такъ что полъ въ конюшнѣ всегда чистый. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ стѣны внутри выштукатурены, если же этого нѣтъ, то углы и щели въ бревнахъ зашпаклеваны особымъ цементомъ, который хорошо задерживаетъ тепло.

»Потерпѣвшіе кораблекрушеніе.»

Финляндское искусство. Р. К. Стигелль. Модель бронзовой группы, поставленной на Обсерваторной горѣ въ Гельсингфорсѣ.

Съ одной станціи повезъ меня дряхлый, сѣдой старикъ, лѣтъ 70-ти, и объявилъ мнѣ, что ему необходимо заѣхать около километра въ сторону. Я сначала было возмутился и просилъ старика не задерживать меня разъѣздами по окольнымъ путямъ, но волей-неволей пришлось покориться. Оказалось, что сыновья его уѣхали на праздникъ въ другую деревню, верстъ за 15, самъ онъ проѣзжающихъ не возитъ, а наемный работникъ-ямщикъ состоитъ учителемъ сельской воскресной школы (безплатно) и теперь занимается съ ребятами; вотъ за работникомъ-то и нужно было заѣхать въ сторону отъ дороги. Я заинтересовался и школою, и батракомъ-учителемъ и попросилъ старика свезти

меня въ школу. Тотъ охотно согласился. Помѣщеніемъ воскресной школы оказалась свѣтлая, просторная изба мѣстнаго зажиточнаго крестьянина. На лавкахъ и скамьяхъ сидѣло десятка полтора ребятъ, большинство которыхъ, судя по возрасту, уже прошло народную школу, и человѣкъ шесть взрослыхъ мужчинъ. На обыкновенномъ крестьянскомъ столѣ лежало нѣсколько книгъ, на стѣнѣ висѣла довольно подержанная географическая карта; книги были и въ рукахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ. При нашемъ входѣ всѣ встали; ребята сбились кучками и, прячась другъ другу за спину, перешептывались и показывали глазами въ мою сторону. Учитель-работникъ, узнавъ во мнѣ проѣзжающаго, подошелъ къ своему хозяину и тихо спросилъ, нужно ли ему ѣхать. Хозяинъ передалъ ему о моемъ желаніи послушать занятія. Учитель подалъ знакъ, и всѣ чинно усѣлись на свои мѣста. Занятія возобновились. Одинъ изъ мальчиковъ медленно, но толково разсказалъ нѣкоторыя свѣдѣнія по географіи Финляндіи, показывая на картѣ соотвѣтствующія названія; другой прочиталъ отрывокъ изъ Калевалы; третій довольно хорошо продекламировалъ стихотвореніе Рунеберга. Я былъ пораженъ этой картиной и забылъ, что мнѣ необходимо скорѣе ѣхать впередъ. Для меня, русскаго, родившагося и много лѣтъ прожившаго въ деревнѣ, все тутъ было необыкновенно: и воскресная школа въ деревенской глуши, и крестьянскій батракъ-учитель, и праздничное времяпровожденіе финскихъ дѣтей. Всѣ здѣсь грамотны, и по выходѣ изъ школы крестьянскія дѣти продолжаютъ учиться и не превращаются въ рецидивистовъ безграмотности. Въ народную школу дѣти поступаютъ уже грамотными: читать и писать они учатся у матери. Финская поговорка гласить, что когда работаетъ финская женщина, у нея заняты голова, руки и ноги: одной ногой она качаетъ колыбель, другой — самопрялку, лѣвая рука управляетъ пряжей, а правою — трудолюбивая мать показываетъ буквы и картинки своему учащемуся сыну. Трудолюбіе населенія, стремленіе къ просвѣщенію, трезвость, честность, крайняя умѣренность въ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей — вотъ главныя причины быстраго культурнаго роста Финляндіи.

Вглядываясь въ обстановку, окружающую суровую жизнь финна, часто поражаешься, съ какимъ желѣзнымъ упорствомъ онъ борется съ мачехою-природою. Вотъ, напримѣръ, предъ вами только что разработанная и засѣянная подсѣка: на склонѣ горы, усѣянной камнями и обгорѣлыми пнями, небольшое пространство, около десятины, окружено новою изгородью, которая довольно нарядно выглядитъ на чер-

номъ фонѣ выжженной поляны; большія кучи камня и вывороченныхъ съ корнями пней виднѣются во многихъ мѣстахъ у изгороди, но неубранныхъ пней и камней, все-таки, осталось еще очень много. Трудно вѣрится, чтобы на такой каменистой почвѣ могло что нибудь вырасти. Но вотъ неподалеку вы видите другую, прошлогоднюю подсѣку: здѣсь уже ни пней, ни камней не видно, а волнуется высокая крупноколосая рожь, ожидающая серпа своего терпѣливаго хозяина. Но какой громадный трудъ нуженъ, чтобы достигнуть этого!

На границѣ Финляндіи.
Канава между озерами въ Кареліи, около д. Шаппоавара (Sappovaara).

Въ выселкѣ Сумчѣ, находящемся на разстояніи 30 километровъ отъ первой русской деревушки Олонецкой губерніи, ѣзда на каріолѣ кончилась. Отсюда нужно было пройти 25 километровъ — пѣшкомъ. Можно было бы, избравъ другой путь, проѣхать водою по р. Каменной, но при этомъ пришлось бы сдѣлать 20 километровъ лишка, а такъ какъ багажа у меня было не особенно много, то я предпочелъ болѣе краткій путь.

Даже при ѣздѣ въ лодкѣ пришлось замѣтить слѣды повсемѣстнаго финляндскаго благоустройства. Рѣка, по которой мы ѣхали, была порожиста, но русло рѣки вездѣ очищено отъ опасныхъ камней.

Камни сложены въ деревянный срубъ, устроенный на берегу вдоль порога, а сверху настланы доски: получается что-то въ родѣ тротуара, по которому гребцы тянутъ лодку вверхъ по рѣкѣ и идутъ пассажиры, которые боятся сидѣть въ лодкѣ при ѣздѣ въ порогахъ.

II.

Калевала.

Въ предыдущихъ и дальнѣйшихъ очеркахъ о Кареліи приведены стихи изъ Калевалы, а такъ какъ среди русскихъ читателей Калевала сравнительно мало распространена, то я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ великомъ памятникѣ всемірной литературы, и это тѣмъ болѣе умѣстно, что родиной Калевалы, этого, по выраженію профессора Я. Гримма, »драгоцѣннѣйшаго сокровища эпической поэзіи», слѣдуетъ считать русскую Карелію.

По свидѣтельству Лёнрота, знатока финской народной поэзіи и собирателя рунъ (пѣсенъ), изъ коихъ была составлена Калевала, лучшія руны со словъ мѣстныхъ пѣвцовъ кареловъ, были записаны въ Вокнаволоцкомъ приходѣ, Кемскаго уѣзда, Архангельск. губ., а затѣмъ — въ Реболѣ и Химолѣ Олонецкой губерніи.

Калевала — финскій народный эпосъ, имѣетъ слѣды глубокой древности и изображаетъ все міросозерцаніе финновъ и родственныхъ имъ кареловъ, всѣ ихъ бытовыя черты, положеніе женщины, семейныя отношенія, обычаи, обстановку, одежду и пр.

Величественная, грозная, непокорная природа Финляндіи и Кареліи съ ихъ скалами, горными ущельями, дремучими лѣсами, безчисленными озерами, водопадами, полярною ночью на крайнемъ сѣверѣ (въ Лапландіи) — создали ту безграничную фантазію, которая красною нитью проходитъ чрезъ всю Калевалу и рисуетъ съ одной стороны все ничтожество человѣка передъ грозными явленіями природы, а съ другой стороны — его всемогущество, заключающееся въ познаніи сущности вещей.

По воззрѣніямъ Калевалы, вѣщій человѣкъ, обладающій познаніями происхожденія и бытія вещей и явленій природы, своимъ заклинательнымъ пѣніемъ и заговорами можетъ творить чудеса. [1])

---

[1]) Подъ заклинательнымъ пѣніемъ, основаннымъ на познаніи *сущности вещей*, разумѣются современныя научныя открытія, на которыхъ зиждется матеріальный прогрессъ, примѣч. авт.

Михаилъ Архиповъ.

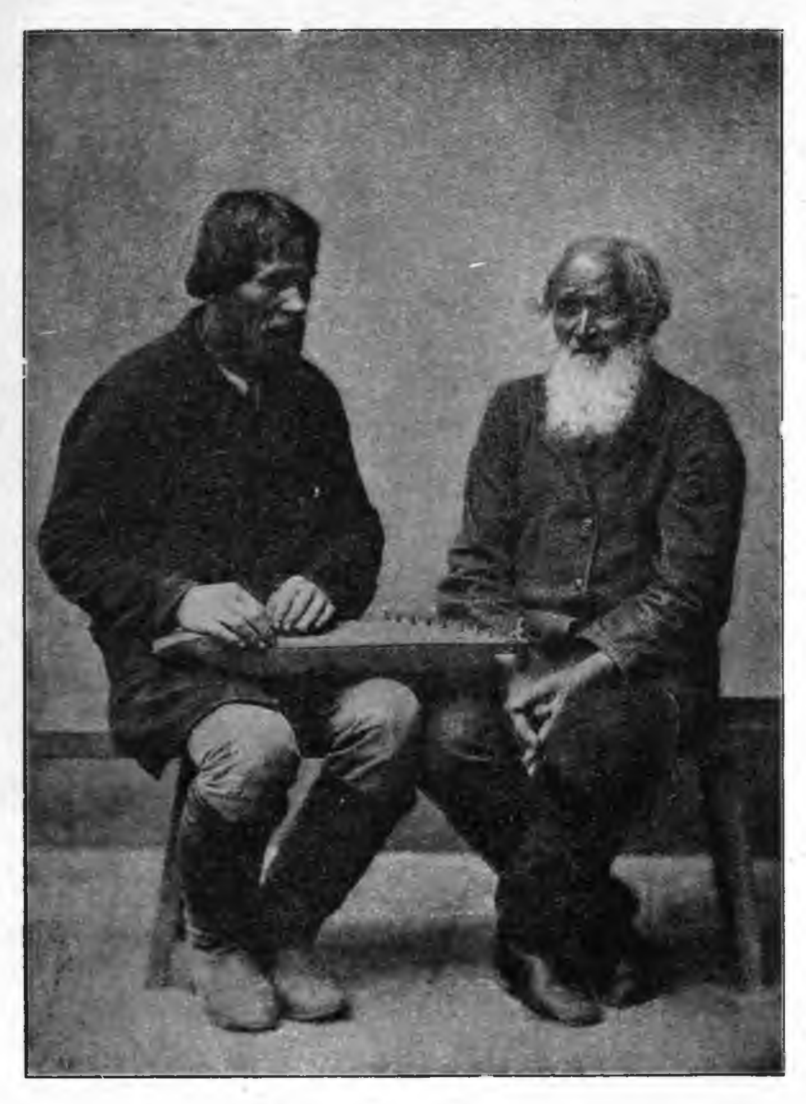
Знаменитый пѣвецъ рунъ, крестьянинъ дер. Ладвозеро (Latvajärvi) Вокнаволоцкой вол., Кемск. у., умершій въ 1899 г.

Отецъ Михаила, Архипъ Пертуевъ, въ 1834 году передалъ Лёнроту 50 рунъ, которыя считаются лучшими по содержанію и красотѣ стиха. Многія изъ этихъ рунъ полностью вошли въ Калевалу.

Випуненъ, [1]) тотъ пѣснопѣвецъ,
Этотъ старецъ, полный силы,
На устахъ несетъ заклятья,
Силой грудь переполняетъ;
Отперъ ящикъ со словами,
Отворилъ шкатулку пѣсенъ,
Чтобы спѣть получше пѣсни,
Предложить бы самыхъ лучшихъ,
О вещей началѣ первомъ,
О вещей происхожденьи;
Не поютъ теперь ихъ дѣти,
Ни могучіе герои:
Времена пришли плохія,
И вѣка укоротились
Пѣлъ вещей происхожденье,
По порядку всѣ заклятья,
Какъ по Божьему велѣнью,
По всемощному приказу,
Самъ собой распался воздухъ,
Изъ него вода явилась,
Изъ воды земля возникла,
Изъ земли пошли растенья.
Онъ пропѣлъ, какъ созданъ мѣсяцъ,
Какъ поставлено и солнце,
Какъ столбы вѣтровъ явились,
Какъ возникли въ небѣ звѣзды. [2])

[1]) Випуненъ (Wipunen) — старый великанъ, погруженный въ вѣчный сонъ, знатокъ могучихъ заклинаній.

[2]) Руна 17, перев. Л. П Бѣльскаго.

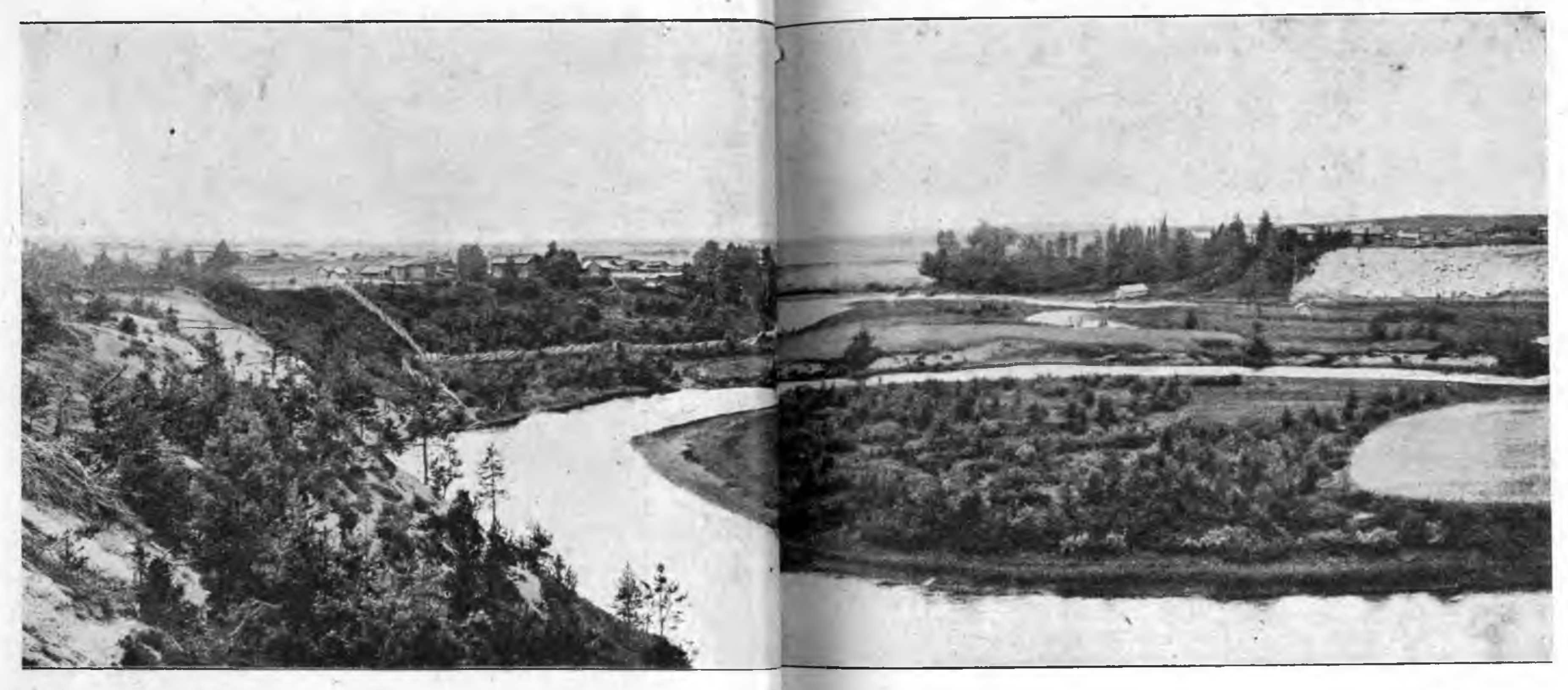

Игрокъ на »Кантеле«. [1])

Герои Калевалы борются съ стихіями, при этомъ живое чувство финновъ къ внѣшней природѣ выражается съ такой силой, какая, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей миѳологіи, встрѣчается только въ поэзіи индусовъ.

Мѣстомъ дѣйствія героевъ »Калевалы« служатъ миѳическія страны: Калевала (Kaleva-la, суффиксъ la въ карельскомъ нарѣчіи, на кото-

[1]) Кантеле — родъ гуслей.

На р левалы.

Карельскій пейзажъ. На СКуйтозерѣ (Keski Kuittijärvi).

ромъ и записана Калевала со словъ пѣвцовъ, означаетъ мѣсто жительства или нахожденія), т. е. страна Калевы — родоначальника финскихъ героевъ, и Похьола — страна мрака и холода (pohja — сѣверъ). Подъ Калевалой, повидимому, разумѣются Финляндія и Карелія, а подъ Похьолой — Лапландія.

Главный герой Калевалы — Вяйнемейненъ (Wäinämöinen), могучій вѣщій старецъ, пѣвецъ — заклинатель и изобрѣтатель перваго музыкальнаго инструмента — Кантелэ. Онъ — сынъ божественной дѣвы воздуха и матери водъ Ильматаръ (Ilmatar), которая сойдя съ неба, приняла участіе въ твореньи міра, при чемъ земля, небо, солнце луна, звѣзды и тучи явились изъ яйца утки.

Вяйнемейненъ своею мудростью постигъ сущность вѣщей и явленій, при помощи бога Укко (старикъ, дѣдъ) и при посредствѣ Пеллервойнена (отъ pelto-поле) или Сампса, засѣялъ землю; онъ является благодѣтелемъ своей родины и повелѣваетъ нѣкоторыми другими героями Калевалы. Своимъ чуднымъ пѣніемъ и игрою на Кантелэ онъ творитъ чудеса и приводитъ въ необычайный восторгъ не только всѣ живыя существа, но даже солнце и мѣсяцъ.

Въ Калевалѣ слѣдующимъ образомъ описано происхожденіе Вяйнемейнена

»Былъ одинъ и Вяйнемейненъ, [1])
Вѣковѣчный пѣснопѣвецъ;
Онъ отъ Ильматаръ родился,
Отъ родительницы Каве. [2])
Дочь прекрасная творенья,
Та дочь воздуха, дѣвица,
Проводила непорочно
Все дѣвичьей жизни время,
Средь большой страны воздушной
Въ растянувшихся равнинахъ.

[1]) Руна 1-я, пер. Л. П. Бѣльскаго.
[2]) Каве — дочь воздуха.

Жить въ дѣвицахъ было скучно,
Стала жизнь ей тамъ противна:
Проживать все одинокой,
Постоянно жить въ дѣвицахъ,
Средь большой страны воздушной
Въ распростершейся пустынѣ.
И спустилась внизъ дѣвица,
Въ волны водъ она склонилась,
На хребетъ прозрачный моря,
На свободное теченье.»

Вяйнемейненъ былъ въ чревѣ матери тридцать лѣтъ, а послѣ рожденья

Онъ пять лѣтъ носился въ морѣ,
Онъ пять лѣтъ и шесть качался,
И еще семь лѣтъ и восемь.
Наконецъ плыветъ на берегъ,
Держитъ къ сушѣ безъ деревьевъ
И на косу безъ названья.
Поднялся, чтобъ видѣть мѣсяцъ,
Любоваться бы на солнце.
Такъ родился Вяйнемейненъ,
Этотъ мощный пѣснопѣвецъ;
Дочь творенья, дѣва Каве,
Мать была его родная.

При состязанiи въ искусствѣ пѣнiя съ Юкагайненомъ чары своихъ заклинательныхъ пѣсенъ Вяйнемейненъ выказалъ въ такомъ видѣ

Самъ запѣлъ тогда онъ пѣсню,
Самъ тогда онъ началъ рѣчи.
Не ребячьи пѣсни пѣлъ онъ
И не женскую забаву —
Пѣлъ геройскiя онъ пѣсни:
Не поютъ ихъ вовсе дѣти,
Молодежь на половину,
Изъ мужей лишь въ третьей части.
Времена пришли плохiя,
И вѣка укоротились.
Смѣло началъ Вяйнемейненъ —
Всколыхалися озера,
Задрожали горы съ мѣдью,
Даже камни содрогались,
Со скалы скала валилась,
Раздроблялися утесы.
Онъ запѣлъ, и разрослися
На дугѣ Лапландца вѣтки,
На хомутъ насѣла ива,
На шлеѣ явилась верба.
Позолоченныя сани
Стали тальникомъ прибрежнымъ,
Кнутъ жемчужный обратился
Осокой на побережьи;
Конь Лапландца бѣлолобый
Сталъ скалой у водопада;
Мечъ съ златою рукоятью
Яркой молнiей на небѣ;
Изъ раскрашеннаго лука
Вышла радуга надъ моремъ;
Стрѣлы легкiя Лапландца
Ястребами полетѣли;
Тупомордая собака
Валуномъ огромнымъ стала.
Превращаетъ старецъ шапку —
Стала шапка длинной тучей;
Онъ поетъ — и рукавицы
Вдругъ становятся цвѣтами;
Шерстяная куртка ходитъ
Облачками въ синемъ небѣ,
А изъ пояса Лапландца
Звѣзды въ небѣ запестрѣли.
Онъ поетъ — и Юкагайненъ [1])
По бедро ушелъ въ болото,
И до пояса въ трясину,
До плечей съ песокъ сыпучiй. [2])

---

[1]) Юкагайненъ — лапландецъ неудачный соперникъ Вяйнемейнена въ пѣнiи.
[2]) Калевала, пер. Л. П. Бѣльскаго.

»Такъ давай свои мнѣ руки,
Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ;
Пѣсни славныя споемъ мы,
И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсенъ.

На картинѣ изображена обычная манера пѣнья рунъ двумя пѣвцами, соединившими свои руки. Одинъ изъ пѣвцовъ произноситъ строфу руны, а другой, подхвативъ послѣднія слова, снова повторяетъ ту-же строфу.
Такая манера пѣнія въ Кареліи въ настоящее время, кажется, не встрѣчается.

Чудесная игра Вяйнемейнена на кантеле изображена въ рунѣ 41-й.

Старый вѣрный Вяйнемейненъ,
Вѣковѣчный заклинатель,
Тутъ привелъ въ порядокъ пальцы,
И большихъ два пальца вымылъ,
На скалу отрады вышелъ,
Сѣлъ на камень пѣснопѣнья,
На сребристомъ возвышеньи,
На холмѣ, покрытомъ златомъ.
Взялъ онъ кантеле подъ пальцы,
Ставитъ выгибъ на колѣни,
Взялъ онъ кантеле руками,
Говоритъ слова такія:
»Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышалъ раньше,
Эти звуки вѣчныхъ пѣсенъ,
Звуки кантеле отрады»
Вотъ играетъ Вяйнемейненъ —
Не осталось звѣря въ лѣсѣ,
Изо всѣхъ четвероногихъ,
Звѣря съ длинными ногами,
Что-бъ не шелъ туда послушать
И ликуя подивиться.
И сама хозяйка лѣса,
Эта мудрая старуха,
Вышла въ синенькихъ чулочкахъ,
Подвязавъ ихъ краснымъ бантомъ,
На наростъ березы сѣла,
На изгибъ ольхи зеленой,

Чтобы кантеле послушать,
Чтобъ услышать эти звуки.
Всѣ воздушныя летуньи,
Всѣ съ двумя крылами птицы,
Запорхали, прилетѣли,
Прилетѣли и усѣлись,
Чтобъ услышать эти звуки,
Чтобы радуясь дивиться.
Такъ игралъ отецъ почтенный,
Восхищалъ всѣхъ Вяйнемейненъ.
Даже дочери творенья,
Дѣвы воздуха явились,
И дивяся восторгались,
Слыша кантеле звучанье,
И одна въ воздушномъ сгибѣ
На небесномъ сводѣ сѣла,
А на облакѣ другая
На краю сіяла красномъ.
Дѣва мѣсяца, красотка,
И красавица дочь солнца
Берда въ ручкахъ задержали
И станки остановили,
Золотую ткань не ткали,
Ткань съ серебряною ниткой,
На окрайнѣ красной тучки,
На краю большого свода.
Наконецъ воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась изъ глуби моря,
Выплываетъ осторожно,
Проползла въ тростникъ прибрежный
И на рифѣ тамъ усѣлась,
Чтобъ послушать эти звуки,
Вяйнемейнена напѣвы.
Звуки чудно раздавались,
И игра была прекрасна.
Задремала водъ хозяйка,
И заснувши наклонилась
Наверху скалы пестрѣвшей,
На краю большого камня.
Старый вѣрный Вяйнемейненъ
День играетъ и другой день;
Не осталося героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто-бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронуло-бы сердце.
Плачутъ юные и старцы,
Плачутъ люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачутъ также и дѣвицы,
Плачутъ дѣвочки малютки.
Такъ чудесны эти звуки,
Такъ играетъ дивно старецъ.

Петръ Лѣсоевъ.
Пѣвецъ рунъ изъ д. Венехъ-озеро (Wenehjärvi) Вокнавол. вол., Кем. у.

Трифонъ Ямановъ.
Пѣвецъ рунъ изъ Ухты Кемск. у.

Второй герой Калевалы — Ильмариненъ, братъ Вяйнемейнена, чудесный кузнецъ, который выковалъ небо — крышу воздуха и Сампо.

Ильмариненъ, пріѣхавъ къ Лоухи, хозяйкѣ Похьолы, такъ говоритъ о своемъ искусствѣ:

»Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пестро отчеканю,
Взявъ концы лебяжьихъ перьевъ,
Молоко коровы дойной,
Отъ овечки лѣтней шерсти,
Съ ячменя зерно младое.[1])
Я вѣдь выковалъ же небо,
Кровлю воздуху сковалъ я,
И ничуть не видно сковки,
Узелка нигдѣ не видно«.

Сампо и его »пестрая крышка« (kirjokansi) — сѣверное сокровище (талисманъ), которое приноситъ счастіе тому, у кого оно находится.

Реальное представленіе Сампо — мельница-самомолка, которая вымалываетъ хлѣбъ, соль и деньги, — тоже, что въ русскихъ сказкахъ »Скатерть самобраная«.

Пока этимъ сокровищемъ владѣли жители Похьолы, эта страна была счастлива. Вяйнемейненъ съ товарищами-героями похищаетъ Сампо у Лоухи, при чемъ во время битвы героевъ Калевалы съ жителями Похьолы Сампо падаетъ въ море и разбивается.

Такъ разбилось въ морѣ Сампо,
Крышка пестрая сломалась.
Потонули тѣ обломки,
Тѣ куски большіе Сампо,
Въ глубинѣ потоковъ синихъ,
Въ темной тинѣ дна морского;
Тамъ отъ нихъ въ водѣ богатство,
И сокровища у Ахто.[2])

Но обломки Сампо принесло къ берегамъ Финляндіи (Suomi). Вяйнемейненъ обрадовался этому и говоритъ:

Вотъ отсюда выйдетъ сѣмя,[3])
Неизмѣнныхъ благъ начало:
И паханье и посѣвы,
И различныя растенья,
И блескъ мѣсяца отсюда,
Благодѣтельный свѣтъ солнца
На большихъ поляхъ Суоми,
Въ дорогой моей отчизнѣ
Старый вѣрный Вяйнемейненъ,
Вышелъ самъ тогда на берегъ,

---

[1]) Матеріалы, изъ которыхъ по заказу Лоухи выковывалось Сампо.

[2]) Ахто — Морской царь.

[3]) Руна 43, пер. Л. П. Бѣльскаго.

Тамъ нашелъ куски отъ Сампо,
Щепочки отъ пестрой крышки.
Тамъ на берегу у моря,
На песчанномъ мягкомъ мѣстѣ,
Посадилъ осколки Сампо,
Щепочки отъ пестрой крышки,
На мысочкѣ средь тумана,
Тамъ на мглистомъ островочкѣ,
Чтобъ росли и умножались,
Чтобъ могли преобразиться
Въ ячмени для варки пива,
Въ рожь прекрасную для хлѣба.
Молвилъ старый Вяйнемейненъ
Самъ потомъ слова такія:
»Боже, дай, пошли, создатель,
Чтобъ мы счастьемъ наслаждались,
Жизнь бы прожили счастливо
И чтобъ съ честію скончались
На землѣ Суоми милой,
Здѣсь въ Кареліи прекрасной».

Въ когтяхъ же у Лоухи, которая для погони за Вяйнемейненомъ, похитившимъ Сампо, превратилась въ орла, осталась только очень маленькая крошка сокровища, поэтому Лоухи въ отчаяньи плачетъ:

»Власть теперь моя погибла
И могущество ослабло,
Мощь моя въ глубокомъ морѣ,
Сампо въ глубинѣ потоковъ.»
Тутъ домой уходитъ съ плачемъ
Съ горькой скорбію въ Похьолу;
Не взяла съ собой отъ Сампо
Ничего, что было цѣнно,
Но взяла съ собой немножко,
Безыменнымъ только пальцемъ,
Принесла въ Похьолу крошку,
Лишь щепотку въ Саріолу.
Оттого въ Похьолѣ бѣдность,
У лапландцевъ мало хлѣба».

Пахомъ Оменаевъ.

Пѣвецъ рунъ изъ д. Бабья-Губа Кондокской вол., Кем. у.

Павелъ Ямановъ.

Пѣвецъ рунъ изъ с. Ухты, Кемск. у.

Младшій изъ героевъ Калевалы — Лемминкяйненъ (Lemminkäinen) — воинственный, веселый, обладающій цвѣтущимъ здоровьемъ и немного легкомысленный удалецъ, упоминающійся въ нѣкоторыхъ рунахъ подъ именами: Ахти, Кауколайненъ и Каукоміели (Ahti, Kaukolainen и Kaukomieli). Это — Донъ-Жуанъ Калевалы.

Кромѣ этихъ главныхъ героевъ, въ Калевалѣ изображаются Юкахайненъ (Joukahainen), его сестра Айно, которая, не желая выйти замужъ за стараго Вяйнемейнена, бросилась въ море; затѣмъ Куллерво, Марьятта и др.

Въ отношеніи религіознаго міросозерцанія героевъ Калевалы изъ рунъ можно получить слѣдующіе выводы. Юмала — создатель вселенной. Укко — творецъ всего видимаго міра. Къ нему обращаются съ молитвою объ исцѣленіи болѣзней (Руна 45).

»Укко, ты мой богъ небесный,
Ты на тучахъ высочайшій,
Снизойди сюда скорѣе,
Поспѣшай, къ тебѣ взываю.
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастье злое,
Уничтожь болѣзни эти.
»Мечъ мнѣ огненный ты даруй,
Огневой клинокъ пошли мнѣ,
Чтобъ сразилъ я этихъ злобныхъ
И прогналъ бы этихъ скверныхъ
На стезю вѣтровъ — болѣзни,
Въ поле дальнее — всѣ муки.
»Я туда сгоню болѣзни,
Я туда пошлю мученья:
Въ погреба внутри утесовъ,
Въ груды, полныя желѣзомъ,
Чтобы камнямъ дать болѣзни,
Отягчать мученьемъ скалы.
»Укко, ты мой богъ высокій,
Древній мужъ, живущій въ небѣ,
Ты пошли съ востока тучу,
Тучу съ сѣвера ты вышли,
Съ запада направь скорѣе,
Вышли медъ, пошли водицу,
Чтобъ смягчить болѣзни эти,
Успокоить здѣсь мученья.»

Къ Укко обращается также и охотникъ, чтобы достигнуть успѣха на охотѣ (Руна 14).

»Укко, ты мой богъ высокій,
Укко, ты отецъ небесный,
Ты устрой получше лыжи,
Дай ты имъ большую скорость,
Чтобъ на нихъ я могъ промчаться
По землѣ и по болотамъ,
Прямо въ сторону Хіиси,
По большимъ полямъ Похьолы,
По слѣдамъ Хіиси лося,
Лося, дикаго оленя.
»Изъ мужей иду я къ лѣсу,
Изъ героевъ на работу
По дорогѣ Тапіолы,
Мимо Тапіо [1]) жилища.
Мой поклонъ вамъ, горы, выси,
Вамъ, лѣса прекрасныхъ сосенъ,

[1]) Тапіо — лѣсной царь.

На родинѣ Калевалы.

Старыя избы въ одной изъ Карельскихъ деревень на берегу оз. Куйто Ухтинской вол. Кем. у.

Вамъ, осиновыя рощи,
Также тѣмъ, кто къ вамъ привѣтливъ.
»Пропустите, лѣсъ, пустыня,
Благосклоненъ будь мнѣ, Тапіо,
Пропусти на горы мужа,
Дай пройти мнѣ по болотамъ,
Чтобъ поймать мою добычу,
Получить мою награду.»

Въ Калевалѣ изображается также рай и адъ.

Рай — обитель Юмалы, гдѣ въ надзвѣздныхъ высотахъ въ золотыхъ сосудахъ приготовляются мази для исцѣленія больныхъ и воскрешенія мертвыхъ.

Адъ — подземный островъ Туонела, гдѣ живетъ царь мертвыхъ Туони, съ женой и дочерью Туонетаръ. Дорога въ адъ слѣдуетъ чрезъ рѣку Туони.

Злымъ божествомъ, однако, является не подземный богъ мертвыхъ — Туони, а злая богиня Хіиси, живущая на землѣ.

Порожденіемъ зла на землѣ является также коварная старуха Лоухи, соотвѣтствующая Бабѣ-Ягѣ русскихъ народныхъ сказокъ.

Лоухи — хозяйка мрачнаго и холоднаго сѣвера, является олицетвореніемъ грозныхъ мертвящихъ стихій полярныхъ странъ; она вѣчно враждуетъ съ добрыми обитателями свѣтлой страны Калевалы, похищаетъ съ неба луну и солнце, посылаетъ въ Калевалу морозы, вихри, болѣзни, губитъ скотъ.

Однако, Лоухи имѣетъ необыкновенно красивую дочь, о которой въ рунѣ 10 говорится:

Есть на сѣверѣ дѣвица, [1])
Тамъ въ селѣ холодномъ дѣва;
Жениха она не ищетъ;
Мужа славнаго не хочетъ.
Половина всей Похьолы
Славитъ дивную дѣвицу:
На вискахъ сіяетъ мѣсяцъ,
На груди блистаетъ солнце,
На плечахъ, созвѣздье свѣтитъ,
На спинѣ семь звѣздъ блестящихъ.
О, кузнецъ ты, Ильмариненъ,
Вѣковѣчный ты ковoтель!
Увези пойди дѣвицу,
Посмотри пойди на косы:
Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь въ награду дѣву,
За работу ту дѣвицу».

Многократныя путешествія названныхъ героевъ изъ Калевалы въ Похьолу съ цѣлью высватать замужъ красавицу сѣвера и добыванье Сампо и есть главная идея эпоса »Калевала«.

Въ представленіи о Сампо въ видѣ мельницы-самомолки сказывается одна изъ характерныхъ бытовыхъ чертъ финскаго народа, живу-

[1]) Пер. Л. П. Бѣльскаго.

щаго на крайнемъ сѣверѣ и всегда нуждающагося въ хлѣбѣ, который здѣсь плохо родится.

Любитель и знатокъ финскаго народнаго эпоса и собиратель Калевалы, докторъ Эліасъ Ленротъ (Elias Lönnrot, 1802—1884 г.), по происхожденію сынъ крестьянина, окончилъ курсъ Абоской академіи и былъ сначала врачемъ въ захолустномъ г. Каяни (Куопіоской губ.), а впослѣдствіи — профессоромъ финскаго языка и литературы въ Гельсингфорскомъ университетѣ.

На родинѣ Калевалы.
Съ праздника домой на лошадяхъ верхами.

Онъ въ простой крестьянской одеждѣ много лѣтъ странствовалъ по глухимъ деревнямъ Финляндіи, а также въ Архангельской и Олонецкой губ. и записывалъ руны (былины) со словъ пѣвцовъ. Лёнротъ 7 разъ посѣтилъ русскую Карелію.

Первый сборникъ финскихъ народныхъ пѣсенъ подъ названіемъ »Кантеле« Лёнротъ выпустилъ въ 1828 г. Затѣмъ въ 1835 году была въ первый разъ издана »Калевала«, а полное изданіе ея, состоящее изъ 50 рунъ и перепечатываемое до сихъ поръ, вышло въ 1849 г.

Возможно, что будущія поколѣнія назовутъ собирателя Калевалы финскимъ Гомеромъ, но во всякомъ случаѣ Ленротъ съ національнымъ

Памятникъ Лёнроту въ Гельсингфорсѣ.

финскимъ поэтомъ Рунебергомъ по справедливости считаются основателями финской литературы.

До половины XIX вѣка финской литературы почти не существовало. На финскомъ языкѣ печатались лишь молитвенники и учебники, такъ какъ оффиціальнымъ и литературнымъ языкомъ былъ шведскій.

Въ 1831 г. Лёнротъ съ Рунебергомъ основали Финское Литературное Общество, по иниціативѣ котораго стали переводиться на финскій языкъ сочиненія выдающихся ученыхъ и писателей, появились на этомъ языкѣ газеты и журналы, а произведенія современныхъ финскихъ писателей А. Киви (Aleksis Kivi), I. Ахо (Juhani Aho), А. Ярне-

Памятникъ Рунебергу въ Гельсингфорсѣ.

фельтъ (Arvid Järnefelt), I. Линнанкоски (I. Linnankoski) и T. Паккала (Teuvo Pakkala) переводятся уже и на другіе языки.

Въ настоящее время Финское Литературное Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи свыше 100,000 варіантовъ старыхъ финскихъ народныхъ пѣсенъ, послужившихъ основою Калевалы, и предпринятое уже Обществомъ печатаніе этихъ пѣсенъ составитъ болѣе 20 большихъ томовъ.

Полные переводы Калевалы имѣются на 9 языкахъ: русскомъ, шведскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, эстонскомъ, венгерскомъ и чешскомъ, а частичные переводы главныхъ

рунъ — на 14 языкахъ, при чемъ значительная часть рунъ переведена даже на японскій и древне-еврейскій языки, что служитъ яркимъ показателемъ, что Калевала занимаетъ выдающееся мѣсто среди міровой литературы и можетъ быть приравнена къ Иліадѣ и Одиссеѣ Гомера.

На русскомъ языкѣ существуетъ единственный полный переводъ Калевалы Л. П. Бѣльскаго, удостоенный Пушкинской преміи и имѣющійся въ изданіяхъ Глазунова. Ступина, Гранстремъ и Сабашниковыхъ.

Лучшимъ слѣдуетъ считать послѣднее изданіе (1915 г.) Сабашниковыхъ, снабженное объясненіями и краткимъ содержаніемъ рунъ въ прозѣ.

Для дѣтей можно рекомендовать изданіе А. Д. Ступина съ рисунками Н. И. Живаго.

Въ Финляндскомъ историческомъ музеѣ въ Гельсингфорсѣ имѣется особая комната (помѣщ. 44), въ которой собраны предметы, упомянутые въ Калевалѣ и бюсты пѣвцовъ финскихъ былинъ.

Здѣсь имѣются духовые музыкальные инструменты изъ бересты, струнные инструменты, »Кантеле» съ 29 струнами, на которомъ игралъ Лёнротъ, когда онъ жилъ въ Каяни, лукъ, стрѣлы, рогатины и орудія волшебниковъ.

Изъ послѣднихъ, занимающихъ особую витрину, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе предметы:

1. Природныя деревянныя кольца, сквозь которыя продѣвали больныхъ дѣтей, при чемъ шептались заклинанія. Одно изъ колецъ, на которомъ помѣчена дата 1741, пользовалось, по разсказамъ старожиловъ, особою славою по своимъ цѣлебнымъ дѣйствіямъ, и родители изъ далекихъ мѣстъ привозили больныхъ дѣтей для лѣченія этимъ кольцомъ.

2. »Вихревы гнѣзда» — мохнатые уродливые побѣги, паразитическаго происхожденія, растущіе на березѣ и ели въ видѣ букета. Водою, въ которой варилось вихревое гнѣздо, или пропущенной черезъ него, лѣчились накожныя болѣзни, а также всякая »немочь», происшедшая »отъ вѣтра».

3. »Tapionlukko» (замокъ лѣшаго), посредствомъ котораго »связывали» лѣшаго, причинившаго болѣзнь.

4. Волшебный древесный наростъ (»Päivännäkemätön», т. е. не видавшій солнца. такъ какъ выросъ подъ корой дерева), »змѣиносудный камень» (käärmeenkäräjäkivi), который, по существовавшимъ вѣрованіямъ, служилъ хорошимъ защитникомъ на судѣ, медвѣжьи лапы и клыки, »громовыя стрѣлы» и т. д.

На родинѣ Калевалы.
Бабья-губа. Неводъ на берегу Каменнаго озера Кондокской вол. Кемскаго у.

5. Обращаетъ на себя вниманіе также »ольховый мужъ», которымъ пользовались влюбленныя дѣвицы для полученія взаимности. »Мужъ» на ночь клался подъ подушку, утромъ на восходѣ солнца вывозился изъ спальни на ольховыхъ саняхъ къ ключу или рѣкѣ и утоплялся тамъ, послѣ чего безнадежно-влюбленная до того времени дѣвица будто-бы получала взаимность отъ своего возлюбленнаго.

Въ настоящее время извѣстный финскій художникъ Галленъ-Каллела пишетъ картины на сюжеты изъ Калевалы. Въ »Атенеумѣ» (картинная и скульптурная галлерея въ Гельсингфорсѣ) помѣщено нѣсколько картинъ работы этого художника, при чемъ лучшими по замыслу и экспрессіи слѣдуетъ считать: »Ильмариненъ куетъ Сампо», »Иматра зимою» и триптихъ — сцены изъ миѳа объ Айно.

На темы изъ Калевалы имѣются на финскомъ языкѣ три оперы: »Айно» и »Похья Нейто» композ. О. Мериканто и »Куллерво» композ. Армасъ Лаунисъ.

III.

На границѣ Финляндіи.

Удобства путешествія и финское благоустройство сразу же кончились, какъ только я переѣхалъ финляндскую границу и вступилъ въ русскую Карелію. Первая русская деревня была Минозеро, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Прежде всего здѣсь произошла задержка при отысканіи подводы. У меня былъ »открытый листъ«, за подписью архангельскаго губернатора, по которому я имѣлъ право требовать отъ содержателей земскихъ[1]) станцій для проѣзда двѣ лошади или, гдѣ будетъ нужно, карбасъ (лодку) съ гребцами и кормщикомъ, *за указные прогоны*, по 3 коп. съ лошади и версты, какъ значилось въ этомъ документѣ, но оказалось, что въ Олонецкой губ. даютъ подводу со станцій только тѣмъ лицамъ, которые имѣютъ открытый листъ отъ уѣздной или губернской земской управы, а такъ какъ у меня такого листа не было, то земской подводы за обычные прогоны мнѣ не дали. Пришлось искать вольныхъ лошадей. Возницы, согласившіеся препроводить меня до слѣдующей деревни, нашлись, но объявили, что хотя въ срединѣ лѣта отсюда и можно

---

[1]) Хотя въ Архангельской губ. и не введены земскія учрежденія, но кромѣ почтовыхъ, тамъ есть такъ-называемыя *земскія* станціи.

было проѣхать на лошади верхомъ, но въ началѣ авґуста шли сильные дожди, мосты на болотахъ затопило, и поэтому мнѣ самому придется идти пѣшкомъ, а мой багажъ провезутъ на дровняхъ. Спрашиваю, сколько это будетъ стоить?

— За три рубля свеземъ, а меньше нельзя, потому время рабочее и дорога плоха, — отвѣчаетъ мнѣ одѣтый въ пиджакъ и брюки »на выпускъ« карелъ, высокаго роста, съ бойкимъ плутоватымъ лицомъ, видимо, служившій въ солдатахъ.

Минозерскій камень (Minoankivi) на границѣ Финляндіи. Это мѣсто отмѣчено на географическихъ картахъ подъ названіемъ »Минанъ-киви«.

— Можно до половины отвезти васъ на лодкѣ, но за это надо еще рубликъ прибавить . . . Если покажется дорого, ищите подводу, гдѣ угодно, а мы дешевле не повеземъ, — добавилъ онъ и сталъ собираться уходить.

Искать подводу дешевле я ужъ не захотѣлъ и пробовать, такъ какъ въ селеніи всего не болѣе 10 дворовъ, а ближайшая деревня находилась отъ Минозера на разстояніи болѣе 20 верстъ.

Такимъ образомъ за 25 верстъ, до деревни Лувозеро, пришлось заплатить четыре рубля и самому половину этого разстоянія необходимо было идти пѣшкомъ. Дѣлать нечего, нужно было примириться

Минозеро (Miinoan jarvi) Повѣн. у., Олон. г.

съ этимъ и приспособляться къ карельскимъ дорогамъ. Лошадь, запряженная въ легкія дровни, на которыхъ здѣсь ѣздятъ зимою и лѣтомъ, съ багажомъ ушла значительно раньше насъ, а мы отправились въ лодкѣ.

На пути лодку нужно было два раза перетаскивать изъ одного озера въ другое по землѣ, и при этомъ не обошлось безъ приключеній: при выходѣ на берегъ я неосторожно ступилъ на бортъ лодки,

По Карельскимъ дорогамъ. Тропинка въ д. Лувозеро. На проводникѣ одѣтъ головной уборъ для защиты отъ комаровъ.

потерялъ равновѣсіе и выше колѣнъ увязъ въ тинистой береговой отмели, а моя дорожная корзина съ запасною провизіей какъ-то выскользнула изъ рукъ переносившаго ее гребца и упала въ воду . . . Сахаръ, печенья, хлѣбъ и проч. съѣстные припасы подмокли и нѣкоторые превратились въ кашу.

Для ходьбы пѣшкомъ проложена тропинка по борамъ; болотъ встрѣчалось мало, идти было сухо, и я безъ труда отшагалъ около 13 верстъ. Только съ непривычки порядочно-таки отбилъ пятки, такъ какъ въ первый разъ шелъ въ финскихъ сапогахъ.

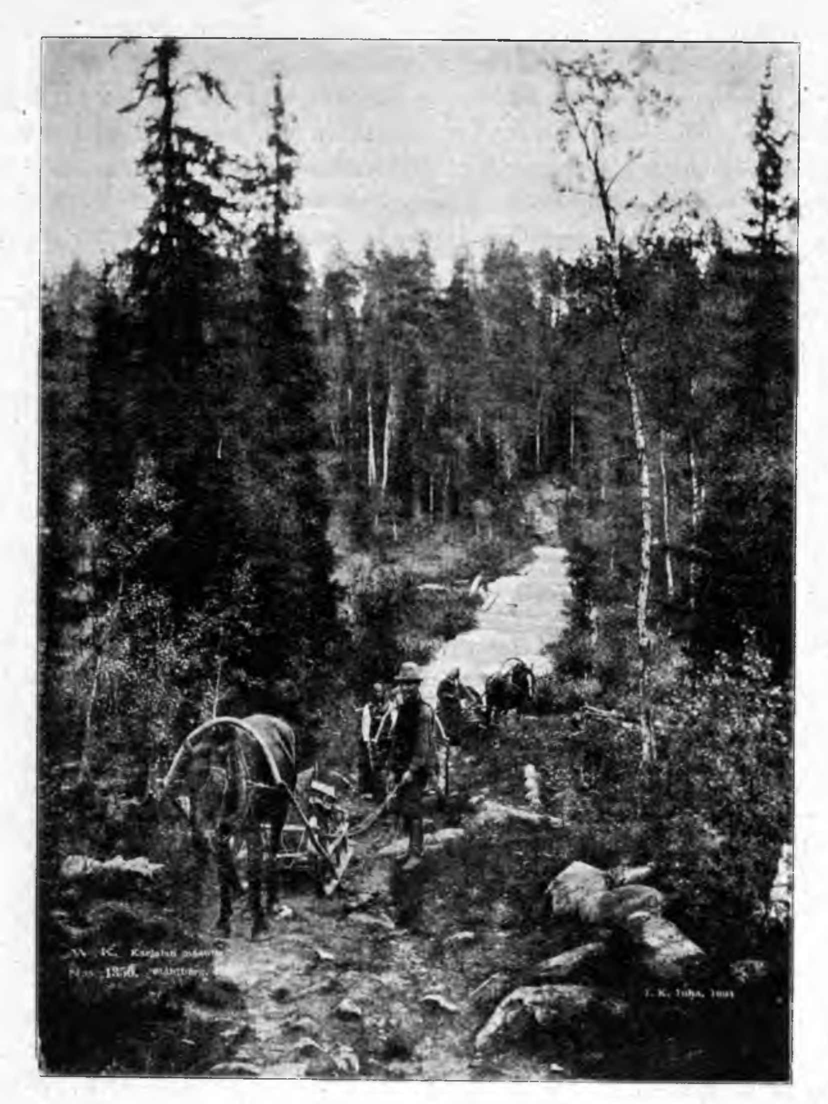
Кстати, — нѣсколько словъ объ этой обуви. Финскіе сапоги, по-карельски »нюппу кенгятъ», шьются безъ каблуковъ; подошва состоитъ изъ толстой бычачьей кожи въ одинъ рядъ; они легки, непромокаемы и очень удобны для ходьбы пѣшкомъ, но къ нимъ надо привыкнуть: благодаря отсутствію каблуковъ и однорядной подошвѣ, въ этой обуви скоро отбиваетъ подошвы ногъ, въ особенности пятки, тѣмъ болѣе, что карельскія дороги усѣяны камнями, а во многихъ мѣстахъ черезъ дорогу переползаютъ корни деревьевъ и лежитъ древесный валежникъ, за который постоянно приходится запинаться.

Настилъ по болоту.
Молодежь идетъ на праздникъ въ сосѣднюю деревню.

Въ 7 час. вечера мы, наконецъ, добрались до Лувозера, гдѣ я рѣшилъ прожить дня 3—4, чтобы поохотиться съ лайкою на глухарей и поудить харіусовъ въ р. Вонгѣ. Остановился я не на отводной земской квартирѣ, а у знакомаго крестьянина Ивана Сергѣева.

Мы вошли въ довольно просторную избу. Вся семья, по карельскому обычаю, встрѣтила насъ стоя и поздоровалась со всѣми за руку. Послѣ всѣхъ подошелъ мальчуганъ лѣтъ 4, съ правильнымъ круглымъ личикомъ, умными смѣлыми глазами и бѣлокурыми волосами. Это былъ внукъ Ивана, Миша. При нашемъ входѣ онъ, оставивъ на полу свои игрушки,забрался въ уголъ на лавку и оттуда наблюдалъ церемонію взаимыхъ привѣтствій.

Путешествіе по Кареліи. Ѣзда лѣтомъ на саняхъ.

— Ана кятты, ана кятты герралла (дай руку господамъ), — сказала мать Мишѣ, спихивая его съ лавки.

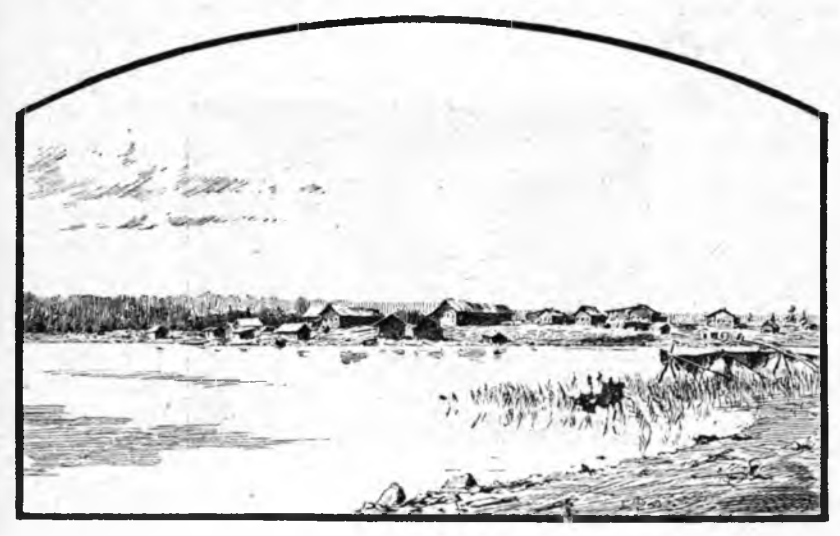
Миша смѣло подошелъ ко мнѣ и протянулъ ручонку. Я погладилъ мальчика по головѣ и посулилъ дать гостинецъ; потомъ онъ такъ же поздоровался и съ моими проводниками.

— Ну, вы, бабы, поскорѣе самоваръ и все, что потребуютъ

господа, а я пойду смотрѣть сѣти, не попалъ ли сигъ, — распорядился Иванъ и, одѣвшись, ушелъ на озеро.

Онъ хорошо говорилъ по-русски.

Одна изъ женщинъ засуетилась около самовара, а другая пошла приводить въ порядокъ горницу. Мы, распорядившись убрать свои вещи, присѣли на лавку. Внутренность карельской избы почти ничѣмъ не отличается отъ нашей крестьянской, сѣверныхъ губерній. Такая же громадная печь, занимающая около четверти всего помѣщенія; тѣ же неизмѣнныя палати лавки, полки, грязные ребятишки, тараканы. Только столъ ставится не въ углу, какъ въ русскихъ избахъ, а около

Дер. Лувозеро Ругозер. вол., Повѣн. уѣзда.

средины передней стѣны. У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ жилой комнаты, бываетъ еще горница для пріема гостей. Печь, иногда и труба, у кареловъ дѣлается изъ гранитнаго плитняка. Дымовая труба всегда прямая, безъ колѣнъ, такъ что передняя часть печи вмѣстѣ съ трубою имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Въ южной половинѣ кемскаго и сѣверной повѣнецкаго уѣздовъ совсѣмъ нѣтъ красной глины съ примѣсью желѣзняка, а глина вездѣ бѣлая: кирпичи, приготовленные изъ такой глины, при обжиганіи не спаиваются въ плотную массу, а разсыпаются, почему трубы карелы выкладываютъ изъ необожженыхъ кирпичей. На днѣ нѣкоторыхъ озеръ глина бываетъ очень чистая, бѣлая, какъ молоко, и, вѣроятно, изъ нея можно было бы выдѣлывать хорошую фаянсовую посуду.

По обѣимъ сторонамъ устья печи устраиваются очаги для варки пищи. Надъ очагомъ виситъ нѣсколько желѣзныхъ крючковъ для навѣшиванія котловъ и кофейниковъ. Глиняныхъ горшковъ въ Кареліи нѣтъ, а похлебку варятъ въ чугунныхъ или мѣдныхъ котлахъ. Карелы, подобно финнамъ, большіе любители кофе. Даже у самаго бѣднаго карела, если нѣтъ самовара, то непремѣнно имѣется кофейникъ. Но карелы пьютъ кофе на-половину съ цикоріемъ и не по маленькой чашечкѣ на человѣка, какъ это принято у финновъ, а по 2—3 стакана.

На боковой лавкѣ въ каждой избѣ вы непремѣнно замѣтите станокъ для вязанья сѣтей, и когда бы вы ни зашли въ рабочій день

Вязанье сѣтей.

въ избу карела, всегда увидите кого-нибудь изъ членовъ семьи за вязаньемъ невода или мережи. Благодаря обилію рѣкъ и озеръ, рыбы всякой здѣсь вдоволь, и ловлею ея занимается каждый крестьянинъ.

Въ Кареліи много старообрядцевъ. Въ красномъ, сутнемъ, углу вы рѣдко увидите икону, какъ обыкновенно бываетъ въ русской избѣ, и сначала подумаете, что держать иконы здѣсь не въ обычаѣ. Но осмотрите хорошенько стѣны: гдѣ-нибудь посрединѣ стѣны, между окнами, или въ углу противъ печки, гдѣ вы совсѣмъ не привыкли видѣть иконы, замѣтите на узкой полочкѣ маленькіе, створчатые, мѣдные старинные образа, которые помѣщаются обыкновенно на высотѣ не болѣе двухъ аршинъ отъ полу. Старовѣрствуютъ больше женщины. Иногда бываетъ, что въ одной и той же семьѣ старообрядцы принадлежатъ къ двумъ различнымъ сектамъ, и тогда иконы у всѣхъ

отдѣльныя и поставлены въ разныхъ мѣстахъ, такъ что члены семьи обѣдаютъ за общимъ столомъ, а молятся по разнымъ угламъ.

Большая часть карельскихъ старообрядцевъ принадлежитъ къ поморскому толку безпоповцевъ, но лѣтъ десять тому назадъ здѣсь появилась новая секта *бѣгуновъ* или странниковъ. Отличительныя догматически-религіозныя правила этой секты слѣдующія: признается одно таинство крещенія, предписывается безбрачіе, удаленіе отъ общественной жизни, укрывательство и странствованіе изъ одного мѣста въ другое; запрещается имѣть паспортъ, который считается печатью антихриста, а также отбываніе воинской повинности и плата податей.

Такъ какъ всѣмъ адептамъ этого ученія невозможно странствовать, то принадлежащими къ сектѣ считаются и тѣ, которые приняли особое крещеніе, перемѣнили имя и укрываютъ странниковъ отъ преслѣдованія властей, такъ какъ эта секта закономъ признана вредною.

Для этой цѣли у крестьянъ имѣются особыя горницы съ потайными ходами, такъ что, въ случаѣ опасности быть пойманными, сектанты искусно скрываются. И, дѣйствительно, въ теченіе моего десятилѣтняго пребыванія въ Кареліи не удалось поймать ни одного бѣгуна. На помощь странникамъ является то обстоятельство, что главное ихъ мѣстопребываніе находится на границѣ Олонецкой губерніи съ Архангельскою: если пріѣзжаютъ власти Архангельской губ., то сектанты, предувѣдомленные заранѣе чрезъ своихъ покровителей, переселяются на время въ Олонецкую губ. и наоборотъ. Пробовали было дѣйствовать одновременно изъ двухъ губерній, но для достиженія этого необходима громадная переписка чрезъ подлежащія учрежденія, которая, благодаря отсутствію правильныхъ почтовыхъ сообщеній, тянется обыкновенно болѣе полугода, а въ это время, смотришь, бѣгуны уже перебрались въ сосѣднюю Финляндію. Пріѣдутъ власти, поищутъ, произведутъ допросы, арестуютъ нѣсколькихъ человѣкъ, обыкновенно непричастныхъ къ дѣлу, да такъ ни съ чѣмъ и отправятся во-свояси.

На границѣ Финляндіи, въ приходахъ Войницкомъ и Ухтинскомъ, недавно появилась лютеранская секта »ушковайзетъ«. Происхожденіе ея — въ Финляндіи. Эта секта въ свое время надѣлала много шуму. Преосвященный Никаноръ, бывшій епископъ архангельской епархіи, въ 1895 году самъ посѣтилъ Карельскій край и велъ собесѣдованія съ этими сектантами. Секта »ушковайзетъ« признана также вредною и строго преслѣдуется закономъ. Многіе изъ проповѣдниковъ этой секты судились архангельскимъ окружнымъ судомъ, но были оправданы.

Староверка въ т. н. »Смертной рубахѣ« собствен. работы.

Преосвященнымъ Никаноромъ открыто въ Кареліи нѣсколько школъ, увеличено число церковныхъ приходовъ и учреждена должность противосектантскаго миссіонера Карельскаго края; для совершенія богослуженія по деревнямъ устроена походная церковь.

По мнѣнію знатоковъ Кареліи, съ увеличеніемъ числа школъ и развитіемъ просвѣщенія, расколъ въ этомъ краѣ постепенно падаетъ; уже и теперь молодое поколѣніе, прошедшее начальную школу, рѣдко остается старовѣрами. Карелы вообще не отличаются твердостью въ своихъ убѣжденіяхъ, и ихъ нетрудно увлечь какимъ-нибудь новымъ ученіемъ, чѣмъ и можно отчасти объяснить разнообразіе сектъ въ Кареліи.

Причиною этого служитъ также рѣдкость населенія и обширность церковныхъ приходовъ. Еще и теперь есть такія деревушки, гдѣ священникъ бываетъ не каждый годъ, и дѣти по нѣсколько лѣтъ живутъ не крещеными. А лѣтъ 20—30 назадъ, какъ разсказываютъ мѣстные жители, часто бывали такіе случаи: зимою, на лыжахъ, приходитъ къ священнику за

40—50 верстъ отъ погоста дѣтина лѣтъ 12—15 и обращается съ просьбою: »паппи, ристи милма« (батюшка, крести меня).

Въ глухихъ карельскихъ лѣсахъ раньше много было раскольничьихъ скитовъ, но всѣ они нынѣ упразднены. Развалины ихъ еще и теперь можно встрѣтить во многихъ мѣстахъ, проѣзжая по Кареліи.

Карелы вообще очень суевѣрны, и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ у нихъ еще и до сихъ поръ существуетъ много языческихъ понятій. Древніе финскіе языческіе боги Юмала и Укко сохранились въ карель-

Смѣющійся Карелъ.

скихъ названіяхъ божества и явленій природы: Богъ по-карельски Юмала, громъ — »Укко дюряу« (въ буквальномъ переводѣ: дѣдъ, старикъ, мелетъ).

Калевала повѣствуетъ, что всѣ несчастья и болѣзни посылаются злою чародѣйкою, владѣтельницею Сѣвера старухою Лоухи (руна 45):

Лоухи, Похьолы хозяйка,
Услыхала разъ извѣстье,
Что Вяйноле [1]) процвѣтаетъ,
Преуспѣла Калевала
Черезъ тѣ обломки Сампо,
Чрезъ кусочки пестрой крышки.

[1]) Вяйноле (Wainölä) — страна Вяйнемейнена, т. е. Финляндія и Карелія.

Позавидовала сильно,
Постоянно размышляла,
Смерть какую приготовить
И послать какую гибель
Обитателямъ Вяйноле,
Тѣмъ героямъ Калевалы.
Обратилась съ просьбой къ Укко,
Умоляетъ бога грома:

»Укко, ты мой богъ небесный,
Погуби народъ Калевы,
Погуби желѣзнымъ градомъ,
Со стальнымъ концомъ стрѣлами,
Иль сгуби ты ихъ болѣзнью,
Чтобъ погибъ народъ противный,
На дворѣ погибли бъ мужи,
Въ хлѣвѣ женщины бъ погибли.“

Ловушка на медвѣдя (Kontionloukku).

Вѣра въ лѣшихъ, водяныхъ, порчу, заговоры — крѣпко держится въ народѣ. Если, напримѣръ, въ озерѣ не ловится рыба, то карелъ не скажетъ, что рыба не попадаетъ, а всегда вы услышите одно: „хіянъ ей андау“ („онъ“ не даетъ). Это, по ихъ понятіямъ, означаетъ, что не даетъ хозяинъ озера. Чтобы „хозяинъ“ смиловался и уступилъ рыбу, иногда бросаютъ въ воду табакъ или же ругаются непечатными словами. Предполагается, что рыбы не даетъ „нечистый“, а такъ какъ табакъ, по понятіямъ народа, „его“ произведеніе, то это „проклятое зелье“, также и ругательныя слова, служатъ какъ бы умилостивительною жертвою нечистому.

Въ Калевалѣ (руна 14, пер. Л. П. Бѣльскаго) приведенъ слѣдующій заговоръ на охоту, который, вѣроятно, и до сего времени существуетъ въ нѣкоторыхъ глухихъ деревняхъ Кареліи.

„Дѣдъ лѣсовъ, сѣдобородый,
Мохъ — твой плащъ, а хвоя шапка,
Затяни лѣса въ полотна,
Облеки одеждой рощи,
Покрывало дай осинамъ,
Платье мягкое дай ольхамъ,
Серебромъ покрой ты ели,
Ты разсыпь по соснамъ злато,
Опояшь ты ели мѣдью,
Серебромъ лѣсныя сосны,
Пусть цвѣтетъ береза златомъ,
Дай на стволъ ей погремушки,
Сдѣлай, какъ въ былое время,
Дни тогда получше были:
Точно солнце, ель блестѣла,
И сосна, какъ будто мѣсяцъ,
Медомъ пахло по лѣсочку,
Медомъ пахло въ синей рощѣ,
Пахло прянымъ по полянѣ;
У болотъ стекало масло.“
„Лѣса дочь, душа — дѣвица,
Дочка Тапіо, Туулики, [1])
Прогони ты дичь къ окрайнѣ,
Къ протянувшимся полянамъ;
Коль она бѣжать не хочетъ,
Коль сюда пойдетъ лѣниво,
Отъ куста возьми ты хлыстикъ,
Хлыстъ березовый въ долинѣ,
Такъ ты бей ее по бедрамъ,
Ударяй ее по боку,
И гони скорѣе къ мѣсту,
Съ быстротой гони добычу
Къ ожидающему мужу,
По охотничьему слѣду.
„Если выйдетъ на тропинку,
Пусть она бѣжитъ тропинкой,
Протяни ты обѣ руки,
Не давай ей сторониться,
Чтобы дичь не ускользнула,
Не сбѣжала бы съ тропинки,
Если-жъ дичь уйдетъ оттуда,
Если на сторону выйдетъ,
Такъ ты за ухо къ дорогѣ,
За рога веди къ тропинкѣ.“

Если кто-либо заболѣетъ, то карелъ съ твердою вѣрою объясняетъ, что это пристало отъ земли или отъ лѣса.

Для діагноза обыкновенно приглашается мѣстный знахарь, который и лѣчитъ нашептываніемъ или окуриваніемъ разными „зельями“. При лѣченіи болѣзни, происшедшей „отъ воды“, иногда употребляется такой способъ лѣченія. Вечеромъ, на зарѣ, такъ, чтобы никто не видѣлъ, больной выходитъ на берегъ рѣки или озера и, ставъ лицомъ къ водѣ, говоритъ:

Водяной хозяинъ,
Водяная хозяйка,
Водяной золотой царь!
Прости меня,
Если я
По ошибкѣ оскорбилъ тебя.

Затѣмъ кланяется до земли и, оставаясь лицомъ по направленію къ озеру, задомъ напередъ отходитъ отъ берега и произноситъ этотъ заго-

[1]) Туулики — дѣва лѣса, дочь лѣсного царя Тапіо.

Типы Кареловъ.

воръ трижды, каждый разъ дѣлая земной поклонъ. Кровопусканіе и массажъ въ большомъ ходу. Этой практикой обыкновенно занимаются финны.

Вѣщій Вяйнемейненъ, желая избавить свой народъ отъ болѣзней, которыя были посланы на Калевалу злой старухой Лоухи, произноситъ слѣдующія заклинанья (руна 45)

„Дочь Туони,[1]) дѣва болей,
Ты живешь въ горѣ болѣзней,
При теченьи трехъ потоковъ,
При раздѣлѣ трехъ теченій;
Ты вращаешь камни болей,
Ты вертишь скалу болѣзней,
Уведи, приди, болѣзни
Къ пасти камня голубого,
Иль сведи ты ихъ на море,
Погрузи въ морскія глуби,
Гдѣ ни вѣтеръ не подуетъ,
Не сіяетъ свѣтъ отъ солнца.

Другой заклинатель Калевалы Випуненъ изгоняетъ болѣзнь такими словами (руна 17)

Типы Кареловъ (д. Венехъ-озеро).

Если-жъ ты, болѣзнь, отъ вѣтра
Имъ навѣяна, надута
Вмѣстѣ съ воздухомъ весеннимъ,
Послана сюда морозомъ —
То иди дорогой вѣтра,
По пути вѣтровъ весеннихъ,
Не садяся на деревья,
На ольхѣ не отдыхая,
Прямо на гору изъ мѣди,
Къ ней на верхъ, обильный мѣдью,
Чтобъ качалъ тебя тамъ вѣтеръ,
Обвѣвалъ тебя тамъ воздухъ.

---

[1]) Туони — подземный царь.

Въ послѣднее время народъ охотно сталъ прибѣгать къ медицинской помощи. Врачей здѣсь мало. Не всякій хорошій фельдшеръ согласится ѣхать въ Карелію, и большинство изъ нихъ въ глухихъ уголкахъ скоро спиваются. Своими разъѣздами пс отдаленнымъ участкамъ они пользуются, какъ временемъ, когда можно на свободѣ развернуться „во всю" и вволю полакомиться контрабанднымъ финскимъ ромомъ [1]) . . . И, конечно, такіе фельдшера только профанируютъ медицину, вынуждая населеніе обращаться въ мѣстнымъ знахарямъ.

Молодая замужняя Карелка (д. Бенехъ-озеро).

Между тѣмъ, я былъ знакомъ съ однимъ земскимъ врачомъ М. А. М—ымъ, который, благодаря своей гуманности и внимательности къ населенію, пользовался громадною популярностью среди кареловъ. Когда онъ проѣзжалъ по своему участку, то за десятки верстъ пріѣзжали карелы на станцію, гдѣ останавливался докторъ, чтобы воспользоваться медицинскимъ совѣтомъ.

---

[1]) Это было въ 1895—1900 г. г.

Зналъ я также одного сельскаго учителя N., которому докторъ довѣрялъ больше, чѣмъ фельдшеру. У этого учителя при школѣ была собрана домашняя аптечка (лѣкарства посылались повѣнецкимъ земствомъ), и карелы часто обращались къ нему за помощью. Конечно, учитель, не обладавшій спеціальными знаніями по медицинѣ, часто оказывался безпомощнымъ при лѣченіи внутреннихъ болѣзней, но и фельдшеръ въ этомъ случаѣ не много поможетъ. Между тѣмъ, сдѣлать перевязку при наружныхъ пораненіяхъ, нарывахъ, дать лѣкарства противъ чесотки, колотья, простого разстройства желудка, чѣмъ особенно часто страдаютъ наши крестьяне, вовсе не трудно при желаніи оказать помощь людямъ и знакомствѣ съ нѣкоторыми популярными руководствами по медицинѣ, напримѣръ, д-ра Флоринскаго.[1]) Съ этимъ N. справлялся очень успѣшно и заслужилъ довѣріе всѣхъ окрестныхъ кареловъ.

Скоро скипѣлъ самоваръ, и насъ пригласили въ горницу. Это была небольшая, но довольно чистенькая комнатка. Стѣны обиты дешевыми обоями; полъ выкрашенъ желтою а потолокъ свѣтлосинею краскою. Въ углу помѣщается небольшая печка; противъ нея — кровать съ красными чистыми занавѣсками. Противъ входа — небольшой шкапъ съ чайной посудой; рядомъ на стѣнѣ — недорогіе часы съ боемъ. Въ переднемъ углу небольшой столъ, около котораго и у стѣнъ разставлено до полдюжины стульевъ. Въ углу надъ столомъ помѣщается „мірская" икона Спасителя; передъ иконой довольно порядочная хрустальная лампада, съ привѣшенною надъ нею, на синей узкой лентѣ, скорлупою лебединаго яйца. Посреди комнаты, подъ потолкомъ, виситъ группа въ родѣ люстры, сдѣланная изъ стеблей какой-то злаковой травы и кругомъ увѣшанная скорлупами утиныхъ яицъ. Такую группу можно замѣтить почти въ каждой горницѣ карела.

По стѣнамъ наклеены лубочныя картины религіознаго и военнаго содержанія, а на передней стѣнѣ, посрединѣ, двумя узкими лычками прикрѣпленъ рядъ фотографическихъ карточекъ знакомыхъ хозяину торговцевъ. Карелы — любители фотографій, и если кто побываетъ въ Петроргадѣ или Финляндіи, куда многіе изъ кареловъ часто ѣздятъ по торговымъ дѣламъ, то непремѣнно постарается сняться на фото-

---

[1]) В. М. Флоринскій. „Лѣчебникъ для народнаго употребленія".

Внутри Карельской избы.

графіи, а потомъ свое изображеніе даритъ родственникамъ и знакомымъ.

На полкѣ, подлѣ чайнаго шкапа, я нашелъ цѣлую груду книгъ, изъ которыхъ большая часть была на финскомъ языкѣ. На русскомъ языкѣ были больше сказки и жизнеописанія святыхъ. Финскій отдѣлъ этой библіотеки оказался богаче, не только по количеству, но и по

разнообразію содержанія. Тутъ были Библія, Wirsikiria, сборникъ съ картинами, въ родѣ нашихъ хрестоматій, краткій курсъ ариѳметики, атласъ, въ которомъ четыре листа посвящены изображенію Финляндіи съ мельчайшими подробностями.

Карельскій языкъ очень сходенъ съ финскимъ, такъ что карелъ свободно можетъ объясняться съ финномъ, — и благодаря торговымъ сношеніямъ съ Финляндіей, карелы знаютъ лучше финскій литературный языкъ, чѣмъ русскій; поэтому грамотные охотно читаютъ финскія книги. Многіе выписываютъ даже финскія газеты: »Suomalainen», »Paiwalehti» и др.

Хозяйка начала приготовлять посуду для чаепитія. На столѣ появилась клеенка съ пестрыми узорами. Подъ самоваръ былъ подставленъ матовый, довольно приличный металлическій подносъ, а у моего стакана на блюдечкѣ оказалась даже серебряная чайная ложка.

Карелы при частыхъ сношеніяхъ съ Финляндіей заимствовали у своихъ сосѣдей внѣшнюю опрятность и вѣжливое обхожденіе съ гостями.

Хотя сами они похлебку ѣдятъ изъ общей чашки, а рыбу и мясо берутъ руками, но для почетнаго гостя карелъ поставитъ особую тарелку, вилку и ножикъ, а вмѣсто ручной салфетки дастъ полотенце.

Карелы, заброшенные по глухимъ угламъ Архангельской и Олонецкой губерній, для многихъ представляются грубыми, неопрятными полудикарями. Но на самомъ дѣлѣ, это — большое заблужденіе. Если сравнить карела, особенно живущаго близъ границы Финляндіи, съ русскимъ крестьяниномъ сѣверныхъ или даже нѣкоторыхъ среднихъ губерній, то первый выглядитъ несравненно интеллигентнѣе костромича или вологжанина.

Незамѣтно прошло время за самоваромъ и разговорами о мѣстной жизни. Такъ какъ женщины плохо говорятъ по-русски, то пришлось съ ними обращаться на ихъ родномъ языкѣ, которымъ я свободно владѣю. Тѣмъ временемъ пришелъ Иванъ и принесъ 5 штукъ крупныхъ сиговъ. Сварили уху. Подкрѣпившись довольно-таки изрядно, я пошелъ осматривать деревню.

Западные уѣзды Архангельской и Олонецкой губ. по обилію рѣкъ и озеръ не уступятъ сосѣдней Финляндіи. Карелія — родная дочь страны »тысячи озеръ». Здѣсь вы не встрѣтите ни одного селенія, которое было бы расположено не при озерѣ или не на берегу какой-нибудь рѣчки. Поэтому въ названіи почти каждой карельской деревушки фигурируетъ озеро (по карельски ярви), заливъ (лакши),

полуостровъ [1]) (ніеми). Вы всегда встрѣтите названія деревень; Кимасъ-озеро, Ювялакши, Вокнаволокъ и т. п.

Въ глубокой древности карелы и другія финскія племена, тѣснимыя славянскою расою, уходили въ сѣверныя дебри и занимали мѣста, болѣе удобныя для поселенія. Берега рѣкъ и озеръ, изобиловавшихъ рыбою и служившихъ единственными тогда путями сообщенія были самыми лучшими мѣстами для образованія осѣдлости. Рыба составляла главную пищу полудикаря карела, а по водному пути можно

Старый домъ Ив. Анан. Антронова въ дер. Кимасъ-озеро Ругозер. в., Повѣн. у.

было разъѣзжать въ окрестные лѣса за дикимъ звѣремъ и птицею и производить сношенія со своими сосѣдями.

Всѣ карельскія деревни, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую. Только въ большихъ селахъ вы встрѣтите нѣкоторую претензію на правильное расположеніе домовъ по сторонамъ улицъ, а въ небольшихъ деревняхъ, какихъ въ Кареліи большинство, дома построены въ разбросъ, на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого. Кто гдѣ облюбовалъ мѣсто, тамъ и построилъ свое жилище. Тутъ же при домѣ устраивается огородъ для посадки овощей, а часто и цѣлое поле,

[1]) На сѣверѣ Россіи полуостровъ называется наволокомъ.

такъ что иная деревушка, въ 15—20 дворовъ, разбросана по берегамъ и островамъ озера на протяженіи 2—3 верстъ въ окружности.

Дома у зажиточныхъ крестьянъ устроены основательно. Часто вы увидите избу въ два этажа на каменномъ фундаментѣ. Стѣны, по финскому обычаю, для большей прочности снаружи обтесываются, такъ какъ въ наружной части круглыхъ бревенъ сильнѣе задерживается вода, способствующая гніенію дерева.

Жилыя постройки обыкновенно располагаются въ видѣ буквы Г. Сначала вы входите въ сѣни, гдѣ замѣтите двѣ лѣстницы; одна ведетъ

Домъ Өомы Сергѣева въ д. Лувозеро (Luvajarvi) Ругозер. вол., Повѣнецк. у

въ избу, другая, отдѣленная отъ первой сѣнями, въ горницу для пріема гостей. Рядомъ съ сѣнями устраивается помѣщеніе для саней и стоянки пріѣзжихъ лошадей (тангуо) и кладовая (айта). Напротивъ дома, на берегу рѣки или озера, изготовляются козлы для просушки невода и навѣсъ для храненія рыболовныхъ сѣтей. Тутъ же неподалеку помѣщается баня. Карелы большіе любители „попариться“, т. е. въ сильномъ жару похлестать себя березовыми вѣниками. Мыломъ и мочалкой моются рѣдко, а послѣ бани только окачиваютъ себя холодной водой, зимою же катаются по снѣгу. Лѣтомъ карелы ходятъ въ баню по нѣсколько разъ въ недѣлю, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, рас-

Игра въ городки

тираніе тѣла въ жару вѣникомъ — лучшее средство противъ укусовъ комаровъ, которые носятся здѣсь тучами и порядочно таки допекаютъ людей и домашній скотъ.

Иногда въ срединѣ деревни отводится небольшая площадь, гдѣ происходятъ игры взрослыхъ и дѣтей. Карелы вообще любятъ игры, и въ праздничный день вы всегда замѣтите шумную кучку играющихъ въ городки, въ бабки или въ мячъ. Самая любимая игра взрослыхъ — городки; въ ней принимаютъ участіе даже старики.

Почва въ Кареліи песчано-глинистая и, удобренная навозомъ вмѣстѣ съ торфомъ, иногда дастъ хорошіе урожаи ржи и ячменя. Поля здѣсь усѣяны камнями, и, чтобы разработать цѣлину, нужно положить громадный трудъ: кромѣ корчевки пней, необходимо убрать массу камней, такъ что кругомъ поля иногда образуется большая каменная стѣна, замѣняющая изгородь. Вслѣдствіе этого карелы мало пользуются дарованнымъ населенію Архангельской губ. правомъ расчистки земель на 40-лѣтнемъ правѣ пользованія ею. Цѣлину обыкновенно подымаютъ мотыкой. На эту работу нанимаются больше финны и берутъ по 2—3 коп. за кв. сажень. Пашутъ здѣсь косулями. Ка-

Игра въ городки. Установка новаго »кона«.

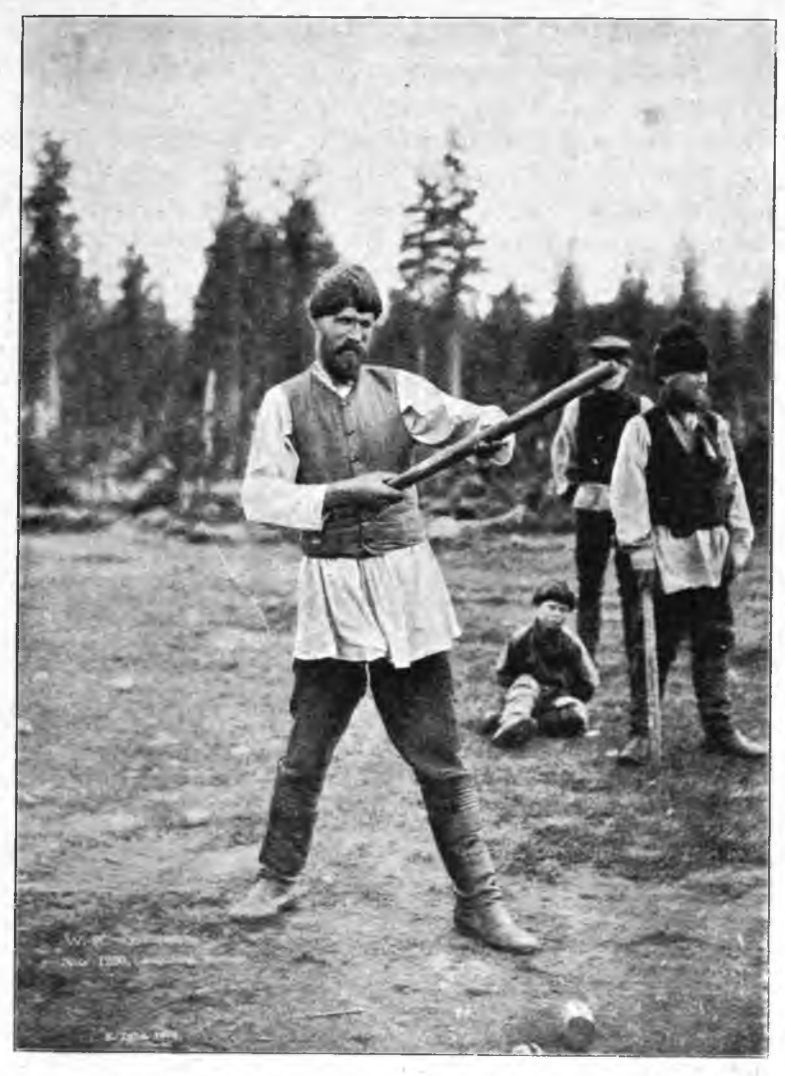
рельская косуля (адра) представляетъ изъ себя что-то среднее между русскою сохою и плугомъ и удобна для орьбы каменистой почвы: она идетъ глубже сохи, хорошо разрыхляетъ почву и ловко лавируетъ между камнями. Интересно, что карельскія и финскія лошади (шведки) скоро приспособляются къ пахотѣ своей родной почвы: если косуля найдетъ на большой камень, лошадь сейчасъ же почувствуетъ это и остановится, чѣмъ спасаетъ орудіе отъ поломки. Въ послѣднее время

Игра въ городки.
»Побѣдитель« первую палку въ новый городокъ (конъ) бросаетъ со спины побѣжденнаго партнёра. Дер. Лувозеро Повѣн. у., Ругозер. вол.

изъ Финляндіи стали проникать сюда одноконные плуги и желѣзныя бороны.

Кромѣ ржи и ячменя, здѣсь сѣютъ картофель и коноплю, а изъ огородныхъ овощей — рѣпу, лукъ и рѣдьку. Изъ волоконъ конопли вяжутъ рыболовныя сѣти. Карелы — мастера разводить картофель. Сѣютъ его въ борозды на поляхъ, тщательно полютъ и по нѣсколько разъ въ лѣто окучиваютъ косулей, отчего онъ даетъ хорошіе урожаи (самъ-десятъ и болѣе).

Игра въ городки.
»Прицѣливанье« (дер. Лувозеро, Пов. у., Ругозер. в.).

Земледѣліе въ болѣе значительныхъ размѣрахъ возможно только въ южной половинѣ Кареліи, гдѣ у нѣкоторыхъ крестьянъ своего хлѣба хватаетъ почти на цѣлый годъ. Но такіе счастливцы очень рѣдки, а большинство своимъ хлѣбомъ можетъ прокормиться 5, много 7 мѣсяцевъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ земледѣліе развито слабѣе. Главный врагъ хлѣбопашца-карела — морозъ. Иногда до половины

лѣта хлѣба идутъ, повидимому, отлично: густо взойдутъ, хорошо процвѣтутъ и нальются, но достаточно одной холодной ночи съ инеемъ въ концѣ іюля или началѣ августа, — и весь трудъ земледѣльца погибаетъ. Такъ было въ 1892 и 1899 годахъ. Тогда цѣна ржаной муки доходила до 23 рублей за куль. Въ неурожайные годы хлѣбъ въ чистомъ видѣ можно найти только у зажиточныхъ кареловъ, а большинство примѣшиваютъ къ мукѣ толченую сосновую кору, молотую солому, бѣлый мохъ и метелки какой-то болотной травы. Изъ такой смѣси хлѣбъ получается плотный, тяжелый, горькій на вкусъ, и непривычный человѣкъ не будетъ его ѣсть, какъ бы ни былъ голоденъ.

Хлѣбъ съ соломой и мякиной въ Кареліи употребляется въ пищу съ давнихъ временъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и Калевала (руна 33).

А пастухъ беретъ хлѣбъ черствый [1])
И сухую корку гложетъ,
Овсяной грызетъ онъ хлѣбецъ,
Хлѣбъ съ мякиной разрѣзаетъ;
Хлѣбъ съѣдаетъ изъ соломы,
Хлѣбъ жуетъ съ корой сосновой.

Вѣчный врагъ земледѣльца Карела-*морозъ*, въ образѣ колдуньи Лоухи (руна 43), такъ угрожаетъ землеробу Сѣвера:

У меня еще есть средство
Противъ пашни и посѣвовъ,
Противъ пашни и растеній,
Противъ мѣсяца сіянья,
Противъ солнечнаго блеска:
Унесу въ утесъ я мѣсяцъ,
Я въ горѣ запрячу солнце,
Я морозомъ заморожу,
Застужу я сильной стужей,
Что ты вспашешь и посѣешь,
Всѣ посѣвы и запасы.
Я направлю градъ желѣзный,
Набросаю градъ изъ стали,
На твои большія пашни,
На прекраснѣйшее поле.

Женщина изъ дер. Венехъ-озеро (Кем. у.), терпѣвшая сильную нужду въ голодный годъ.

[1]) Калевала, пер. Л. П. Бѣльскаго.

Но карелъ не падаетъ духомъ и продолжаетъ засѣвать свое поле, ибо у него есть благодѣтель Вяйнемейненъ, который говоритъ Лоухи:

Мнѣ лапландскія всѣ чары,
Мнѣ турьянскія не страшны:
Богъ одинъ въ погодѣ властенъ,
Онъ ключи судьбы имѣетъ.
Если я Творцу довѣрюсь,
На Всевышняго надѣюсь,
Сгонитъ Онъ злодѣевъ съ жатвы,
Чтобъ не портили посѣвовъ,
Не губили-бы растенья.

Голодный и усталый возвращался я какъ-то разъ съ охоты. Это было весною 1892 года. Захожу въ первую попавшуюся избу и спрашиваю хлѣба съ молокомъ.

— Хлѣба-то у меня, родимый, нѣту вотъ уже вторая недѣля, а корову тоже недавно перестала доить: солома для скота вся вышла. Ходила въ лѣсъ собирать по дорогѣ сѣно, что осталось на кустахъ отъ возовъ, да не успѣла притащить на чункахъ (салазкахъ), а лошадка-то у насъ недавно околѣла, должно отъ худого корма.

— Чѣмъ же вы питаетесь-то?

— Сами ѣдимъ рокку (рыба, густо сваренная съ мукою, къ которой при нуждѣ прибавляютъ сосновую кору), а ребятишки пожуютъ сушеныхъ окушковъ (окуней) — и сыты, — говорила мнѣ худощавая, но добрая на видъ, карелка.

Такихъ крестьянъ въ неурожайные годы бываетъ здѣсь не мало. И какое счастіе въ такихъ случаяхъ для Кареліи — обиліе рыбы! Не будь ея, многимъ бы грозила голодная смерть. Всѣмъ извѣстно, что въ голодные 1891 и 1892 г., въ неурожайныхъ губерніяхъ многіе русскіе крестьяне умирали съ голода, между тѣмъ въ Кареліи, кажется, не было ни одного такого случая: ихъ спасала рыба.

Замѣчено, что на пространствѣ какихъ-нибудь 10 квадр. верстъ на одномъ полѣ хлѣбъ гибнетъ отъ мороза, а на другомъ нѣтъ. Меньшему вліянію холода подвергаются поля, находящіяся вдали отъ болотъ, или такія, которыя съ сѣвера защищены горами. Это карелы хорошо знаютъ и, кто можетъ, стараются осушать болота, но многимъ это не по карману. Въ сосѣдней Финляндіи въ данномъ случаѣ на помощь недостаточнымъ крестьянамъ приходитъ правительство: на осушеніе болотъ здѣсь нѣкоторымъ даются безвозвратныя правительствен-

ныя субсидіи или на льготныхъ условіяхъ выдаются ссуды изъ банковъ. Карелы же этимъ не пользуются.

Старожилы карелы разсказываютъ, что въ прежнее время хлѣба у нихъ было больше, такъ какъ раньше имъ дозволялось вести подсѣчную систему земледѣлія. Выбирали они лучшія мѣста, вырубали лѣсъ, а когда онъ просыхалъ (на другой годъ послѣ вырубки), сжигали его и сѣяли рожь и ячмень. Говорятъ, что въ благопріятные годы урожай бывалъ самъ 20 и болѣе. Рубить подсѣки нынѣ запрещено. Въ послѣднее время карелы не разъ возбуждали ходатайство о томъ, чтобы имъ разрѣшили рубить подсѣки на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

Настораживаніе »самострѣляющихъ» ружей на звѣриной тропѣ или на падали для стрѣльбы по медвѣдю.

30—40 лѣтъ назадъ были старыя подсѣки, на которыхъ лѣсъ еще не достигъ крупныхъ размѣровъ и которыя поэтому нынѣ не представляютъ почти никакой цѣнности; но ходатайства эти оставлены безъ послѣдствій.

Кормовыя травы въ Кареліи произрастаютъ плохо, а потому и скотоводство здѣсь незначительно. Около 25 % крестьянъ — безлошадные, но у каждаго имѣется корова и нѣсколько овецъ. У зажиточныхъ же кареловъ бываетъ по нѣскольку лошадей и до полдесятка коровъ Свиней и домашней птицы совсѣмъ не держатъ. Карельская корова мелкая — не превышаетъ 7 пудовъ — и маломолочная; но все же она окупаетъ уходъ за нею, доставляя молоко и масло для семьи и навозъ для поля. Нѣкоторые изъ крестьянъ южной Кареліи выдѣ-

лываютъ масло по финскому способу, и часть его продаютъ въ Финляндіи по 8—10 руб. за пудъ.

Русскимъ крестьянамъ стоило бы поучиться у кареловъ уходу за домашнимъ скотомъ Покосы здѣсь расположены по берегамъ лѣсныхъ рѣкъ и озеръ или по травянистымъ болотамъ, даютъ мало сѣна, да оно и малопитательно. Зато у карела не пропадетъ ни одна горсть растительности, годной въ пищу скоту: листья деревьевъ, молодая кора сосны, озерный хвощъ, картофельная ботва, лебеда и другія сорныя травы, выпалываемыя въ огородахъ — все это собирается, высушивается и служитъ подспорьемъ корму скотины въ зимнее время. Почти у каждаго крестьянина въ хлѣвѣ имѣется печь съ большимъ

Настороженныя самострѣляющія ружья. Для предохраненія отъ дождя ружья защищены чехлами изъ бересты.

чугуннымъ котломъ, въ которомъ варится пойло для коровъ и овецъ. Иногда карелъ ловитъ рыбу за 10—15 верстъ отъ селенія, но внутренностей и костей рыбы никогда не оставитъ въ лѣсу, а высушитъ на сосновой корѣ, привезетъ домой, истолчетъ, вмѣстѣ съ разными отбросами отъ стола, въ ступѣ и подбавляетъ въ пойло скоту.

Для образованія покосовъ иногда осушаются небольшія озера. Способъ осушенія очень простъ. Выбирается небольшое, мелкое озеро съ травянистыми берегами, по сосѣдству съ большимъ озеромъ, лежащимъ по уровню ниже перваго, и между ними прорывается канава. Изъ верхняго озера вода стекаетъ въ нижнее, а обмелѣвшіе берега черезъ нѣсколько лѣтъ задернѣютъ и даютъ хорошую траву; совершенно же осушить озеро рѣдко удается. Въ сосѣдней Финляндіи

осушеніе озеръ, благодаря помощи отъ казны и большой энергіи населенія, практикуется въ обширныхъ размѣрахъ, но въ русской Кареліи у немногихъ изъ крестьянъ хватаетъ на это средствъ, а потому и осушенныхъ озеръ здѣсь мало.

Вообще хлѣбопашество и скотоводство, по причинѣ неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, не обезпечиваютъ труда земледѣльца, въ особенности при запретѣ подсѣчнаго хозяйства. Важнѣйшими подспорьями земледѣлію служатъ: охота, рыболовство, рубка, вывозка и сплавъ лѣса и отхожіе промыслы, главнымъ изъ которыхъ является разносная торговля.

Ни поудить харіусовъ, ни пострѣлять глухарей съ лайкою мнѣ въ этотъ разъ не удалось, такъ какъ два дня дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, мѣшающій уженью и охотѣ. Отославъ значительную часть своего багажа въ Кимасъ-озеро, я налегкѣ отправился въ с. Вокнаволокъ, находящееся въ юго-западномъ углу Кареліи. Въ дер. Костомуксъ, откуда можно было до Вокнаволока проѣхать верхомъ, оказалась земская станція, на которой, по открытому листу, мнѣ дали пару лошадей.

На одну лошадь навьючили мой небольшой багажъ, а другая была назначена мнѣ для верховой ѣзды. На спинѣ послѣдней оказалось какое-то подобіе сѣдла, сдѣланное изъ тонкихъ березовыхъ дощечекъ съ привѣшанными къ нимъ веревочками вмѣсто стремянъ. Я привязалъ къ дощечкамъ подушку и сравнительно удобно помѣстился на этомъ импровизированномъ сѣдлѣ. Расторопный карелъ просунулъ ступни моихъ ногъ въ петли веревокъ, къ которымъ были прикрѣплены деревянные дугообразные бруски, и перевязалъ послѣдніе по длинѣ моихъ ногъ. Предстояло проѣхать 40 верстъ. Лошадь съ багажомъ могла идти только шагомъ, а такъ какъ дорога мнѣ была знакома, то я отправился впередъ одинъ съ тѣмъ, чтобы на половинѣ пути подождать своихъ проводниковъ.

Лошади въ Кареліи больше финской породы, такъ-называемыя »шведки« — маленькія и коренастыя; онѣ довольно сильны и выносливы. Такая лошадь для карела — сущій кладъ. Она довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ — зимою ихъ кормятъ часто рубленой соломой, обваренной кипяткомъ и пересыпанной нѣсколькими горстями муки, — а между тѣмъ, какую тяжелую работу ей прихо-

дится выносить! По глубокому снѣгу, увязая чуть не поуши въ сугробахъ, она вытаскиваетъ изъ непролазной чащи лѣса громадныя бревна для лѣсопромышленниковъ, 3—4 раза въ зиму съ тяжелымъ возомъ идетъ на ярмарку въ Финляндію за 200—300 верстъ, а въ легкой ѣздѣ несетъ кибитку съ проѣзжающимъ на разстояніи 30—40 верстъ отъ одной станціи до другой.

Карелы, по отношенію къ лошадямъ — истые спортсмены. Каждый зажиточный крестьянинъ при покупкѣ лошади обращаетъ

Пути сообщенія въ глухой Кареліи.
Перетаскиваніе лодокъ по каткамъ изъ одного озера въ другое.

вниманіе не только на ея рабочія качества — раскормленное тѣло, силу и выносливость, но старается выбрать такую, которая обладаетъ и хорошимъ бѣгомъ. Зимою, на праздникъ, карелъ ѣдетъ обыкновенно въ легкихъ финскихъ санкахъ, сзади которыхъ развѣшиваетъ пестрый шерстяной коверъ или шкуру оленя. Даже какая-нибудь баба, когда ѣдетъ на озеро осматривать сѣти на простыхъ дровняхъ, — и та старается, чтобы лошадь бѣжала не вскачь, а правильною рысью.

Но свою спортсменскую жилку карелъ можетъ проявить только въ зимнее время, пока держится санный путь. Лѣтніе же пути сооб-

щенія въ Кареліи находятся въ первобытномъ состояніи. Колесныхъ дорогъ здѣсь вовсе нѣтъ, поэтому телѣги имѣются у немногихъ крестьянъ, на границѣ Финляндіи, да и тѣ служатъ только для перевозки сноповъ съ поля, не далѣе 2 вер. отъ деревни, такъ что многіе карелы не имѣютъ и понятія о колесномъ экипажѣ. Большею частію приходится ѣхать въ лодкѣ по озерамъ и рѣкамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ верхомъ на лошади, а во многія деревни можно пробраться только пѣшкомъ, при чемъ путнику приходится балансировать по жердочкамъ, перекинутымъ чрезъ болота.[1])

Такими способами передвигается здѣсь мѣстный чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, лѣсничій, мировой судья и другіе чиновники, которымъ приходится иногда по дѣламъ службы лѣтомъ посѣщать отдаленныя карельскія селенія. Въ с. Ухтѣ, находящемся на разстояніи 230 верстъ отъ г. Кеми, недавно открыто почтовое отдѣленіе, и при слѣдованіи почты во многихъ мѣстахъ ее переносятъ пѣшкомъ. Для этой цѣли корреспонденцію раскладываютъ въ небольшія сумки, не тяжелѣе $1\,^1/_2$ пуд., которыя кладутся въ легкія берестяныя сѣтки, надѣваемыя на плечи; иногда приходится набирать до 12 носильщиковъ, которые съ пѣшимъ же почталіономъ во главѣ и бредутъ съ почтою, со скоростью $3\,^1/_2$—4 верстъ въ часъ.

Дорога для проѣзда верхомъ часто идетъ по топкому болоту, чрезъ которое кое-какъ наброcаны жерди поперекъ, а иногда лежатъ вдоль 2—3 бревна, обтесанныхъ сверху; и вотъ по этимъ-то »рельсамъ« туземныя лошади искусно пробираются, какъ кошки, неся на спинѣ тяжесть сѣдока или 5—6 пуд. багажа, который обыкновенно складывается въ двѣ большія кожаныя сумки и прикрѣпляется на спинѣ лошади, равномѣрно свѣшиваясь по бокамъ. Нерѣдко случается, что лошадь срывается съ шаткой мостовой и по брюхо увязаетъ въ трясинѣ, а сѣдокъ, падая съ сѣдла, принимаетъ грязную ванну изъ болотной воды.

Мнѣ пришлось ѣхать по узкой тропинкѣ, проложенной среди дремучаго лѣса. Здѣсь проходятъ отроги Финляндскихъ горъ, и мѣстность очень холмиста. Холмы большею частію покрыты хвойнымъ

[1]) Въ послѣднее время земствомъ Олонецкой губ. многія первобытныя тропинки превращены въ колесныя дороги, по которымъ уже ѣздятъ на телѣгахъ.

лѣсомъ; подпочва ихъ состоитъ изъ песку съ массою гранитныхъ валуновъ, а во многихъ мѣстахъ тянутся цѣлые кряжи изъ сплошного гранита.

Преобладающая порода лѣса — сосна, которая, разросшись громадными борами, заполонила большую часть поверхности западныхъ уѣздовъ Архангельской и Олонецкой губ. Эти сухіе боры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень красивы. Столѣтніе гиганты, прямые, какъ свѣчи, кажется упираются въ самое небо. Кое-гдѣ, между соснами, зеленѣетъ кудрявая березка или стройная осина — и ни одной ели. Часто ѣдешь десятки верстъ по лѣсу и легко можешь сосчитать всѣ елки, встрѣчающіяся на пути. Внизу разстилается зеленовато-сѣрый коверъ ягодника брусники, черники, вороники или сѣверныхъ породъ вереска. Пѣшкомъ идти по такимъ мѣстамъ безъ дороги довольно трудно, такъ какъ нога постоянно встрѣчаетъ цѣпкій верескъ, ягодникъ, камни, а это сильно утомляетъ пѣшехода.

Было 6 час. утра. Погода стояла тихая и ясная. Солнце еще не успѣло высоко подняться надъ горизонтомъ, и въ воздухѣ чувствовалась утренняя прохлада. Ѣхать верхомъ въ такое время густымъ боромъ — просто наслажденіе. Острый ароматъ сосны пріятно освѣжаетъ легкія. Чувствуется приливъ бодрости, энергіи, на душѣ проясняется . . . Гулко отдается каменистый грунтъ тропинки подъ копытами лошади. Не слышно почти никакихъ звуковъ, только порой шумно взлетитъ изъ-подъ самыхъ ногъ лошади тяжелый глухарь, да на ближайшемъ озерѣ прокричитъ лебедь или гагара. Но эта пустынность дѣйствуетъ на человѣка не угнетающимъ, а напротивъ, успокаивающимъ образомъ. Чувствуется какое-то смиреніе и довольство жизнью при сознаніи, что и среди этой мрачной тайги живутъ люди со своими радостями, печалями, надеждами, разочарованіями и вообще со всѣми перипетіями жизни, полной борьбы за существованіе.

Къ сожалѣнію, такіе дѣвственные боры и въ глухой Кареліи стали рѣдки. Хищный топоръ лѣсопромышленника успѣлъ уже проникнуть и сюда: каждый годъ сотни тысячъ бревенъ сплавляются по рѣкамъ и озерамъ на лѣсопильные заводы въ г. Кемь, Сороку, Кереть и другія приморскія мѣстечки. Гдѣ только имѣется небольшая рѣчка или даже ручей, по которымъ въ весеннее половодье можно сплавить бревна къ р. Кеми, уже произведены или въ скоромъ времени предполагаются произвести лѣсныя заготовки, такъ что въ большихъ селеніяхъ хорошій строевой лѣсъ можно найти не ближе 10—15 вер. отъ жилья. Подробно о лѣсномъ промыслѣ въ Кареліи я буду говорить въ особой главѣ, а теперь возвращусь къ своему путешествію.

Особенно чтимый крестъ въ лѣсу недалеко отъ с. Вокнаволокъ.

На половинѣ пути, у небольшого озера, мы сдѣлали привалъ. Разложили костеръ, навѣсили чайникъ и расположились отдыхать на небольшой возвышенной, очищенной отъ лѣса, площадкѣ, поросшей травою. Тутъ же пустили и лошадей на зеленый кормъ. На краю площадки, подъ громадной развѣсистой сосной, стоялъ старый деревянный крестъ, снизу до половины обложенный камнями и увѣшанный

С. Вокнаволок[illegible]) Кемскаго у.

разноцвѣтными лоскутками. Въ срединѣ креста я разсмотрѣлъ врѣзанный въ дерево, маленькій мѣдный, старинной работы, образокъ Св. Зосима и Савватія, особенно чтимыхъ въ Кареліи угодниковъ Соловецкаго монастыря. Карелы очень религіозны, и такіе кресты вы встрѣтите вездѣ на дорогахъ. Разстоянія между селеніями здѣсь очень значительны, по 30—50 верстъ и болѣе; ихъ никто въ точности не измѣрялъ, верстовыхъ столбовъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ поставлены кресты, обозначающіе то четверть, то половину пути. Пройти большой волокъ безъ отдыха, конечно, невозможно, и каждый пѣшеходъ старается сдѣлать остановку у креста, неся къ этому мѣсту на память камень или оставляя лоскутокъ какой-нибудь матеріи.

Подкрѣпившись и давъ отдохнуть лошадямъ, мы отправились дальше.

IV.

Вокнаволокъ.

Вокнаволокъ — одно изъ самыхъ большихъ и красивыхъ селъ Кареліи, находится въ 275 верстахъ отъ г. Кеми и расположено на полуостровѣ, образуемомъ двумя узкими, далеко вдающимися въ сушу заливами озера Куйто. Посрединѣ полуострова съ востока на западъ тянется небольшая, въ видѣ горнаго хребта, возвышенность съ очень крутыми склонами на обѣ стороны.

Съ вершины этого хребта открывается очень красивый видъ на село и его окрестности. Склоны хребта густо покрыты мелкими кудрявыми сосенками съ порослью можжевельника, вереска и ягодниковъ

брусники и вороники. Только на самой вершинѣ въ продольномъ направленіи проходитъ узкая, свободная отъ лѣса поляна съ протоптанною по ней тропинкою, какъ будто правильно расчесанный на обѣ стороны проборъ курчавой шевелюры на головѣ великана.

Отъ самой подошвы возвышенности, гдѣ оканчивается кайма кустарниковъ, полукругомъ тянутся поля и огороды, а за ними по берегамъ озера, почти у самой воды, въ видѣ эллипсиса, расположены крестьянскія избы, которыя, огибая округлый мысъ полуострова, замыкаются кольцомъ у его перешейка. Въ южной части села возвышается небольшая, но довольно красивая бѣлая церковь съ зелеными куполами и позолоченными главами. На западномъ концѣ полуострова, близъ перешейка, раскинулась громадная еловая роща. Далѣе за рощей, съ правой стороны ея, серебристо-матовой лентой блеститъ рѣчка Вокъ, которая, извиваясь въ поросшихъ тальникомъ и низкорослымъ березникомъ берегахъ, теряется за горою.

Въ восточной же сторонѣ, насколько хватаетъ глазъ, синѣютъ воды Куйтозера. На картахъ это озеро называется *Кунто*, но это неправильно, такъ какъ по-карельски оно произносится *Куйтіярви*. Озеро имѣетъ въ длину 115, а въ ширину отъ 5 до 15 верстъ. Берега его вездѣ круты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ сѣверо-восточной сторонѣ, почти отъ самой воды поднимаются значительной высоты горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Въ селѣ около 150 дворовъ. Дома, какъ и въ большинствѣ карельскихъ селеній, построены вразбросъ, безъ всякаго порядка, и отдѣляются одинъ отъ другого огородами, засѣваемыми рѣпой и картофелемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между избами виднѣются полосы съ рожью и ячменемъ. Только около церкви имѣется нѣсколько пра-

вильныхъ улицъ и дома распланированы. Улицы содержатся очень опрятно, чему отчасти способствуетъ сухой песчаный грунтъ. Крестьянскія постройки, въ общемъ, выглядятъ довольно исправно: ветхія, захудалыя избушки очень рѣдки: много двухэтажныхъ домовъ обычнаго крестьянскаго типа сѣверной Россіи, нѣкоторые даже обшиты тесомъ и окрашены красною краскою — это уже подражаніе финнамъ.

Расположеніе домовъ въ карельскихъ деревняхъ нельзя назвать красивымъ, такъ какъ они ставятся на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого и часто напротивъ главнаго фасада одного дома помѣ-

Лувозерское кладбище.

щаются хлѣвы и сараи другого, а нерѣдко тутъ же стоятъ бани, риги и амбары. Но это имѣетъ большое преимущество въ пожарномъ и санитарномъ отношеніи: въ случаѣ пожара не слизнетъ »красный пѣтухъ» заразъ цѣлаго околотка, какъ это зачастую случается въ скученныхъ русскихъ селеніяхъ, въ которыхъ, кромѣ того, нерѣдко воздухъ переполненъ міазмами отъ сплошныхъ хлѣвовъ, помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ, а здѣсь, благодаря расположеннымъ между домами огородамъ и полямъ, воздуха и свѣта на каждую избу приходится болѣе, чѣмъ достаточно.

На другой день по пріѣздѣ въ Вокнаволокъ я встрѣтился съ

двумя финскими туристами. [1]) Пользуясь хорошей погодой, выхожу послѣ завтрака на горный кряжъ посреди села и вижу: оба сидятъ за работой, помѣстившись за маленькими столиками подъ тѣнью развѣсистой сосны. Одинъ, художникъ, рисуетъ съ натуры пейзажъ а другой, тутъ же подъ открытымъ небомъ, въ записной книжкѣ строчитъ свои путевыя замѣтки. Эти туристы два года тому назадъ были въ той деревнѣ, гдѣ я жилъ, поэтому мы скоро возобновили прежнее знакомство и вмѣстѣ пошли осматривать достопримѣчательности села.

Карельскія надворныя постройки. Амбары въ дер. Лувозеро Повѣн. у.

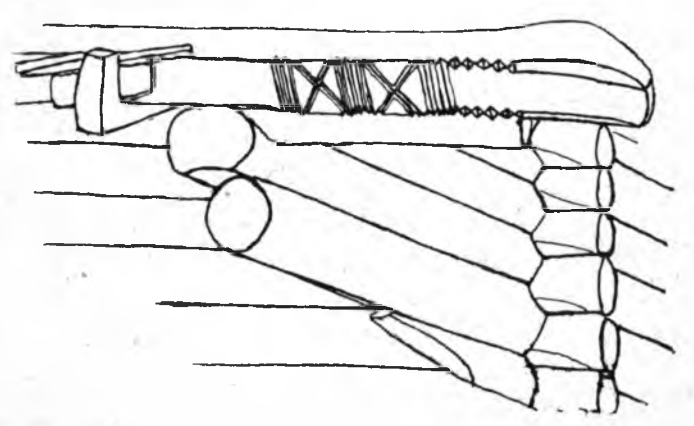
Сначала мы зашли въ еловую рощу, гдѣ оказалось мѣстное кладбище. Это настоящій паркъ съ дорожками и небольшими круглыми площадками, по сторонамъ которыхъ, подъ тѣнью вѣковыхъ гигантскихъ елей, покоится прахъ отошедшихъ въ вѣчность. На большинствѣ могилъ, кромѣ обыкновенныхъ возвышеній изъ дерна, виднѣются деревянные кресты и дощатыя гробницы. Почти всѣ кресты обложены снизу камнями и увѣшаны лоскутками разныхъ матерій. На болѣе древнихъ памятникахъ мы разсмотрѣли довольно оригинальную

---

[1]) Это были скульпторъ Викстрёмъ и художникъ графъ Луи Спарре.

и не лишенную художественнаго вкуса рѣзьбу, которую нашъ художникъ не преминулъ срисовать въ своемъ путевомъ альбомѣ. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что болѣе разнообразную и интересную рѣзьбу ему пришлось видѣть на памятникахъ въ Лувозерѣ, откуда я недавно пріѣхалъ, но гдѣ я не догадался осмотрѣть кладбище.

Я уже сказалъ, что крупный еловый лѣсъ въ южной Кареліи — большая рѣдкость, и надо удивляться, какимъ чудомъ сохранилась такая великолѣпная роща, состоящая исключительно изъ колоссальной величины елей и при томъ вблизи большого села, отъ котораго не только строевой, но и дровяной лѣсъ находится на значительномъ разстояніи, а тутъ подъ бокомъ участокъ около трехъ десятинъ, и никто имъ не пользуется.

Верхній уголъ постройки дома д. Минозеро, Повѣн. у.

Впослѣдствіи выяснилось, что эта роща среди мѣстныхъ жителей считается священною. По преданію, въ глубокой древности, когда карелы были еще язычниками, здѣсь стоялъ идолъ и капище Юмалы, главнаго божества народовъ финскаго племени, къ которому принадлежатъ и карелы. Вообще, всѣ карельскія кладбища находятся непремѣнно въ густомъ лѣсу, преимущественно сосновомъ — Вокнаволокъ же представляетъ рѣдкое исключеніе — и ни одного дерева карелъ не срубитъ на кладбищѣ, хотя бы имѣлъ въ этомъ крайнюю нужду.

Туристы Карелію посѣщаютъ рѣдко, поэтому скоро около насъ собралась толпа любопытныхъ, преимущественно изъ дѣтворы. Многіе изъ ребятъ оказались бывшими учениками мѣстной школы, умѣли сносно объясняться по-русски и по-фински и наперерывъ другъ передъ

другомъ вызывались сопровождать насъ и давали доступныя имъ объясненія. Между прочимъ, они сообщили намъ, что въ Вокнаволокѣ имѣется церковно-приходская школа. Она помѣщается въ крестьянской избѣ, имѣетъ скудныя средства, книгъ и учебныхъ пособій въ ней очень мало, вообще она влачитъ жалкое существованіе. Учителемъ въ то время состоялъ мѣстный діаконъ. Это былъ исправный церковно-служитель, хорошо обучалъ школьниковъ, любилъ читать книги, просиживая иногда за ними цѣлыя ночи, но сталъ увлекаться

Карельская дѣвушка за пряжей.

водкою, допился до бѣлой горячки, послѣдствіемъ которой явились періодическіе припадки психическаго разстройства. Разсказывали, что незадолго до нашего пріѣзда онъ велѣлъ перенести всѣ классные столы и доски въ новое, но еще не оконченное зданіе для училища, безъ печей и оконныхъ рамъ и цѣлые часы давалъ уроки воображаемымъ ученикамъ.

Бѣдный педагогъ . . . Онъ болѣе десяти лѣтъ учительствовалъ въ заурядной крестьянской избѣ, при антигигіеническихъ условіяхъ, получая самое скудное вознагражденіе, дожилъ до отдѣльнаго помѣ-

щенія для школы, но не суждено было ему поработать при болѣе сносныхъ условіяхъ.

Въ послѣднія семь лѣтъ моей жизни въ Кареліи было три случая умопомѣшательства въ семьяхъ мѣстнаго духовенства. Кромѣ вокнаволоцкаго діакона, впослѣдствіи безнадежно лишилась разсудка жена юшкозерскаго священника, за самимъ священникомъ тоже стали замѣчаться припадки психическаго разстройства, но онъ скоро умеръ. Должностнымъ лицамъ здѣсь вообще не сладко живется: учителя, фельдшера, лѣсничіе, волостные писаря изъ русскихъ — нерѣдко спиваются отъ скуки и очень печально кончаютъ свою карьеру. И это, вѣроятно, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на эти должности не будутъ назначаться лица изъ мѣстныхъ жителей, привыкшихъ къ жизни на своей суровой родинѣ.

»Окку» (Акулина).
Карельская дѣвочка.

Въ Вокнаволокѣ еще оказался слѣпой пѣвецъ и музыкантъ, котораго мы посѣтили вечеромъ того же дня. Онъ жилъ въ небольшой, но очень опрятной избушкѣ съ единственною незамужнею дочерью лѣтъ тридцати, которая доставала средства къ жизни для себя и своего неспособнаго къ труду отца поденною работою. Старику было 72 года, и вотъ уже 20 лѣтъ, какъ онъ потерялъ зрѣніе. Въ молодости онъ обладалъ хорошимъ голосомъ и былъ первымъ пѣвцомъ на селѣ, долго жилъ въ Онежскомъ краѣ, занимаясь тамъ разносною торговлею, хорошо научился говорить по-русски и обучился церковному пѣнію. Лѣтъ десять тому назадъ одинъ богатый карелъ привезъ изъ Поморья и подарилъ ему музыкальный инструментъ, на которомъ старикъ скоро выучился игратъ. Это былъ деревянный продолговатый, потемнѣвшій отъ времени ящикъ, суживающійся къ одному концу, съ круглымъ отверстіемъ въ рединѣ. На одной сторонѣ ящика были натянуты металлическія струны, которыя при ударѣ пальцами издавали довольно пріятные звуки. Инструментъ этотъ походилъ на цитру, а старецъ называлъ его »псалмодикумъ».

Мы попросили слѣпца что-нибудь сыграть или спѣть. Онъ взялъ съ полки свой инструментъ, отеръ рукавомъ предполагавшуюся пыль

и, ударяя костлявыми пальцами по струнамъ, старческимъ, но порядочно сохранившимся теноромъ запѣлъ: »Подъ Твою милость«. Пѣлъ онъ съ глубокимъ чувствомъ и правильно аккомпанировалъ на *псалмодикумѣ*. Окончивъ піесу, онъ замолкъ и, сморщивъ лобъ, поднялъ кверху голову, какъ будто что-то припоминая, и затѣмъ запѣлъ псаломъ: »На рѣкахъ Вавилонскихъ«. Началъ онъ его робко и неувѣренно, видимо стѣсняясь присутствіемъ интеллигентныхъ слушателей, но потомъ пріободрился, и псаломъ былъ исполненъ очень хорошо.

Улица въ дер. Келлогоры Арханг. губ., Кем. у. Юшкозер. в.

Голосъ его вибрировалъ и, то усиливаясь, то ослабѣвая, послушно выражалъ религіозное настроеніе старца. Самъ онъ, весь вытянувшись и вперивъ свои открытые, но потухшіе глаза въ пространство, казалось, видѣлъ своимъ духовнымъ окомъ то, что намъ, зрячимъ, было недоступно. Въ этомъ состояніи своею фигурою онъ много напоминалъ древне-русскаго баяна съ гуслями, какъ ихъ изображаютъ на картинахъ.

Затѣмъ мы попросили слѣпца спѣть что-нибудь изъ свѣтскаго, но онъ наотрѣзъ отказался, считая это при своихъ лѣтахъ грѣхомъ. Уходя отъ пѣвца, мы дали ему по серебряной монетѣ, отъ чего онъ не отказался и просилъ заходить къ нему и впредь.

Вечеръ я провелъ въ квартирѣ туристовъ. Разговорились на тему о культурной отсталости кареловъ по сравненію съ финнами. Тутъ они сообщили мнѣ, что въ дер. Шаппу-вуара, кондокской вол., они видѣли стихотворца изъ кареловъ, да при томъ еще и неграмотнаго. Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: »на ловца и звѣрь бѣжитъ«. Финны, хорошо знающіе Карелію, не упустятъ изъ виду ни одной достопримѣчательности: они нашли и оригинальную рѣзьбу на памятникахъ, и карельскаго поэта, а мнѣ не попалось ни то, ни другое. Впрочемъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что карелы, несмотря на религіозную рознь, считаютъ финновъ, все-таки, своими сородичами, охотно вступаютъ съ ними въ сношенія и, благодаря сходству языка, свободно могутъ объясняться съ ними. Между тѣмъ, въ юго-западной Кареліи многіе совсѣм ъне умѣютъ говорить по-русски, а я по-карельски не могъ такъ свободно объясняться съ мѣстными жителями, какъ финны на ихъ родномъ языкѣ.

Фамилія стихотворца: Роккани. Это крестьянинъ лѣтъ 50, имѣющій большое семейство. Почти всѣ финляндскіе туристы знаютъ Роккани, часто заѣзжаютъ въ д. Шаппу-вуара и каждый разъ увозятъ отъ него новое стихотвореніе, которое обыкновенно списывается подъ диктовку стихотворца. Уже болѣе десятка стихотвореній этого неграмотнаго поэта напечатано въ финскихъ періодическихъ изданіяхъ, за что ему платятъ небольшой гонораръ.

На этотъ разъ Роккани продиктовалъ туристамъ стихотвореніе, въ которомъ описывался случай изъ эпопеи голоднаго года.

Стихотвореніе это производитъ сильное впечатлѣніе; настроеніе въ немъ выражено вполнѣ опредѣленно, стихи риѳмованные, размѣръ довольно правильный, выраженія очень мѣткія, такъ что подъ такимъ произведеніемъ не стыдно было бы поставить фамилію и признанному поэту; для неграмотнаго же Роккани это можно назвать прямо шедевромъ.

15-го августа въ Вокнаволокѣ былъ храмовой праздникъ, и по этому случаю сюда собралось много народа изъ сосѣднихъ деревень. Карелы любятъ эти сборные праздники и пробираются въ лодкахъ или пѣшкомъ за нѣсколько десятковъ верстъ, чтобы погостить у своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Праздники то въ одной, то въ другой деревнѣ устраиваются въ продолженіе всего лѣта, вплоть до осенней

Карелка, стряпающая пироги.

распутицы. Если карелъ строитъ новую избу или производитъ ремонтъ старой, то окончаніе работъ непремѣнно постарается пригнать къ празднику.

Въ праздникъ больше хлопотъ приходится, конечно, на долю хозяекъ. Молодухи и дѣвушки шьютъ себѣ обновки, моютъ и приводятъ въ порядокъ избы, горницы и предаются всевозможной стряпнѣ.

Обычная пища карела — соленая рыба, хлѣбъ съ масломъ и творогъ, а въ посты — картофель, рѣпа, ягоды и грибы; праздничный же столъ обильнѣе, разнообразнѣе и обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ блюдъ: нѣсколько пироговъ съ разными сортами рыбы (калакукко), — сначала, напримѣръ, подаютъ пирогъ изъ щуки или ряпушки, потомъ изъ сига, харіуса или лосося; затѣмъ идетъ уха изъ той же рыбы, при чемъ сваренную рыбу ѣдятъ отдѣльно отъ ухи, что составляетъ какъ бы отдѣльное блюдо; послѣ ухи слѣдуетъ пшенная или ячменная каша (гутту), блины съ кашей на молокѣ (каккаратъ) и блины безъ каши (шульчинатъ). Изъ печеній, кромѣ пироговъ съ рыбою, распространены: ячменныя и пшеничныя лепешки, оладьи и пирожки съ кашей. Дрождей въ Кареліи не употребляютъ, а тѣсто приготовляется прѣсное или на опарѣ (закваскѣ). Хлѣбъ ѣдятъ въ праздникъ больше въ видѣ бутербродовъ, поэтому на столъ всегда ставится тарелка съ масломъ. Мясо можно встрѣтить только за столомъ богатаго карела, да и то рѣдко.

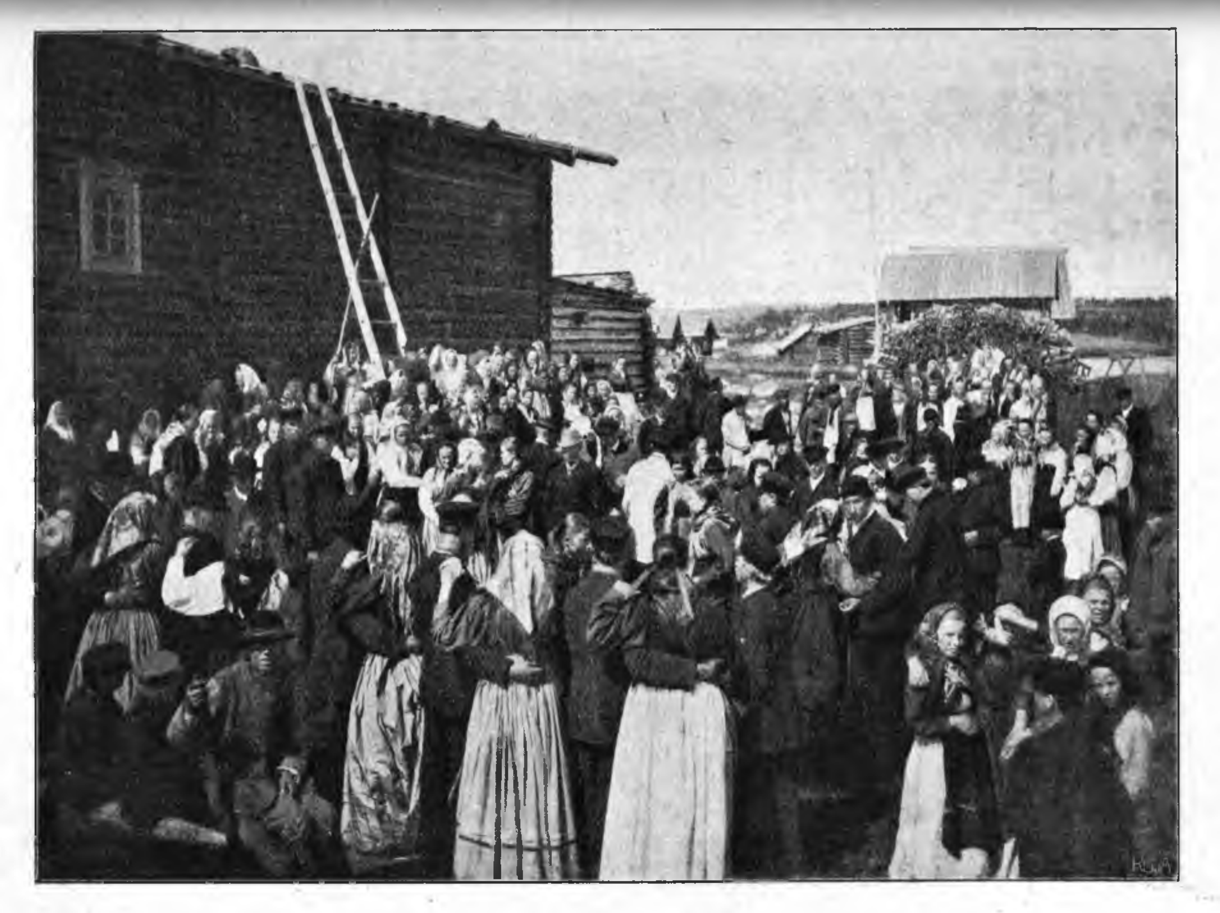
Интересно, что многіе карелы не употребляютъ въ пищу мяса домашнихъ животныхъ, не могутъ даже смотрѣть на него безъ отвращенія, но весною и осенью, во время охотничьяго сезона, охотно ѣдятъ мясо оленей, лосей и лѣсной птицы. Болѣе любятъ мясо соленое, чѣмъ свѣжее. Зайцевъ и телятъ не ѣдятъ вовсе, считая ихъ погаными. Въ уху изъ соленой рыбы, а также и въ мясныя щи, кладутъ нѣсколько горстей ржаной муки; такое кушанье по-карельски называется *рокка*.

Въ пищѣ карелъ, вообще, крайне не экономенъ: когда хорошо ловится рыба или дичь, онъ ѣстъ ихъ до-отвалу, не думая о запасахъ на будущее; поэтому въ зимнее время, когда рыба ловится плохо, при неурожаѣ овощей и грибовъ, многимъ приходится питаться кушаньемъ, извѣстнымъ подъ шуточнымъ названіемъ *вези-рокка*, [1]) т. е. хлѣбомъ съ водою. Въ большомъ употребленіи у бѣдняковъ также *мямми*, засолодѣлая жидкая, сладковатая на вкусъ мучная опара. Существуетъ справедливая поговорка, что одна карельская семья рыбы и дичи съѣдаетъ болѣе, чѣмъ цѣлая финская деревня — такъ карелы невоздержны въ харчахъ, въ противоположность крайне экономнымъ финнамъ.

Кофе и чай во время пирушки почти цѣлый день не сходятъ со стола. Водка на праздникахъ — рѣдкость, особенно лѣтомъ, поэтому

---

[1]) Въ буквальномъ переводѣ по-русски: *водяныя щи*.

На Карельскомъ праздникѣ. Молодежь танцуетъ, а старые смотрятъ.

Игрою въ городки увлекаются даже старики-бородачи. Побѣжденный игрокъ наклоняетъ корпусъ и упирается палкою въ землю, а побѣдитель садится верхомъ на спину и первую палку въ новый конъ бросаетъ со спины побѣжденнаго партнера. Сфотографировано въ дер. Лувозеро.

вы никогда здѣсь не встрѣтите того повальнаго пьянства, какое въ обычаѣ на русскихъ деревенскихъ пирушкахъ. Во всей Кареліи Кемскаго уѣзда нѣтъ ни одного кабака, и только изрѣдка зимою мѣстные торговцы привозятъ спиртные напитки изъ Финляндіи контрабанднымъ путемъ или изъ Поморья и торгуютъ ими тайно. У богатыхъ крестьянъ можно встрѣтить недорогое виноградное вино, коньякъ и финскій ромъ, который обыкновенно пьютъ съ чаемъ, въ видѣ пунша.

За неимѣніемъ настоящей водки иногда пьютъ водку домашняго приготовленія которая выкуривается въ пограничныхъ съ Кареліей финскихъ деревняхъ. Этотъ напитокъ, нисколько не очищенный отъ сивушнаго масла, имѣетъ отвратительный запахъ и вкусъ. но все-таки нерѣдко находятся потребители, которые и за такую гадость платятъ отъ 40 до 50 копеекъ за бутылку; настоящая же водка продается вдвое дороже.

Такимъ образомъ, карельскій праздникъ заключается въ томъ, что мужчины и женщины, разодѣвшись въ лучшіе наряды, цѣлый день ходятъ изъ дома въ домъ по своимъ родственникамъ и знакомымъ и угощаются чаемъ и кофе съ кренделями, баранками и домашнимъ печеньемъ. Карелъ, вообще, очень гостепріименъ и считаетъ непремѣннымъ долгомъ угостить всякаго, кто зайдетъ къ нему въ праздникъ. При этомъ у него проглядываетъ неподдѣльная привѣтливость и радушіе: для дорогого гостя онъ ничего не пожалѣетъ и вынесетъ на столъ все, что только у него есть лучшаго.

Парни и молодыя дѣвицы проводятъ время за танцами и хороводами. Въ хорошую погоду это обыкновенно производится подъ открытымъ небомъ, и кучка играющихъ всегда бываетъ окружена

многочисленною толпою зрителей изъ бабъ и мужиковъ, отдыхающихъ послѣ праздничныхъ угощеній. Тутъ же неподалеку любители играютъ въ городки, въ мячъ или въ бабки.

Въ ненастную погоду, а также позднею осенью и зимою, для игрища выбирается просторная изба (кизяперти), но танцевать въ жилое помѣщеніе пуститъ развѣ какая-нибудь бѣдная вдова за особую плату, такъ какъ всякія игрища считаются грѣхомъ; поэтому танцы чаще происходятъ въ сараѣ, ригѣ, а зимою иногда и въ банѣ.

Карельскій парень (poika) изъ д. Каменное озеро.

Національный карельскій танецъ нѣсколько походитъ на вальсъ: танцующіе берутся за обѣ руки, прикасаясь другъ къ другу однимъ плечомъ, и быстро кружатся на одномъ мѣстѣ сначала въ одну, а потомъ въ другую сторону. Ближе къ Поморью, а также въ деревняхъ на границѣ Олонецкой губерніи, въ послѣднее время стали появляться кадриль и хороводы съ пѣснями. Въ большомъ ходу у молодежи также русская пляска »въ присядку» и съ другими замысловатыми колѣнцами. Танцуютъ обыкновенно подъ звуки гармоники, а за неимѣніемъ послѣдней, въ тактъ пляскѣ дѣвицы напѣваютъ ломаннымъ языкомъ русскаго »Чижика», который исковерканъ до невозможности: къ нему прибавлено много неимѣющихъ связи куплетовъ фабрично-мѣщанскаго происхожденія, которые, какъ извѣстно, все больше и больше проникаютъ и въ русскую деревню изъ города,

вытѣсняя старинныя русскія пѣсни, отличающіяся богатствомъ содержанія и красотою мелодіи. Все это переносится изъ русскихъ деревень и въ Карелію. Пѣніе женщинъ нельзя назвать мелодичнымъ, такъ какъ онѣ поютъ непомѣрно высокимъ фальцетомъ, но среди мужчинъ есть хорошіе пѣвцы, особенно удачно исполняющіе финскія современныя пѣсни. Впрочемъ, финскія пѣсни и у женщинъ выходятъ удачнѣе, чѣмъ русскія; это объясняется тѣмъ, что, благодаря племенной близости, все финское въ Кареліи усваивается лучше, чѣмъ русское.

Карельскія дѣвушки.

Праздничный нарядъ дѣвицъ не отличается разнообразіемъ, но не лишенъ вкуса и даже нѣкотораго изящества. Онъ состоитъ изъ бѣлой коленкоровой или полотняной рубашки съ короткими рукавами, оканчивающимися оборками съ кружевами, и кумачеваго или шерстяного, а у богатыхъ шелковаго сарафана. На плечи накидывается небольшой шерстяной или шелковый платокъ съ полосатыми разводами, который, скрещиваясь на груди, концами прикрѣпляется по сторонамъ таліи. Грудь украшается блестящими брошками, а шея — разноцвѣтными бусами; пальцы унизываются перстнями и кольцами, а у богатыхъ на рукахъ встрѣчаются и браслеты. Въ косы вплетаютъ длинныя яркія ленты, на головѣ носятъ узкія красныя или голубыя повязки.

Нарядъ замужнихъ молодыхъ женщинъ отличается отъ дѣвичьяго тѣмъ, что вмѣсто грудного платка онѣ одѣваютъ короткую прямую кофту, обшитую тесьмой или позументами, а на головѣ носятъ высокій повойникъ (сорокка), который у богатыхъ шьется изъ парчи. Обувью служатъ башмаки и полусапожки.

Будничная одежда женщинъ — холщевая рубаха съ ситцевыми рукавами, крашенинный или пестрядинный сарафанъ; сверху одѣвается кофта, а зимою короткое пальто или шубка на мѣху.

Одежда мужчинъ значительно отличается отъ одежды русскихъ крестьянъ. Полушубка, армяка, лаптей вы здѣсь не встрѣтите, а по примѣру финновъ, карелы одѣваются по-европейски. Ситцевая, миткалевая или холстинковая [1]) рубашка запрятывается за шаровары, а поверхъ ея одѣвается жилетъ, [2]) бумазейная или шерстяная вязаная фуфайка. Верхнею одеждою служитъ пиджакъ, брюки, выпускаемые поверхъ сапогъ, и пальто, которое для зимы шьется на мѣху и снабжается воротникомъ. У стариковъ иногда можно встрѣтить родъ кафтана, похожаго на малороссійскую свитку. Сверху брюкъ по таліи одѣвается узкій ремень съ чехломъ для ножа и маленькая кожаная сумочка для спичекъ; ножъ постоянно нуженъ карелу на рыбной ловлѣ и охотѣ, а безъ спичекъ въ лѣсу тоже не обойдешься.

Только незначительная часть рабочей одежды и бѣлья — свитка изъ сѣраго сукна, рубаха и штаны изъ холста, да крашенинный сарафанъ — шьются изъ матеріаловъ домашняго приготовленія; все же остальное мужское и женское платье приготовляется изъ матерій фабричнаго производства. Обувью служатъ обыкновенные сапоги изъ черной шведской или желтой финской кожи, а въ будни финскіе пексы. На головѣ носятъ шляпы, фуражки, а зимою мѣховыя и плюшевыя шапки съ наушниками.

По наружности карелы мало отличаются отъ русскихъ. Они большею частью средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, держатся прямо, сутуловатость встрѣчается очень рѣдко. У типичныхъ кареловъ большая, правильной формы голова, средней высоты лобъ, широкія скулы, русые, рѣдко рыжіе, волосы и выразительные, большею частью голубые глаза. Волосы носятъ безъ пробора, подстригая ихъ спереди посрединѣ лба, а сзади вровень съ нижнимъ краемъ уха, или стригутъ подъ гребенку. Походка у карела быстрая, стройная, увѣрен-

[1]) Холстинка — родъ ситца съ синими и красными клѣточками.

[2]) Жилетъ часто носится также на рубашкѣ, подолъ которой выпускается наружу.

Карельская дѣвушка.

Есть на сѣверѣ дѣвица,
Въ томъ селѣ холодномъ дѣва.
Половина всей Похьолы
Славитъ дивную дѣвицу:
Лунный свѣтъ съ висковъ струится,
И съ груди бѣжитъ свѣтъ солнца,
Съ плечъ Медвѣдицы [1]) сіянье,
Со спины свѣтъ семизвѣздный. [2])

ная; во всѣхъ движеніяхъ замѣтны бодрость и проворство, а въ дѣйствіяхъ — смѣтливость. Въ выраженіи лица проглядываетъ самоувѣренность, отсутствіе приниженности и раболѣпства, умъ и веселая безпечность. Въ противоположность флегматичнымъ, угрюмымъ »пасынкамъ природы» — финнамъ, карелы общительны и разговорчивы до болтливости. Вообще наружность карела производитъ пріятное впечатлѣніе.

Женщины, по сравненію съ русскими, большого роста, имѣютъ характерный высокій прямой лобъ, свѣтло-русые волосы, голубые глаза

[1]) Извѣстное созвѣздіе — Большая Медвѣдица.
[2]) Руна 10, перев. Л. П. Бѣльскаго.

и продолговатое миловидное лицо; выраженіе лица кроткое, застѣнчивое и вдумчивое. Всѣ онѣ очень стройны. Походка плавная, гордая. Въ молодости многія бываютъ довольно красивы, любятъ кокетничать. Поэтому карелками увлекаются даже городскіе интеллигентные кавалеры и нерѣдко женятся на нихъ. Къ сожалѣнію, не мало карельскихъ женщинъ изуродованы оспою.

Въ нравахъ и характерѣ карела, въ общемъ, больше хорошихъ, чѣмъ дурныхъ чертъ. Съ одной стороны, онъ миролюбивъ, добродушенъ, гостепріименъ, дружелюбенъ по отношенію къ сосѣдямъ, подчасъ наивенъ и разговорчивъ, исполненъ чувства собственнаго достоинства, трудолюбивъ, выносливъ, страстный охотникъ и рыболовъ и бойкій торговецъ; съ другой стороны, онъ скрытенъ, хитеръ и мастеръ солгать, если это для него выгодно, корыстолюбивъ, отчасти склоненъ къ мелкому торгашеству и легкой наживѣ.

Воровство среди кареловъ — большая рѣдкость. Во многихъ глухихъ деревняхъ не существуетъ ни замковъ, ни запоровъ. Въ лѣсныхъ избушкахъ оставляются рыболовныя и охотничьи принадлежности — топоры, сѣти, ружья; цѣлое лѣто и осень до саннаго пути виситъ тамъ вяленая рыба, стоятъ бочки съ соленой рыбой, лежатъ груды добытой птицы — и никто не тронетъ чужого. Въ этомъ отношеніи карелъ — родной братъ своему честному одноплеменнику финну.

Что же касается торговли, исполненія разныхъ подрядовъ на работы и другихъ обязательствъ, то карелъ не прочь сплутовать, взять за плохой товаръ втридорога, солгать и нарушить обѣщаніе; но эти качества, кажется, присущи большинству торговцевъ, не исключая и болѣе культурныхъ, карелъ же — торговецъ по преимуществу, и ему, волею историческихъ судебъ заброшенному въ суровый край, гдѣ очень трудна борьба за существованіе, нѣкоторые недостатки привились путемъ исключительныхъ историческихъ и бытовыхъ условій. Карелъ всегда сумѣетъ извернуться въ трудныхъ обстоятельствахъ и мастеръ, что называется, на обухѣ рожь молотить, дорого цѣнитъ свой трудъ и скорѣе останется безъ работы, чѣмъ согласится взять за нее дешево. Хотя карела и нельзя назвать расточительнымъ, но онъ вообще рѣдко дѣлаетъ запасы на черный день. Когда у него есть лишнія деньги, то, закупивши прежде всего хлѣба, чаю, кофе, сахару и кренделей — это любимая закуска къ чаю, — онъ старается завести получше одежду, которою, вообще, любитъ пощеголять, сдѣлаетъ какую-нибудь новую пристройку къ избѣ, оклеитъ горницу дешевыми обоями, пріобрѣтетъ что-нибудь изъ хозяйственной утвари или изъ

предметовъ домашняго комфорта, о которомъ постоянно мечтаетъ каждый мало-мальски зажиточный карелъ.

Робость, приниженность, малодушіе — черты, свойственныя лопарямъ, самоѣдамъ и другимъ инородцамъ сѣвера — совершенно неприсущи карелу: онъ всегда исполненъ чувства собственнаго достоинства, порою даже гордъ, самоувѣренъ, чувствителенъ ко всякой обидѣ, стойко переноситъ жизненныя невзгоды и никогда не падаетъ духомъ. Онъ не гнетъ спины передъ сильными міра сего, не будетъ стоять

Карельскіе амбары. Дер. Минозеро, Олон. губ.

безъ шапки предъ начальствомъ и не даетъ взятки чиновнику, зная, что тотъ за свою службу получаетъ жалованье и долженъ при исполненіи своихъ обязанностей поступать по закону. Вообще, законность и уваженіе къ личности, несмотря на слабое распространеніе грамотности, въ карелѣ развиты очень сильно; семейные дѣлежи, ссоры, земельныя недоразумѣнія между односельчанами рѣшаются большею частью мѣстнымъ сельскимъ сходомъ, безъ участія высшаго начальства, на основаніи обычнаго права, при чемъ главный голосъ принадлежитъ старикамъ.

Были случаи, что урядникъ или становой приставъ, пріѣхавшіе на службу въ Керелію изъ среднихъ губерній, гдѣ еще до сихъ поръ, при водвореніи порядка, нерѣдки проявленія принципа »рукоприкладства», пробовали и здѣсь употреблять кулакъ и ругательства, но скоро раскаивались въ своей неосмотрительности: они сами получали сдачи или же привлекались карелами къ суду за оскорбленіе. Мнѣ также никогда не приходилось слышать, чтобы по приговору волостного суда здѣсь кто-нибудь былъ наказанъ розгами; карелъ не вытерпѣлъ бы такого позора и рѣшился бы на самыя крайнія средства, чтобы избѣжать этого.

И священника, и станового, и судью карелъ въ разговорѣ наивно называетъ своимъ братомъ (вейко) и фамильярно здоровается съ ними за руку; если же кто вздумаетъ показать свое превосходство надъ нимъ, карелъ смѣло выскажетъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

Для иллюстраціи сказаннаго приведу примѣръ изъ путешествія по Кареліи епископа Никанора. Преосвященный нѣсколько дней подъ рядъ ѣхалъ въ лодкѣ. Кромѣ свиты и пѣвчихъ, его сопровождали: миссіонеръ, нѣсколько священниковъ, исправникъ съ помощникомъ и другіе чины полиціи, такъ что за нимъ слѣдовала цѣлая флотилія карбасовъ. Сидѣвшіе въ одной лодкѣ съ рѣдкимъ пассажиромъ шестеро гребцовъ и кормщикъ изъ кареловъ видѣли архіерея первый разъ въ жизни, поражались торжественностью встрѣчъ и проводовъ, но, несмотря на это, они всю дорогу, не умолкая, громко разговаривали между собою, простодушно засыпая вопросами даже самого владыку, чѣмъ его не мало безпокоили. Въ одномъ мѣстѣ, при переѣздѣ чрезъ опасный порогъ, архіерей вышелъ на берегъ и пошелъ пѣшкомъ, а лодка его отстала отъ прочихъ. Становой приставъ, замѣтивъ это, сталъ-было стращать гребцовъ, но въ отвѣтъ получилъ отрывистое и внушительное: »Не кричи порато!» (порато — сильно). [1])

Молодые священники и чиновники изъ русскихъ, привыкшіе видѣть въ русскомъ крестьянинѣ смиреніе, а нерѣдко и рабскую покорность, при первомъ знакомствѣ съ карелами поражались ихъ смѣлостью въ обращеніи, принимая это за грубость. Но грубымъ карела назвать нельзя: если съ нимъ обращаются гуманно, онъ не замедлитъ подать примѣръ вѣжливости, уваженія и услужливости. Мнѣ говаривалъ одинъ изъ старыхъ чиновниковъ, который по своимъ

---

[1]) »Путешествіе преосвящ. Никанора по Кареліи». Арх. Епар. Вѣдом., № 15, 1895 г.

служебнымъ обязанностямъ болѣе двадцати лѣтъ имѣлъ сношенія съ карелами, что карелы — американцы по характеру, и если бы они имѣли такой же общественный строй и доступъ къ образованію, какъ сосѣди ихъ, финны, то, вѣроятно, скоро бы опередили послѣднихъ въ культурномъ отношеніи, такъ какъ карелъ сильнѣе физически, энергичнѣе и смѣтливѣе финна — и это мнѣніе, пожалуй, справедливо.

Семейное начало у кареловъ имѣетъ очень прочные устои, основанные на дружелюбныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и уваженіи стар-

Погребъ и амбаръ съ навѣсомъ для сѣтей. Дер. Минозеро Олон. губ.

шихъ. Карелъ рѣдко бьетъ свою жену, совѣтуется съ нею во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, часто поручая ей завѣдываніе расходами. Вообще, женщина здѣсь пользуется большимъ почетомъ, и семейныя ссоры рѣдки. Это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что карельская дѣвушка выходитъ замужъ по своему выбору, а насильственныхъ браковъ почти не бываетъ. Но еще большимъ почетомъ пользуются у кареловъ старики. Часто можно видѣть восьмидесятилѣтняго, убѣленнаго сѣдинами, слѣпого или глухого старца, который уже десятокъ лѣтъ ничего не работаетъ. Его однако не только не попрекнутъ

дармоѣдствомъ, но безъ его совѣта не рѣшается ни одно важное семейное дѣло. Случается, что старикъ, глава семейства, не пьетъ водки и не куритъ табаку, который въ патріархальныхъ углахъ Кареліи еще и теперь мало распространенъ и считается »проклятымъ зельемъ». Между тѣмъ, его уже сорокалѣтній сынъ далеко не прочь выпить и давно куритъ трубочку, но изъ уваженія къ строгому родителю стыдливъ, скрываетъ отъ отца и то и другое. Нерѣдко можно встрѣтить семью, состоящую изъ 3—4 женатыхъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ; одинъ занимается домашнимъ хозяйствомъ,

Карельскіе обычаи. Невѣстка кланяется въ ноги свекрови при отправленіи на работу.

другой ловитъ рыбу или охотится на птицъ и звѣрей, третій — на отхожихъ промыслахъ — и всѣ они несутъ доходы въ общее хозяйство. Бываетъ, что одинъ изъ братьевъ еще мальчикомъ ушелъ на чужую сторону, обзавелся тамъ своей семьей и, можетъ-быть, никогда не возвратится домой, но онъ не забываетъ своихъ родныхъ, и если можетъ, то никогда не откажетъ помочь имъ матеріально.

Своею нравственностью карелы могутъ похвалиться предъ многими народами: несмотря на то, что значительная часть женатыхъ мужчинъ многіе годы проживаетъ на отхожихъ промыслахъ и пріѣзжаетъ домой одинъ разъ въ годъ, а иногда и рѣже, жены ихъ оста-

»Ana njokkoo» (дай носикъ).
Карельскія матери обыкновенно не цѣлуютъ своихъ дѣтей, а соприкасаются носами. Это особый знакъ нѣжности.

ются вѣрными своимъ супругамъ, а рѣдкая измѣна быстро дѣлается извѣстною во всей волости и становится позоромъ для цѣлаго рода. Внѣбрачныя дѣти очень рѣдки; если же и случится, что у какой-нибудь старой дѣвы, которую почему-либо обошли женихи, родится ребенокъ, то она всю жизнь раскаивается въ своемъ грѣхѣ и для искупленія его къ двухдневному посту на недѣлѣ, въ среду и пятницу, прибавляетъ еще понедѣльникъ; не пьетъ ни чаю, ни кофе, воздержаніе отъ которыхъ у кареловъ, при ихъ пристрастіи къ этимъ напиткамъ, считается своего рода подвигомъ.

Туристы уѣхали изъ Вокнаволока наканунѣ праздника (14-го августа), но въ тотъ же день сюда прибылъ мой знакомый, лѣсничій Балбинскій, съ которымъ мы поселились на одной квартирѣ.

Зайдя въ »кизя-перти», мы были поражены щегольскими костюмами здѣшнихъ парней: у большинства модные пиджаки и брюки »на-выпускъ» изъ клѣтчатыхъ лѣтнихъ матерій; изъ открытаго ворота жилета выдѣляется бѣлый воротничокъ сорочки съ цвѣтнымъ галстукомъ; по борту жилета щеголевато извивается стальная, съ воронеными перемычками, или »новаго золота» цѣпочка, указывающая на присутствіе часовъ.

— Вѣроятно, богатый народъ живетъ въ вашемъ селѣ, ибо я не ожидалъ встрѣтить подобныхъ франтовъ въ такомъ глухомъ углу Кареліи, — замѣчаю я мѣстному волостному писарю изъ русскихъ.

— Ну, далеко нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ: — у многихъ изъ этихъ франтовъ большія недоимки по платежамъ податей, дома — никакихъ запасовъ съѣстного на будущее, но такой ужъ обычай: самый послѣдній бѣднякъ старается не отстать въ костюмѣ отъ другихъ и тянется за этимъ изо всѣхъ силъ. Вы не подумайте, что у всѣхъ парней имѣются въ карманахъ часы; цѣпочка полагается больше для форсу, а часами обладаетъ только незначительная часть изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ . . .

— Народъ, все-таки, бойкій, — продолжалъ словоохотливый писарь: — почти половина здѣшнихъ мужчинъ занимаются разносной торговлей въ Финляндіи, а вчера, напримѣръ, съ почты получено сразу до десятка писемъ изъ Америки, гдѣ живутъ многіе изъ крестьянъ Вокнаволоцкой и Ухтинской волостей . . . Какое тамъ у нихъ занятіе — не знаю, но нѣкоторые нерѣдко посылаютъ деньги своимъ родственникамъ — значитъ, живутъ тамъ хорошо.

Просторная изба биткомъ набита веселящеюся молодежью и зрителями; танцевали и въ сараѣ, и въ сѣняхъ. Пѣсни, залихватскіе переливы гармоники, шутки, веселый смѣхъ, задорное притопываніе ногами — наполняли этотъ домъ деревенскаго веселья, которое заражающе дѣйствовало и на постороннюю публику, такъ что нѣкоторые изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ по временамъ подтягивали пѣнію, весело притопывая пексами, издававшими глухой шлепающій звукъ.

Ловля жемчужныхъ раковинъ. Ловецъ лежа на плоту, который подвигается впередъ силою теченія рѣки, высматриваетъ раковины въ маленькое отверстіе въ плоту и вытаскиваетъ добычу сачкомъ, укрѣпленнымъ на концѣ длинной палки.

V.

Карельскіе промыслы.

Кромѣ земледѣлія и разносной торговли карелы занимаются рубкою, вывозкою и сплавомъ бревенъ для лѣсопромышленниковъ, рыболовствомъ, охотою, а крестьяне Вокнаволоцкой и Ухтинской волостей ловятъ жемчужныя раковины въ порожистыхъ рѣкахъ. Карельскій жемчугъ не обладаетъ высокими качествами, добывается въ небольшомъ количествѣ и поэтому доставляетъ жителямъ незначительный доходъ.

Торговля — одно изъ любимѣйшихъ занятій кареловъ, поэтому я скажу о ней подробнѣе. Карела-разносчика можно встрѣтить и на Онегѣ, и въ Новгородской губерніи, и въ Эстляндіи, но большинство ходитъ съ сумками по сосѣдней Финляндіи. Въ южной половинѣ Кареліи вы рѣдко встрѣтите мужчину, который хотя разъ въ своей жизни не попробовалъ бы торговать. Охотнѣе у разносчиковъ раскупаются женскіе наряды, которые, не будучи тяжелы, въ то же время довольно цѣнны, что даетъ возможность помѣщать въ сумку товаровъ на сумму отъ 100 до 250 рублей, а вѣсомъ она иногда бываетъ до 3 пудовъ. Больше всего идутъ легкіе шерстяные и шелковые платки, кашемиръ, канифасъ, ленты, перстни, браслеты и пр.

Разносчикъ, у котораго дѣла идутъ хорошо, часто имѣетъ отъ себя 3—5 приказчиковъ, такъ что у нѣкоторыхъ хозяевъ оборотъ по разносной торговлѣ простирается до 8 тысячъ рублей въ годъ.

Разносчики-приказчики получаютъ жалованья въ годъ 100—200 рублей на хозяйскомъ содержаніи. Разносчикъ-одиночка продаетъ товару въ годъ на 500—1000 рублей и получаетъ чистой прибыли 10—20 %, кромѣ расхода на свое содержаніе. Общій годовой доходъ разносчика-собственника, имѣющаго 3—6 приказчиковъ, простирается отъ 500 до 1500 рублей. Иногда хозяева соединяются вмѣстѣ и ведутъ торговлю на артельныхъ началахъ. Въ многолюдныхъ семьяхъ одинъ мужчина обыкновенно остается дома для завѣдыванія несложнымъ сельскимъ хозяйствомъ, а другой — часто даже по нѣсколько человѣкъ изъ одного дома — идетъ торговать. Нерѣдко одинокій хозяинъ оставляетъ у себя дома работника, а самъ почти круглый годъ ходитъ съ сумкою, возвращаясь домой только на лѣтнія полевыя работы.

Многіе изъ кареловъ, начавъ торговлю съ сумки, пріобрѣли значительное состояніе и устроили магазины въ Петроградѣ и многихъ

городахъ Финляндіи. Изъ нихъ въ Петроградѣ болѣе значительны фирмы: Кеймова, Самойлова и Богданова, а въ Финляндіи: Попова (Куопіо), Пименова (Рихимяки), Гёттоева (Іоенсу) и много другихъ. Недавно прекратила свое существованіе фирма милліонера Минина изъ кареловъ, который, умирая, пожертвовалъ болѣе ста тысячъ рублей на благотворительныя учрежденія для своего родного края: 25 тысячъ было назначено для осушенія озера Кимасъ, съ цѣлью образованія сѣнокосныхъ угодій для крестьянъ, но, къ сожалѣнію, этотъ каналъ не былъ оконченъ; 29 тысячъ роздано бѣднымъ кареламъ въ теченіе 5 лѣтъ; затѣмъ нѣсколько тысячъ завѣщано на ремонтъ церкви на родинѣ Минина и на проложеніе дороги въ с. Реболы. На Мининскіе капиталы, между прочимъ, основано извѣстное даже далеко за предѣлами Кареліи Мининское училище, которое подробно будетъ описано ниже.

Закономъ 31-го марта 1879 года разносная торговля въ Финляндіи запрещена, и въ первое время по выходѣ этого закона, разносчики подвергались преслѣдованію со стороны финскихъ властей, но разносной торговли финны искоренить не могли. Крестьяне сочувственно относятся къ разносчикамъ, такъ какъ въ финскихъ деревняхъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой, не вездѣ имѣются свои торговцы. Кромѣ того, разносчики продаютъ товары значительно дешевле, чѣмъ мѣстные купцы. Преслѣдованіе разносчиковъ потомъ было оставлено, разносная торговля въ Финляндіи развилась очень сильно и донынѣ служитъ для кареловъ однимъ изъ отхожихъ промысловъ.

Карелія, какъ выше было сказано, покрыта множествомъ озеръ, изъ которыхъ берутъ начало всѣ главныя рѣки, впадающія въ Бѣлое море. Нѣкоторыя изъ рѣкъ представляютъ сплошную цѣпь озеръ, изъ которыхъ самыми большими считаются: Куйто-озеро, Топозеро — длиною 80 вер., шириною отъ 3 до 18 вер., Пявозеро — длиною 60 вер., шириною до 40 вер., Нёккозеро — длиною 40 вер. и шириною отъ 2 до 5 вер. Глубина нѣкоторыхъ озеръ простирается до 50 саж.[1])

Въ олонецкой же Кареліи кромѣ Ладожскаго и Онежскаго озеръ, извѣстны: Сегозеро, Выгозеро, Паросъ-озеро, Ругозеро и мн. др.

Обиліе рѣкъ и озеръ является для Кареліи великимъ благодѣяніемъ, такъ какъ въ нихъ ловится множество разнообразной рыбы. Даже у самаго захудалаго крестьянина рыба имѣется за столомъ почти круглый годъ и, кромѣ того, много продается въ Финляндію и Россію.

[1]) А. П. Энгельгардтъ. «Русскій Сѣверъ».

Здѣсь ловятся: семга, лосось, форель, харіусъ, сигъ, ряпушка, щука, окунь, язь, лещъ, налимъ, плотва и др.

Семга (Salmo Salar) добывается въ низовьяхъ р. Кеми. Вверхъ по теченію она поднимается не далѣе 80 верстъ, до с. Панозера, но больше всего ловится въ устьѣ этой рѣки и на Подужемскихъ порогахъ. Какъ только спадетъ весенняя вода, семга съ моря начинаетъ подниматься вверхъ по рѣкѣ для икрометанія и скопляется въ порогахъ, гдѣ ее задерживаетъ быстрота теченія и каменные уступы русла рѣки.

Ловля семги въ Подужемскомъ порогѣ (въ 17 вер. отъ г. Кеми).

Замѣчательна сила этой рыбы: встрѣтивъ каменный утесъ, заграждающій ей путь, она, несмотря на свой довольно солидный вѣсъ, достигающій 45 фун., выскакиваетъ на нѣсколько футовъ надъ поверхностью воды и дѣлаетъ прыжки длиною болѣе сажени, выбрасываясь иногда даже на берегъ и, такимъ образомъ, обходя высокіе каменные уступы.

Въ одномъ изъ рукавовъ водопада Ужмы устраивается заборъ изъ досокъ и кольевъ съ нѣсколькими воротами въ срединѣ, въ которыхъ ставятся мережи. Мережа или *мерда* состоитъ изъ двухъ деревянныхъ рамъ, скрѣпленныхъ между собою толстыми прутьями, на которые натянута сѣть изъ прочныхъ тонкихъ веревокъ; съ виду *мерда*

похожа на звѣриную клѣтку, длиною 5 арш., шириною 2 $^1/_2$ арш. и глубиною около 3 арш. Спускается и поднимается эта громадная ловушка посредствомъ ворота, устроеннаго надъ заборомъ на особыхъ подмосткахъ.

Семга ловится все лѣто, начиная съ половины іюня, но главный ходъ ея бываетъ въ августѣ и сентябрѣ вплоть до замерзанія рѣкъ. Случается, что въ одну мережу иногда семги попадаетъ до 20 пуд. заразъ, а всего этимъ способомъ въ Ужмѣ ежегодно вылавливается отъ 300 до 600 пудовъ.

Владѣтелями Ужмы являются крестьяне с. Подужемья, расположеннаго близъ водопада, въ 17 верстахъ отъ г. Кеми. Раньше заборъ для ловли семги былъ общественный, но въ послѣднее время порогъ

Заборъ и ловушка семги въ Подужемскомъ порогѣ.

сдается въ аренду за 1200 руб. въ годъ; арендаторы — мѣстный священникъ, затѣмъ одинъ изъ служащихъ на кемскомъ лѣсопильномъ заводѣ и нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ.

Ниже Ужмы семга ловится широкоячейными сѣтями (по-карельски гарва) и поѣздами. Поѣздъ — мѣшкообразная сѣть, длиною и шириною 2 саж., а глубиною около 1 $^1/_2$ саж.; эту сѣть тянутъ на длинныхъ веревкахъ между двумя лодками, идущими параллельно на разстояніи 4—6 саж. одна отъ другой, и семга попадаетъ на ходу. Поѣздъ и гарва окрашиваются подъ цвѣтъ дна ольховою корою въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Этими снастями рыбу ловятъ преимущественно осенью, при чемъ на каждую пару лодокъ съ четырьмя ловцами приходится отъ 20 до 40 пуд., что, при средней стоимости по 10 руб. за пудъ, даетъ 50—100 руб. на человѣка. Цѣна семги на мѣстѣ лѣтомъ 5—8 руб., а осенью отъ 12 до 20 руб. за пудъ; рыбу скупаютъ

въ свѣжемъ видѣ кемскіе рыботорговцы, солятъ и отправляютъ въ Петроградъ.

Пройдя пороги, семга измѣняетъ свой видъ, дѣлается тощею, менѣе жирною и теряетъ чешую. Такая семга по-мѣстному называется »вальчакъ»; по вкусу она значительно уступаетъ настоящей семгѣ и цѣнится вдвое дешевле послѣдней.

Выше Панозера семга уже встрѣчается очень рѣдко. Жители этого села разсказываютъ, что въ прежнее время у нихъ семги ловилось гораздо больше, но въ настоящее время рыбѣ не даютъ подняться

Уженье харіуса и лосося на р. Оулангѣ, впадающей въ Пявозеро Кем. у.

въ Ужмѣ, вылавливая ее мережами. Панозеры уже неоднократно жаловались начальству на арендаторовъ Ужмы, обвиняя ихъ въ томъ, что они незаконно загораживаютъ заборами главные проходы рыбы, но до сихъ поръ не получали никакого удовлетворенія.

Теперь скажу о прѣсноводныхъ разновидностяхъ этой дорогой рыбы.

Лосось (Trutta salar), по-карельски *лохи*, отличается отъ семги тѣмъ, что имѣетъ болѣе удлиненное туловище, не такъ жиренъ, нѣсколько блѣднѣе семги, но мало уступаетъ послѣдней по вкусу; вѣсомъ бываетъ до 15 фун. Лосось въ изобиліи водится во всѣхъ рѣкахъ и

озерахъ бассейна р. Кеми, гдѣ онъ мечетъ икру и живетъ круглый годъ. Ловится сѣтями и мережами, главнымъ образомъ, въ порогахъ, по которымъ весною, вскорѣ по спадѣ воды, и осенью, начиная съ половины августа, онъ поднимается вверхъ по теченію. Лосось — рыба хищная, поэтому съ успѣхомъ ловится на крючки, наживляемые ряпушкой, на искусственную муху и блесну.

Куя — разновидность лосося, водится въ озерѣ Куйто. Мясо этой рыбы бѣлѣе лосося и уступаетъ послѣднему по вкусу. Ловится тѣми же способами, какъ и лосось.

Форель (Salmo fario), по-карельски *кумжа*, встрѣчается въ небольшомъ количествѣ во всѣхъ порогахъ Кеми; вѣсомъ бываетъ до 8 фунтовъ.

Во многихъ озерахъ олонецкой Кареліи ловится еще особый видъ лосося, *палья*, которая цѣнится немного ниже семги.

Харіусъ (Thymallus vulgaris). Эта бойкая и вкусная рыба водится въ каждой порожистой рѣчкѣ Кареліи. Ловится сѣтями, неводомъ и крючками на искусственную муху, а осенью въ темныя ночи за этой рыбой ѣздятъ съ огнемъ и колютъ ее острогою; вѣсомъ бываетъ до 4 фунтовъ.

Харіусъ — рыба насѣкомоядная и питается преимущественно тѣми насѣкомыми, которыя попадаютъ на поверхность воды; поэтому успѣхъ лова всегда можно опредѣлить заранѣе: если харіусъ плещется въ порогѣ, хватая насѣкомыхъ, значитъ, можно надѣяться на удачу. Въ нѣкоторыхъ порогахъ эта рыба собирается въ такомъ большомъ количествѣ, что въ нѣсколько часовъ можно изловить на удочку отъ 2 до 5 пудовъ.

Уженье обыкновенно производится изъ лодки и въ такомъ случаѣ непремѣнно вдвоемъ. Одинъ садится у кормы лодки и управляетъ 2—3 удочками, снабженными искусственными насѣкомыми, а другой усиленно гребетъ веслами, чтобы мушки съ крючками постоянно держались на поверхности, бороздя воду и представляя плывущее насѣкомое. Этотъ способъ уженья самый добычливый, но небезопасный, такъ какъ при неосторожности лодку можетъ утащить въ порогъ, а тогда послѣдствія могутъ быть весьма печальны.

Сигъ рѣчной (Coregonus lavaretus) водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ Кареліи; вѣсомъ достигаетъ 6 фунтовъ; цѣна его на мѣстѣ 2—4 руб. за пудъ. Зимою много этой рыбы въ замороженномъ видѣ отправляется на ярмарку въ Шуньгу, откуда сиги идутъ въ Петроградъ.

Ряпушка (Coregonus albula) — это самая распространенная рыба въ Кареліи. Она ловится въ огромномъ количествѣ во всѣхъ озерахъ этого края и составляетъ главную пищу карела; много ряпушки въ соленомъ видѣ сбывается также въ Финляндію. Ловится больше осенью во время икрометанія неводомъ и мелкоячейными сѣтями. Ряпушковая икра довольно крупна, вкусна и хорошо консервируется соленіемъ; она обыкновенно смѣшивается съ сиговою икрою, скупается

Порогъ Точильный (Tahkokoski) на р. Чирка-Кемь. Уженье харіуса съ берега.

на мѣстѣ по 5—7 руб. за пудъ и цѣлыми возами отправляется въ Петроградъ.

Щука (Esox lucius) тоже въ большомъ количествѣ ловится повсемѣстно, главнымъ образомъ весною во время нереста; впрокъ заготовляется соленіемъ, сушкою въ печи и вяленіемъ на солнцѣ.

Въ продажу больше идетъ вяленая щука; она на мѣстѣ скупается по 2 ½—4 руб. за пудъ и имѣетъ хорошій сбытъ въ Финляндію, гдѣ за нее платятъ по 1—1 ½ фин. марки за килограммъ.

Язь, лещъ, налимъ, плотва тоже добываются въ значительномъ количествѣ, но эта рыба больше идетъ для мѣстнаго потребленія,

такъ какъ ловится преимущественно весною и лѣтомъ, когда невозможно сбыть ея за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія, а консервировать ее карелы не умѣютъ.

Ловля рыбы неводомъ самая добычливая, но хорошій неводъ, стоящій около ста рублей, не всякій крестьянинъ можетъ завести; поэтому нѣкоторые рыболовы устраиваютъ неводъ сообща. Средній годовой уловъ рыбы на каждаго хозяина, имѣющаго всѣ необходимыя рыболовныя принадлежности, простирается отъ 60 до 120 пудовъ, что

Помѣщеніе для храненія битой птицы въ лѣсу.

даетъ заработокъ 50—100 рублей на семью, кромѣ заготовленія рыбы для собственнаго продовольствія.

Охота на птицъ и звѣрей тоже даетъ кареламъ значительный заработокъ. Почти каждый карелъ — охотникъ имѣетъ свое ружье, но большая часть дичи добывается силками. У каждаго промышленника въ лѣсу есть своя тропа (путикъ), по которой онъ ежегодно, начиная съ первыхъ чиселъ сентября, ставитъ свои ловушки, и этотъ »путикъ« переходитъ изъ рода въ родъ, такъ что постановка силковъ на чужой тропѣ считается посягательствомъ на чужую собственность и ни въ какомъ случаѣ не допускается.

Честность карела проявляется и на охотѣ: увидавъ птицу, попавшую въ силокъ своего сосѣда по промыслу, карелъ не только не воспользуется ею, хотя въ глухомъ лѣсу скрыть кражу очень легко, но, вынувъ добычу изъ ловушки, повѣситъ ее подъ дерево, чтобы она не досталась хищникамъ.

Предметомъ охоты изъ птицъ служитъ глухарь, тетеревъ, рябчикъ и бѣлая куропатка, а изъ звѣрей добываютъ: оленей, лосей, медвѣдей, бѣлокъ, куницъ и выдръ. Закономъ 3-го февр. 1892 года добыча птицы ловушками запрещена, но благодаря трудности надзора за промышленниками въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, еще и теперь большая

Старая курная карельская изба.
Такія избы въ настоящее время строятся только на охотѣ или на рыбной ловлѣ.

часть дичи добывается силками. При ловлѣ этимъ способомъ значительная часть дичи пропадаетъ безъ пользы, такъ какъ много птицы съѣдаютъ лисицы, медвѣди, коршуны и другіе хищники.

Оленей и лосей карелы стрѣляютъ больше въ концѣ зимы по глубокому снѣгу, когда на немъ образуется *настъ* — тонкая ледяная кора, которая рѣжетъ ноги звѣря, но хорошо держитъ охотника на лыжахъ.

Отыскавъ стадо лосей или оленей и сдѣлавъ по нимъ первый выстрѣлъ съ подхода, промышленникъ сбрасываетъ съ себя верхнюю одежду и въ одной фуфайкѣ гонится за убѣгающими звѣрями. Ка-

релъ искусный стрѣлокъ и лыжебѣжецъ: онъ безстрашно спускается на лыжахъ съ высокихъ горъ, лавируя между деревьями, и догоняетъ по насту даже быстраго оленя.

Старожилы разсказываютъ, что прежде дичи водилось гораздо больше, но, благодаря уменьшенію площади лѣсовъ и слишкомъ истребительнымъ способамъ охоты, звѣрей и птицъ стало гораздо меньше. Еще и теперь многіе промышленники охотятся съ тяжелыми кремневыми винтовками, имѣющими примитивный наружный замокъ и самодѣльную ложу, но въ послѣднее время для охоты на звѣря здѣсь стали распространяться исключенныя изъ употребленія въ арміи винтовки системы Крынка и Бердана.

Осенняя охота, продолжающаяся обыкновенно два мѣсяца — сентябрь и октябрь — даетъ въ среднемъ 40—50 рублей на каждаго промышленника, но не мало и такихъ охотниковъ, которые добываютъ дичи на сто рублей и болѣе.

Рыба, птица и шкуры звѣрей продаются мѣстнымъ скупщикамъ, которые отправляютъ этотъ товаръ въ с. Шуньгу, Повѣнецкаго уѣзда, или Финляндію, куда каждый карельскій торговецъ ѣздитъ по нѣскольку разъ въ зиму.

Когда выпадетъ глубокій снѣгъ и установится санный путь, карелъ занимается вывозкою бревенъ для лѣсопромышленниковъ; у кого нѣтъ своей лошади, тотъ идетъ въ рубщики. Рубщикъ получаетъ отъ 1 $^{1}/_{2}$ до 3 руб. въ недѣлю на хозяйскомъ содержаніи. Бревна сваливаются на берегу рѣки или озера, откуда съ наступленіемъ навигаціи сплавляютъ ихъ въ Кемь или с. Сороку, гдѣ имѣются лѣсопильные заводы.

Вывозка продолжается до 15-го марта. Въ срединѣ зимы, когда дни бываютъ короткіе, заработки незначительны, но, начиная съ февраля, возчикъ съ лошадью получаетъ отъ 2 до 5 руб. въ день, что за покрытіемъ расходовъ на содержаніе себя съ лошадью и плату рубщику даетъ чистой прибыли за трудъ отъ 80 коп. до 2 рублей. Въ среднемъ на каждаго работника съ лошадью въ теченіе зимы приходится по 40—50 руб., а нѣкоторые зарабатываютъ по 80 руб. и болѣе. Въ лучшихъ условіяхъ находятся крестьяне ближайшихъ деревень, которымъ не приходится покупать ни хлѣба, ни корма для лошади, такъ какъ эти продукты лѣсопромышленниками продаются очень дорого: пудъ муки стоитъ не дешевле 1 $^{1}/_{2}$ руб., овсянка и просо 6 коп. фунтъ, пудъ сѣна 30—40 коп., солома 20 коп. пудъ.

Весною многіе изъ кареловъ нанимаются въ бурлаки на сплавъ

Лагерь на сплавѣ лѣса по р. Кеми. Постройка »харчевой» на плоту.

лѣса. Такимъ образомъ, здѣсь для крестьянъ круглый годъ имѣются мѣстные заработки, и сидѣть безъ работы никому не приходится.

Ремесленниковъ-спеціалистовъ въ Кареліи очень мало, такъ какъ почти каждый крестьянинъ умѣетъ сдѣлать и лодку, и ушатъ для воды, и бочку для рыбы, можетъ изготовить простую мебель и предметы домашней утвари; богатые же крестьяне мебель и утварь привозятъ изъ Петрограда и Финляндіи.

VI.

Кимасъ-озеро.

Изъ Вокнаволока я тѣмъ же путемъ возвратился въ Лувозеро, а оттуда на лодкѣ отправился въ Кимасъ-озеро. Я подробнѣе остановлюсь на описаніи этого селенія, такъ какъ оно среди карельскихъ поселковъ выдѣляется характерными бытовыми и историческими особенностями.

Деревня расположена по берегамъ и островамъ озера Кимасъ, которое здѣсь служитъ границею между двумя сосѣдними губерніями, такъ что на одномъ берегу озера около 50 дворовъ принадлежатъ крестьянамъ Олонецкой губерніи, а на противоположномъ берегу уже деревня Архангельской губерніи. Это глухое селеніе находится въ 230 вер. отъ уѣзднаго города Кеми и даже въ 70 вер. отъ мѣстнаго волостного правленія. Зимою изъ города можно проѣхать сюда съ большимъ трудомъ, пробираясь въ узкихъ карельскихъ саняхъ по гористымъ и ухабистымъ дорогамъ, а лѣтомъ — пѣшкомъ, верхомъ на лошади или на лодкѣ. Поэтому рѣдко кого изъ интеллигенціи занесетъ въ этотъ заброшенный уголъ. Развѣ проѣздомъ побываетъ на нѣсколько часовъ противосектантскій миссіонеръ, лѣсничій или членъ повѣнецкой земской управы для ревизіи хлѣбнаго запаса. Даже такіе «герры»[1]), какъ волостной старшина или урядникъ, бываютъ здѣсь не болѣе 3—4 разъ въ году.

И вотъ, на долю этой деревушки выпало такое счастіе, которому могли бы позавидовать не только большія села, но и многіе русскіе города. Нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни, на высокомъ берегу

[1]) Герра — по-карельски — господинъ, чиновникъ.

озера, стоитъ громадное двухъэтажное зданіе. Этотъ домъ, бѣлый, какъ снѣгъ, съ красною крышею, ярко выдѣляясь на сѣромъ фонѣ крестьянскихъ построекъ и тѣснымъ кольцомъ охватывающаго селеніе хвойнаго лѣса, еще издали бросается въ глаза рѣдкому проѣзжему и заставляетъ обратить на себя вниманіе. Это знаменитое Мининское училище.

Училище основано въ 1882 году на средства мѣстнаго крестьянина-карела М. Т. Минина, который впослѣдствіи былъ купцомъ въ въ Петроградѣ и, умирая, по духовному завѣщанію, оставилъ 50

Церковь въ с. Кимасъ-озеро (Kiimasjarvi) Повѣн. у., Ругозер. в.

тысячъ рублей на устройство училища въ своей родной деревнѣ. Изъ этой суммы 5 тысячъ было назначено на постройку училищнаго дома, а остальныя 45 тысячъ находятся въ депозитахъ Государственнаго Банка. Постройка училища обошлась въ 15 тысячъ, изъ коихъ 10 тысячъ были взяты уже изъ процентовъ съ капитала. На проценты съ этого же капитала и содержится Мининское училище, которое по своему устройству можно назвать образцовымъ.

При училищѣ имѣются сапожная мастерская, интернатъ и ночлежный пріютъ для дѣтей. Въ верхнемъ этажѣ помѣщаются классы, би-

бліотека и квартира помощника учителя; въ нижнемъ — комнаты для дѣтей, особыя для мальчиковъ и дѣвочекъ, живущихъ въ интернатѣ, для ночлега учениковъ изъ отдаленныхъ деревень и квартира завѣдывающаго училищемъ. Классныя комнаты и всѣ жилыя помѣщенія просторны, теплы, свѣтлы и вообще удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ гигіены.

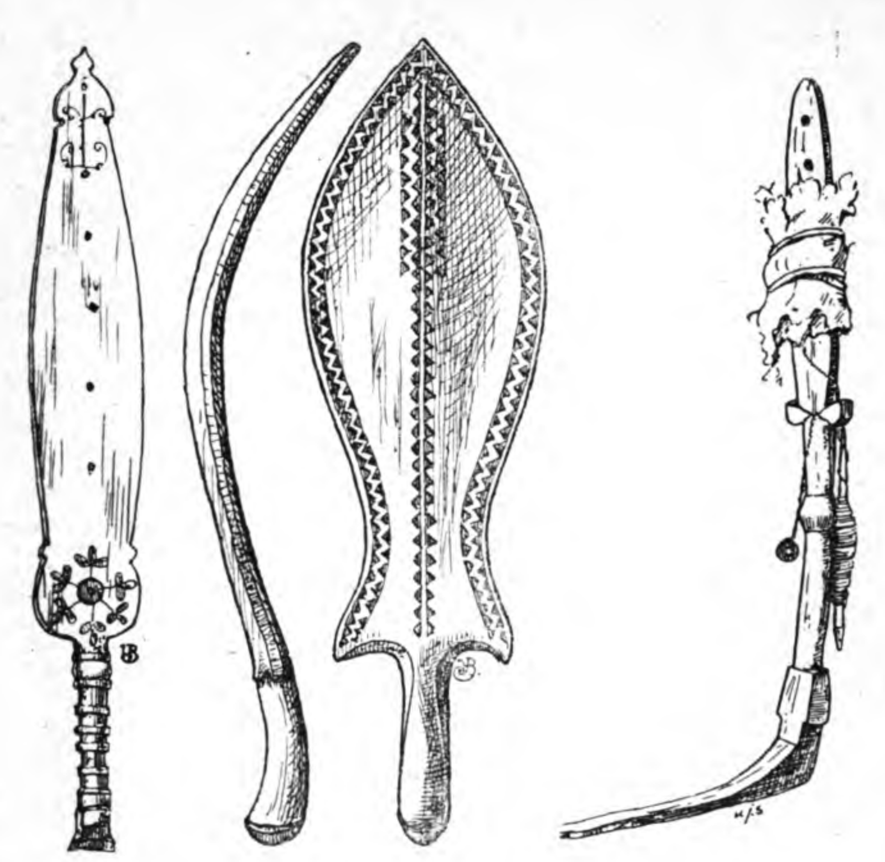
Для классовъ отведены двѣ комнаты, изъ которыхъ каждая длиною 17 арш., шириною 8 $^1/_2$ арш. и вышиною 4 $^1/_2$ арш., такъ что на каждаго ученика приходится около 27 куб. арш. воздуха.

Домъ Дм. Ив. Антропова въ дер. Кимасъ-озеро (1899 г.).

Сапожная мастерская съ квартирою для руководителя ремесленнаго класса помѣщается въ особомъ флигелѣ. Кромѣ того, имѣется хорошая баня, амбаръ для коровы. Въ пользованіе училища отведено 1 $^1/_2$ десятины пахотной земли, такъ что училище со службами представляетъ какъ бы маленькую деревню.

Учебныя пособія, классныя принадлежности и училищная библіотека обставлены очень хорошо. Для учительской библіотеки выписываются журналы: »Русская Школа», »Русскій Начальный Учитель», а для ученической въ разное время выписывались: »Чтеніе для народа», »Дѣтское Чтеніе», »Дѣтскій Отдыхъ», »Игрушечка» и »Читальня народ-

Палки съ рѣзьбою для катанья бѣлья. Прялка.

Карельскія украшенія.

ной школы». Изъ ученической библіотеки, кромѣ учениковъ, берутъ книги для чтенія и грамотные крестьяне.

Каждый годъ на святкахъ устраивается въ училищѣ для дѣтей «елка», на которой, кромѣ учениковъ, бываетъ много и взрослыхъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень. Елка — единственное развлеченіе для здѣшняго захолустья, и ее пріѣзжаютъ смотрѣть изъ деревень за 20 и 30 вер. отъ училища. Школьный праздникъ обыкновенно состоитъ изъ пѣнія пѣсенъ и чтенія басенъ и стихотвореній, при чемъ главное участіе принимаютъ учащіеся.

На принадлежащей училищу землѣ учителемъ устроенъ образцовый огородъ и небольшое поле, а остальная часть находится подъ лугомъ. Обработка земли производится наемнымъ трудомъ, но въ при-

готовленіи грядъ въ огородѣ и посадкѣ овощей принимаютъ участіе и ученики подъ руководствомъ учителя. Въ 1896 г. уродилось: 8 п. ржи, 140 п. картофеля, 1 пудъ луку, 1 $^{1}/_{2}$ сотни огурцовъ въ парникѣ и довольно порядочное количество моркови, рѣпы, рѣдиски и проч.

Мининское училище — одноклассное. Курсъ ученія четырехлѣтній. Преподавателей четверо: два учителя, законоучитель (священникъ) и руководитель сапожнаго мастерства. Изъ процентовъ съ мининскаго капитала до конверсіи 1894 г. на содержаніе училища ежегодно отпускалось по штатамъ 2115 рублей. Изъ нихъ 550 руб. на жалованье учителю, 150 р. законоучителю, на содержаніе ремесленнаго класса 250 руб.; на продовольствіе и одежду интернамъ 825 руб.; остальное — на учебныя пособія и хозяйственныя надобности. Помощникъ учителя, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ и казеннымъ освѣщеніемъ, получаетъ 400 р. въ годъ, и деньги на жалованье ему идутъ отъ казны изъ спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія.

Если принять во вниманіе, что Мининское училище въ прежнее время было единственнымъ изъ благоустроенныхъ министерскихъ училищъ на всю Карелію кемскаго уѣзда, то значеніе его для мѣстнаго населенія, само собой, будетъ понятно Не одна сотня карельскихъ дѣтей, которыя до поступленія въ школу не знали ни одного русскаго слова, научились здѣсь говорить порусски и стали грамотными; многія изъ нихъ, окончивъ курсъ, получили свидѣтельства на льготу по воинской повинности, научились шить крестьянскую обувь, по выходѣ изъ училища обзавелись нехитрыми сапожными инструментами и теперь обшиваютъ всю семью.

Карелы чуть ли не болѣе русскихъ крестьянъ сознаютъ пользу грамотности и всѣми силами стараются посылать дѣтей въ школу. Учащихся въ Мининскомъ училищѣ бываетъ 45—55, изъ нихъ 25—30 % дѣвочки, но и эта цифра при рѣдкости населенія и отсутствія другихъ благоустроенныхъ училищъ значительна. Она включаетъ почти всѣхъ дѣтей школьнаго возраста изъ окрестныхъ деревень, отстоящихъ отъ училища на 5 вер. въ окружности. Но бывали учащіеся за 25, 40, 80 и даже за 150 верстъ отъ училища. Въ интернатѣ живутъ отъ 18 до 26 дѣтей, изъ коихъ бѣднѣйшія пользуются полнымъ содержаніемъ, а остальныя — только квартирою. Во время сильныхъ зимнихъ холодовъ, а также въ осеннюю и весеннюю распутицу, когда трудно переправляться черезъ озеро, въ ночлежномъ пріютѣ живутъ по нѣскольку недѣль до 30 дѣтей. Нѣкоторые уче-

ники изъ отдаленныхъ деревень помѣщаются на квартирахъ у мѣстныхъ крестьянъ.

Многимъ дѣтямъ приходится посѣщать училище иногда при крайне неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ: терпѣть недостатокъ въ теплой одеждѣ и обуви, скудость въ пищѣ; сюда же присоединяются неудобства путей сообщенія, особенно трудность переправы черезъ озеро. Но дѣти съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносятъ всѣ эти невзгоды, бодро и весело идутъ въ училище и усердно занимаются обученіемъ.

Часто можно наблюдать такую картину. Глубокая осень. На улицѣ холодъ и слякоть; въ воздухѣ мгла непроглядная. Особенно въ такую погоду непріятно быть на озерѣ. И вотъ черезъ озеро, по направленію къ училищу, идетъ лодка, въ которой помѣщается 10—15 дѣтей. На кормѣ сидитъ мальчуганъ лѣтъ 11—12, — взрослымъ провожать дѣтей въ школу недосугъ — и смѣло управляетъ двумя кормовыми веслами, служащими на карельскихъ лодкахъ вмѣсто руля; 4—6 ребятъ усиленно гребутъ веслами, а остальные прикурнули, кто гдѣ попало. Надо еще замѣтить, что въ карельскихъ лодкахъ никогда не бываетъ скамеекъ для сидѣнья, такъ что приходится садиться на мокрое дно или на бортъ. Лодку сильно подбрасываетъ волнами; вся она обледенѣла . . . Рѣзкій, сырой вѣтеръ пронизываетъ до костей. Холодный мокрый снѣгъ непріятно щекочетъ лицо, забирается въ рукава и за воротъ одежды. Согрѣться могутъ только тѣ, которые гребутъ. Кромѣ холода, нужно еще бороться съ волнами, и десятилѣтнимъ гребцамъ приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы поскорѣе добраться до желаннаго берега . . . Но вотъ лодка подплываетъ къ

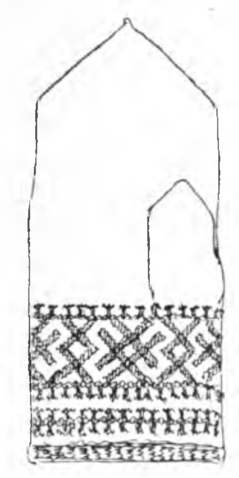
Карельскія украшенія. Окно съ рѣзными наличниками. С. Реболы Олон. губ.

Карельскія украшенія.

училищной пристани; ребята бойко выскакиваютъ на берегъ, отряхиваютъ съ одежды примерзшій снѣгъ и, ежась и подпрыгивая отъ холода, бѣгутъ въ училище.

Въ русскихъ школахъ часто жалуются на пропуски учениками уроковъ, но карельскія дѣти въ школу ходятъ очень аккуратно, и учитель ни разу не замѣчалъ въ ученикахъ и тѣни неудовольствія или ропота на трудности посѣщенія училища. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на картину, когда родители учащихся, большею частью женщины, цѣлыми артелями каждую субботу идутъ за 6—10 верстъ въ училище, неся на своихъ спинахъ недѣльный запасъ разной провизіи для своихъ дѣтей, живущихъ на квартирѣ въ училищѣ.

Карельскія украшенія. Рукавица съ вышитыми узорами.

Не легка жизнь народнаго учителя, особенно живущаго въ глуши среди инородцевъ. Полное одиночество, оторванность отъ общества, отсутствіе ободряющаго примѣра и нравственной поддержки извнѣ (кромѣ священника и учителя, нѣтъ ни одного русскаго человѣка) не могутъ благопріятно отразиться на душевномъ настроеніи учителя: не рѣдкимъ гостемъ является уныніе, тоска и апатія . . Но, когда видишь, какія жертвы приносятся учениками для того, чтобы воспользоваться крохами отъ великой трапезы знанія, всѣ личныя невзгоды забываются, самъ невольно заражаешься этой бодростью и съ новыми силами принимаешься за работу. Этимъ только и можно объяснить то самоотверженіе, съ

какимъ въ большинствѣ случаевъ работаютъ сельскіе учителя, заброшенные по глухимъ угламъ нашего обширнаго отечества.

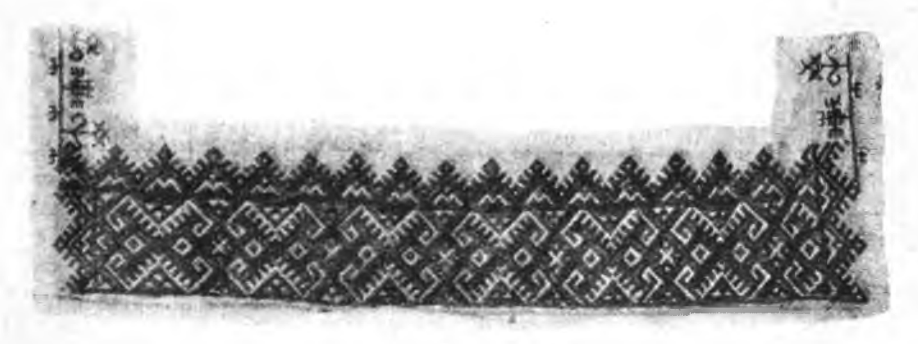
Замѣчательно, что главнымъ средствомъ, привлекающимъ карельскихъ дѣтей въ школу, является возможность научиться въ ней говорить по-русски. Въ каждомъ приходѣ Кемскаго уѣзда при церквахъ есть церковно-приходскія или миссіонерскія школы, но онѣ обставлены очень бѣдно: книгъ и учебныхъ пособій очень мало; обученіе въ нихъ до послѣдняго времени производилось по-карельски, а русскому языку дѣти почти не обучались. Ученики сидѣли въ школѣ иногда по 4 года, научались механически читать и писать подъ диктовку, но даже въ обыденной рѣчи не умѣли сносно объясняться по-русски. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть значительныхъ успѣховъ. Между тѣмъ, въ Мининскомъ училищѣ, благодаря хорошей постановкѣ учебнаго дѣла, карельскіе мальчики черезъ 4 года обученія успѣшно оканчивали курсъ одноклассннаго сельскаго училища и выдерживали экзаменъ по общей программѣ для русскихъ народныхъ школъ. Это обстоятельство и заставляло дѣтей зажиточныхъ родителей ѣхать за десятки верстъ въ Мининское училище.

Въ настоящее время [1]) въ Кемскомъ уѣздѣ имѣется 38 училищъ, изъ коихъ 16 министерскихъ и 22 церковныхъ. Съ назначеніемъ епархіальнымъ наблюдателемъ протоіерея о. С—ова школьное дѣло въ Кареліи значительно подвинулось впередъ: увеличены средства на учебныя пособія и хозяйственныя надобности, изысканы средства на постройку особыхъ училищныхъ помѣщеній, улучшено матеріальное положеніе учителей. Не лишнимъ будетъ упомянуть, что Архангельская губ. представляетъ рѣдкій примѣръ полнаго единодушія различныхъ вѣдомствъ въ учебномъ дѣлѣ: здѣсь нѣтъ никакого антагонизма между церковной и свѣтской школой, и первая открыто учится у второй; вотъ уже въ третій разъ лѣтомъ устраиваются въ Архангельскѣ курсы для учителей и учительницъ церковныхъ школъ, и руководителями на нихъ избираются учителя министерскихъ училищъ.

Въ отношеніи народнаго образованія въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится олонецкая Карелія, благодаря дѣятельности мѣстнаго земства. Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ въ 1896 г. было 54 училища, а въ настоящее время ихъ значительно больше, такъ какъ каждый годъ тамъ основываются новыя школы. При всѣхъ земскихъ и при 8 церковныхъ школахъ ведутся чтенія съ туманными картинами. Такъ

[1]) Это было въ 1900 г.

какъ не каждое училище имѣетъ возможность пріобрѣсти свой волшебный фонарь, то устроены такъ-называемыя »подвижныя народныя чтенія«. Фонарь вмѣстѣ съ книгами и картинами въ теченіе извѣстнаго времени находится въ одномъ училищѣ и затѣмъ пересылается въ другое. Благодаря этому, при небольшихъ затратахъ на устройство чтеній, ими можетъ пользоваться значительная часть жителей разныхъ мѣстностей. При большинствѣ училищъ устроены ночлежные пріюты и столовыя для бѣдныхъ дѣтей, что даетъ возможность обучаться въ школѣ дѣтямъ изъ отдаленныхъ деревень. На этотъ предметъ повѣнецкое уѣздное земство ассигнуетъ ежегодно 3 тысячи рублей. [1])

Карельскія украшенія.

Нѣсколько словъ объ исторіи карельскаго племени.

Старожилы разсказываютъ, что въ прежнее время Кимасъ-озеро было большимъ и богатымъ селомъ. Здѣсь былъ таможенный постъ и стояли казенные запасные магазины съ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и солью. Хлѣбъ раскупали крестьяне сосѣднихъ деревень, и значительная часть его шла даже въ Финляндію. Таможня упразднена около 1750 года, а спустя нѣкоторое время прекратили свою дѣятельность и хлѣбные магазины. Всѣ постройки переданы мѣстному церковному причту, и изъ нихъ до сихъ поръ уцѣлѣлъ домъ священника, перестроенный изъ хлѣбныхъ амбаровъ.

Кимасъ-озеро находится на пути изъ Финляндіи въ Поморье, [2]) поэтому это селеніе неоднократно было разоряемо финскими и шведскими войсками во время войнъ Россіи со Швеціей, что и было причиною экономическаго упадка и уменьшенія числа жителей этого села.

[1]) »Журналы повѣнецкаго уѣзднаго земскаго собранія сессій 1897 года«.

[2]) Такъ называется ю.-з. берегъ Бѣлаго моря.

Сюда нерѣдко также проникали шведскія разбойничьи шайки, которыя составлялись наподобіе новгородскихъ ушкуйниковъ и опустошали пограничныя русскія селенія, о чемъ въ Кареліи до сихъ поръ сохранилось много вещественныхъ памятниковъ и устныхъ преданій. На одномъ изъ холмовъ въ Кимасъ-озерѣ остались слѣды каменнаго укрѣпленія, а одинъ изъ старожиловъ этой деревни показывалъ мнѣ мѣсто военнаго кладбища, гдѣ по временамъ и нынѣ находятъ человѣческія кости.

Среди мѣстнаго населенія особенно памятенъ набѣгъ, по приблизительному разсчету относящійся къ концу XVI столѣтія, когда шведо-финны опустошили почти всю страну, которую занимали въ то время карелы. Въ одинъ изъ набѣговъ въ Кимасъ-озерѣ была сожжена деревянная церковь, въ которой были заперты — или сами заперлись отъ страха — и погибли въ пламени нѣсколько сотъ человѣкъ.

Дверной запоръ (kolkutinrauta).

Между прочимъ, существуетъ преданіе о карелѣ Рокаччу, какъ праведникѣ и народномъ благодѣтелѣ, который былъ очень богатъ и три раза откупалъ свою деревню отъ шведскихъ воинственныхъ шаекъ, но, наконецъ, самъ былъ убитъ, а имущество его разграблено. Въ народѣ есть повѣрье, что сохранившійся на могилѣ Рокаччу земляной курганъ увеличивается въ своемъ объемѣ, а самъ онъ, съ крестомъ въ рукахъ, многимъ является во снѣ и обѣщаетъ разныя милости, что будто бы нерѣдко сбывается. Поэтому духовныя власти хотѣли причислить Рокаччу къ лику святыхъ, но не могли узнать его христіанскаго имени. Разсказываютъ также, что въ р. Каменной, близъ дер. Лужмагубы, потопленъ большой церковный колоколъ, который былъ захваченъ шведами въ Нюхчѣ. [1]) Суевѣрная народная фантазія и тутъ сочинила повѣрье, что по временамъ въ этомъ мѣстѣ слышенъ колокольный звонъ.

Точныя историческія свѣдѣнія о Кареліи довольно скудны. Есть основанія предполагать, что карелы въ прежнія времена до X столѣ-

[1]) Посадъ на берегу Бѣлаго моря.

тія жили самостоятельно и занимали значительную часть сѣверо-западной Руси, а именно: нынѣшнюю Выборгскую губернію и большую часть губерній: Петроградской, Олонецкой, Архангельской и Куопіоской. Въ скандинавскихъ сагахъ эта страна называлась Коріоландіей. Христіанскую вѣру карелы приняли отъ русскихъ около XI столѣтія при Ярославѣ I и до сихъ поръ крѣпко держатся православія, за исключеніемъ кареловъ Выборгской и Куопіоской губ., большая часть которыхъ лютеране.

Курганъ на могилѣ легендарнаго карела Рокаччу.

Первый разъ упоминается о Кареліи въ половинѣ XII вѣка. Изъ этихъ извѣстій видно, что тогда уже Карелія входила въ составъ Новгородской волости.[1]) Новгородцы вмѣстѣ съ Карелою очень часто дѣлали набѣги на Емь, другое родственное кареламъ финское племя. Кажется, между этими двумя вѣтвями сѣверо-финскаго племени господствовала давняя непріязнь и вражда, и этимъ-то воспользовались

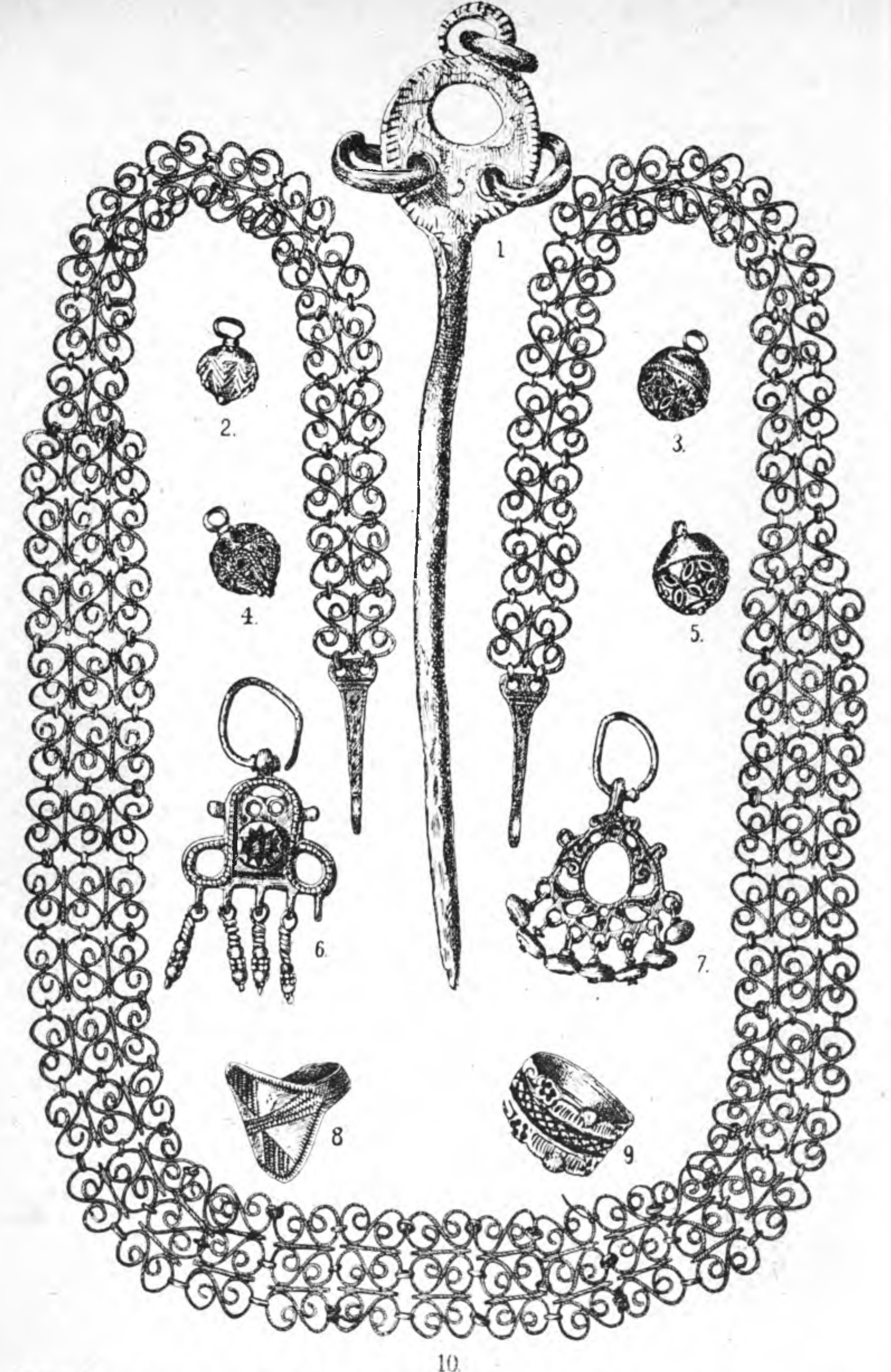
[1]) Н. Костомаровъ. »Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада«. Т. I, стр. 405.

новгородцы; карелы пристали къ Новгороду. [1]) Въ 1228 году, по случаю нашествія Еми, карелы содѣйствовали истребленію племенъ, нападавшихъ на новгородскіе предѣлы. Въ 1241 году карелы вмѣстѣ съ ижорянами въ новгородскомъ ополченіи воевали противъ нѣмцевъ. Въ 1253 году, по поводу войны съ нѣмцами, Карела творила зло нѣмецкимъ волостямъ. [2])

Въ первой половинѣ XIV вѣка часть Карелы покорена была шведами и, въ отличіе отъ оставшейся подъ владѣніемъ новгородскимъ, называлась Карелой нѣмецкой. Это раздвоеніе было пагубно для народа, потому что новгородцы смотрѣли на карелъ, подчиненныхъ шведамъ, какъ на своихъ враговъ; точно такъ же относились шведы къ той Карелѣ, которая осталась за Новгородомъ. Такимъ образомъ, народъ карельскій, разъединенный между шведами и новгородцами, подавалъ поводъ къ враждѣ тѣхъ и другихъ между собою и самъ не зналъ, куда ему пристать, — велъ междоусобную войну въ угоду сильнымъ чужеземцамъ, которые разорвали его на двѣ части и спорили за него, какъ за добычу. Такъ, въ 1338 г. карелы, по наущенію шведовъ, побили русскихъ, жившихъ въ Карелѣ, и убѣжали къ шведамъ въ шведскій карельскій городъ; потомъ шведы съ своею Карелою напали на Карелу обонежскую, находившуюся подъ властью Новгорода, а новгородцы съ своею Карелою воевали Карелу городецкую, принадлежавшую шведамъ и жившую около Выборга. [3]) Въ 1339 году новгородцы помирились со шведами, и новгородскіе послы заключили миръ по старымъ грамотамъ и положили, чтобъ шведы рубили и вѣшали у себя Карелу, перебѣгавшую къ нимъ изъ новгородскихъ предѣловъ а новгородцы тоже будутъ дѣлать съ бѣглецами изъ шведской Карелы, не исключая тѣхъ, которые крещены въ русскую вѣру. [4])

Впослѣдствіи, во время войнъ со Швеціею изъ-за преобладанія берегами Балтійскаго моря, пограничные карелы часто попадали въ плѣнъ къ русскимъ, и ихъ селили подальше отъ родины, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Новгородской и Тверской. Позднѣе, во время голодовокъ, сюда переселялись эмигранты изъ коренной Кареліи, почему и до сихъ поръ въ этихъ губерніяхъ сохранились большіе карельскіе поселки, которые какъ бы вкраплены среди сплошного русскаго населенія.

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem, стр. 406.
[3]) Ibidem, стран. 407.
[4]) Новг. Лѣт. 1. 79.

Древнія металлическія карельскія украшенія: 1) Шпилька для прикрѣпленія кудели къ прялкѣ; 2—5) пуговицы; 6 и 7) серьги; 8 и 9) перстни; 10) ожерелье.

Въ настоящее время Карелія занимаетъ всю западную половину Олонецкой губерніи и весь Кемскій уѣздъ Архангельской губерніи, за исключеніемъ русскихъ селеній, расположенныхъ по берегу Бѣлаго моря, часть Выборгской, Куопіоской и Улеаборгской губ. Съ наплывомъ русскихъ поселенцевъ на сѣверъ, карелы частью смѣшались съ русскими, частью отодвинулись въ предѣлы нынѣшней Кареліи и, въ свою очередь, отодвинули далѣе на сѣверъ лопарей, которые занимали прежде Кемскій уѣздъ, доказательствомъ чего служатъ донынѣ сохранившіеся слѣды лопарскихъ землянокъ, часто встрѣчающіеся въ лѣсахъ Кареліи. Что карелы къ старину жили далеко за предѣлами Кемскаго уѣзда, доказательствомъ тому служатъ многія карельскія слова, сохранившіяся въ лексиконѣ русскаго населенія

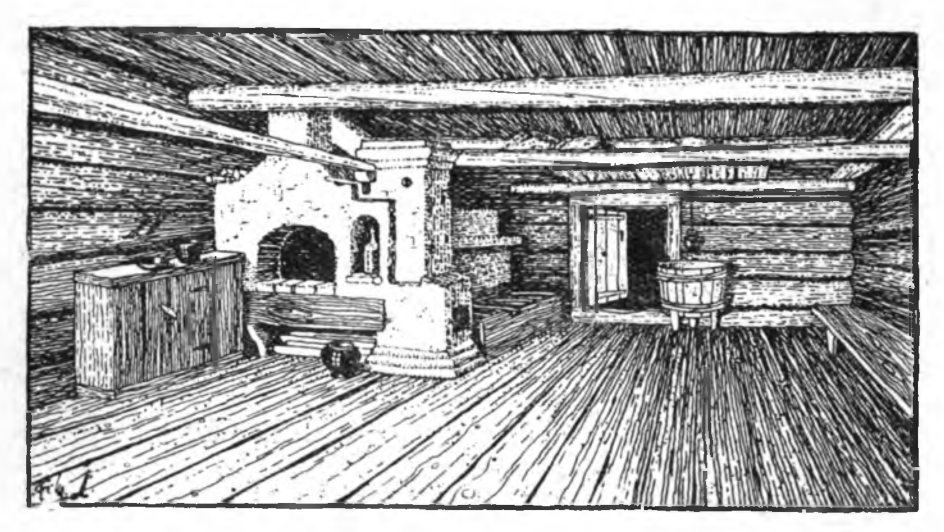
Видъ карельской избы въ Тверской губ. (постройки въ видѣ буквы Г.).

уѣздовъ Онежскаго, Архангельскаго и Холмогорскаго. Юго-западный берегъ Бѣлаго моря, населенный исключительно русскими, до сихъ поръ называется Карельскимъ берегомъ. При устьѣ С. Двины стоитъ карельскій Никольскій монастырь, изъ исторіи котораго видно, что онъ былъ основанъ въ 1410 году преп. Евфиміемъ среди кареловъ, жившихъ тогда по морскому побережью между русскими поселенцами и. по грамотамъ Соловецкаго монастыря, извѣстныхъ подъ названіемъ карельскихъ дѣтей. Въ 30 верстахъ отъ Архангельска есть деревня Карелы, а въ Холмогорскомъ уѣздѣ одно селеніе носитъ названіе *Вашкаранда*. Это чисто карельское слово и въ буквальномъ переводѣ по-русски означаетъ: *берегъ колдуна* (вашка — колдунъ, ранда — берегъ). Въ кемскомъ и онежскомъ Поморьѣ гора называется варага (по-карельски вуара), а вмѣсто *не понимаю* говорятъ: *не малтаю* (по-карельски эмъ малтанъ), и такихъ словъ, которыя имѣютъ карельское происхожденіе, можно привести очень много.

Необходимо еще замѣтить, что часто употребляемое названіе *корелы* не вѣрно, а правильнѣе будетъ *карелы*, такъ какъ по-фински они называются karjalaiset, да и самъ карелъ именуетъ себя словомъ *карьелайнь*.

По переписи 1897 г. русскихъ кареловъ, не считая кареловъ Финляндіи, числилось всего 205,000 душъ. Изъ нихъ грамотныхъ въ Архагельской губ. — 19,000 ч., Олон. — 59,000 ч.. Новгор. — 10,000 ч., Твер. — 117,000 ч.

Православныхъ кареловъ Финляндіи, въ предѣлахъ Выборгской епархіи, по свѣдѣн. 1900 г., числилось 43,499 чел. (Финл. Энцикл. сл.

Внутренность карельской избы въ Тверской губ.

изд. 1912 г). О количествѣ финляндскихъ кареловъ — лютеранъ точныхъ свѣдѣній мнѣ достать не удалось.

Э. Лёнротъ [1]) такъ характеризуетъ русскихъ кареловъ. »Населяющіе россійскую Карелію финны (т. е. русскіе карелы), у которыхъ руны (эпическія пѣсни) живутъ въ теченіе столѣтій, состоятъ, вѣроятно, въ близкомъ родствѣ съ біармійцами. [2]) У нихъ однихъ, но не у прочихъ финновъ, сохранились слѣды древней начальной цивилизаціи и

[1]) Предисл. Лёнр. къ изд. »Калевалы« 1849 г. Кал., изд. Глаз., пер. Н. Л. Бѣльск.

[2]) Біармія, по-фин. Permia — полусказочная страна, упоминаемая въ скандинавскихъ сагахъ; ее сближаютъ съ древнею страною пермяковъ.

нѣкоторой *общительности*. Они очень любятъ торговлю, ловки въ движеніяхъ и весьма настойчивы въ своихъ предпріятіяхъ. Въ отношеніи ловкости въ движеніяхъ, *быстрой сообразительности* и стремленія къ торговлѣ ближе всего стоитъ къ нимъ населеніе сѣверной Финляндіи и финляндской Кареліи . . .»

VII.

Карельская свадьба.

Есть у кареловъ поговорка, что труднѣе выбрать хорошую лошадь, чѣмъ найти подходящую жену. И дѣйствительно, если молодому карелу пришло время жениться, онъ устраиваетъ это очень скоро. Нерѣдко случается, что холостой парень уѣзжаетъ въ отдаленную деревню на праздникъ одинъ, а возвращается оттуда съ женою.

Въ женѣ карелъ, прежде всего, цѣнитъ хорошую хозяйку и работницу, такъ какъ, отправляясь на отхожіе промыслы, онъ все свое домашнее хозяйство сдаетъ ей на попеченіе. Но и красота при этомъ играетъ не маловажную роль, въ особенности у болѣе зажиточныхъ кареловъ, которые въ этомъ отношеніи разборчивѣе бѣдныхъ.

Выше было говорено, что насильственныхъ браковъ въ Кареліи не бываетъ. При заключеніи брака рѣдко обращается вниманіе на имущественную разницу жениха и невѣсты: красивая и работящая дѣвушка всегда можетъ разсчитывать выйти замужъ въ зажиточную семью, какъ бы ни были бѣдны ея родители.

Выбравъ себѣ невѣсту, карелъ дѣлаетъ ей предложеніе наединѣ, и если получитъ согласіе, то предложеніе иногда повторяется публично, что чаще всего дѣлается въ »кизяперти», [1]) на игрищѣ, во время танцевъ. Женихъ беретъ въ руку платокъ и, подавая его намѣченной невѣстѣ, давшей ему обѣщаніе на замужество, вслухъ произноситъ общепринятую стереотипную фразу: »лягетъ-ко міула міегехъ — желаешь ли идти за меня замужъ?» Въ знакъ согласія дѣвица беретъ кончикъ платка и во всеуслышаніе подтверждаетъ свое обѣщаніе. Послѣ этого помолвленная пара уходитъ съ танцевъ, и женихъ посылаетъ къ родителямъ невѣсты свата, который обыкновенно идетъ въ сопровожденіи »дружки» (шафера) жениха. Если сватовство происхо-

[1]) Kisapirti — въ буквальномъ переводѣ по-русски домъ игры, т. е. изба для танцевъ.

Обрученіе.

дитъ лѣтомъ, то, подойдя къ дому невѣсты, дружка дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья, что служитъ сигналомъ прихода сватовъ. Сватовство обыкновенно оканчивается очень скоро, и разъ невѣста заранѣе дала обѣщаніе жениху выйти за него замужъ, это обѣщаніе рѣдко нарушается; если же и случается, что свадьба разстраивается, то причиною отказа со стороны невѣсты бываетъ не насиліе родителей, а ихъ просьба еще на нѣкоторое время остаться въ семьѣ или ея убѣжденіе въ невыгодности условій брака.

По окончаніи сватовства, часто вечеромъ того же дня, устраиваются и брачные обряды; если же свадьба по какимъ-либо причинамъ откладывается на болѣе или менѣе продолжительное время, то со стороны невѣсты или жениха — смотря по тому, кто проситъ отсрочку свадьбы, — дается денежный залогъ.

Приготовивъ приданое, невѣста приглашаетъ плакальщицу, вмѣстѣ съ нею ходитъ по домамъ своихъ родственниковъ и подругъ, и оплакиваетъ свою разлуку съ ними. При этомъ невѣста плачетъ (воетъ) большею частью безъ словъ, а плакальщица, обращаясь къ каждому лицу въ отдѣльности, произноситъ по извѣстному мотиву различныя причитанія, надѣляя оплакиваемаго самыми лестными эпитетами, за что тотъ долженъ дать плакальщицѣ нѣсколько пятаковъ, которые идутъ въ пользу невѣсты. Искусствомъ сочинять умѣлыя причитанія обладаютъ немногія карелки, поэтому хорошія плакальщицы пользуются особымъ вниманіемъ на свадьбахъ, и ихъ нанимаютъ за порядочныя деньги, приглашая иногда изъ другихъ деревень за десятки верстъ отъ мѣста жительства невѣсты.

Красивый мальчикъ — подростокъ, открывъ покрывало, смотритъ въ лицо невѣстѣ.

Брачный обрядъ заключается въ слѣдующемъ. Въ день свадьбы женихъ приглашаетъ колдуна (по-карельски падивашка) и вмѣстѣ съ дружкою, сватомъ и своими родственниками отправляется въ домъ невѣсты. Сватъ приноситъ хлѣбъ съ солью и кладетъ его на столъ, вокругъ котораго садятся всѣ гости со стороны жениха. Падивашка вырѣзываетъ въ срединѣ хлѣба небольшое круглое углубленіе и, положивъ туда полгорсти соли, снова закрываетъ это углубленіе кружкомъ изъ хлѣба, а часть соли въ узелкѣ изъ платка даетъ невѣстѣ, произнося шопотомъ заклинанія, чтобы какой-нибудь злой человѣкъ »не испортилъ» жениха или невѣсты — карелы, подобно русскимъ крестьянамъ, вѣрятъ въ порчу и заговоры. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, зеркало, мыло, гребень и конфеты, а ея родственникамъ дѣлаетъ разные подарки. Въ свою очередь, и со стороны невѣсты даются подарки всѣмъ гостямъ: женщинамъ платки, ситецъ на сарафанъ или кофту, а мужчинамъ матерія на пиджакъ, брюки и т. п. Падивашкѣ дарятъ шейный платокъ и вышитое полотенце, которое онъ одѣваетъ на себя вмѣсто кушака и не снимаетъ до окончанія брачнаго обряда. Сначала невѣста помѣщается за занавѣской, устроенной въ углу комнаты, и не показывается ни жениху, ни прибывшимъ гостямъ.

Типъ свадебной плакальщицы.

Выбираютъ красиваго молодого парня подростка, который, зайдя за занавѣску, открываетъ покрывало, смотритъ въ лицо невѣстѣ и садится къ ней на колѣни.

Послѣ этого подъ покрываломъ выводятъ невѣсту, одѣтую въ лучшіе дѣвичьи наряды и, обратившись къ жениху, спрашиваютъ, та

ли передъ нимъ дѣвица, которой онъ дѣлалъ предложеніе. Женихъ, открывъ покрывало, узнаетъ свою суженую, беретъ за руку и сажаетъ за столъ возлѣ себя. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ Кареліи покрывало снимается съ невѣсты сватомъ или »падивашкою» уже за столомъ, какъ это показано на прилагаемой картинѣ. Подается легкое угощеніе, состоящее изъ кофе или чаю съ домашнимъ печеніемъ или кренделями. Затѣмъ всѣ выходять изъ-за стола и молятся предъ иконою, у которой зажигается лампада или восковая свѣча. Послѣ продолжительной молитвы съ колѣнопреклоненіемъ и рыданіями, невѣста съ плакальщицей садится въ уголъ подъ образами и, крѣпко захвативъ рукою

Свадебные обряды.˜ Падивашка снимаетъ покрывало съ невѣсты и показываетъ ее народу въ домѣ жениха

косу съ лентами, наклоняетъ голову впередъ; родственницы и подруги невѣсты силою расплетаютъ косу, а ленты кладутъ на подносъ, который держитъ въ рукахъ мать невѣсты. Затѣмъ каждая изъ подругъ, сдѣлавъ земной поклонъ, по очереди подходитъ къ невѣстѣ и расчесываетъ ея косу на двѣ половины. По окончаніи прически плакальщица ведетъ невѣсту за руку къ двери и обратно нѣсколько разъ, а сзади ея одна изъ подругъ несетъ на подносѣ ленты. Мать невѣсты, остановивъ ее посреди комнаты, беретъ ленту, прикладываетъ къ волосамъ своей дочери и говоритъ, что ленты ей уже не къ лицу, такъ какъ она становится женою, а затѣмъ раздаетъ ихъ подругамъ.

Финны и карелы очень богаты свадебными пѣснями. Эти пѣсни собраны въ рунахъ 21—25 Калевалы и мѣстами проникнуты глубокой трогательностью и нѣжной поэзіей.

Когда невѣстѣ расплетаютъ косу, плакальщица (или сама невѣста) причитаетъ:

»О ты, мать моя родная, [1])
Есть о чемъ, родная, плакать:
Жаль мнѣ косъ моихъ прекрасныхъ:
И кудрей головки юной.
Жаль волосъ дѣвичьихъ, мягкихъ:
Мнѣ ихъ смолоду закроютъ,
Съ этихъ лѣтъ мнѣ ихъ завяжутъ;
И всю жизнь жалѣть я буду
Это солнце дорогое,
Этотъ мѣсяцъ ясный, тихій.
Этотъ синій сводъ небесный:
Мнѣ, младой, ихъ надо бросить,
Ихъ забыть дѣвицѣ надо
У скамьи рабочей брата,
У отцовскаго окошка.»

Обрядъ расплетанія дѣвичьей косы.

Мать невѣсты утѣшаетъ свою дочь такими словами:

»Брось ты, глупая, печали,
Брось, несчастная, ты слезы.
Плачешь ты безъ основанья
И тоскуешь безъ причины:
Божье солнце дорогое
На землѣ повсюду свѣтитъ,
Не въ одно отца окошко,
Да на братнину скамейку.
Вѣдь повсюду много ягодъ,
На полянахъ земляники;
Ахъ, ты жалкая, вѣдь можешь
Тамъ набрать ихъ, а не только
По отцовскимъ лишь дубравамъ,
Да въ поляхъ родного брата.»

. . . »И зачѣмъ тебѣ такъ плакать,
И къ чему тебѣ томиться?
Не ведутъ тебя въ болото,
На окраину оврага:
Отъ равнины плодоносной
Ты идешь къ полямъ богатымъ,
Изъ жилищъ, гдѣ варятъ пиво,
Ты пойдешь, гдѣ много пива.
Посмотри себѣ ты сбоку,
Отъ бедра смотри направо,
Мужъ стоитъ, твоя охрана,
Свѣтѣлъ онъ съ тобою рядомъ,
Мужъ хорошъ, и конь прекрасный,
Упряжь сдѣлана съ искусствомъ.
Будь, драгая, безъ заботы,
Дочка матери, не плачься:
Не идешь для жизни худшей,
А идешь для жизни лучшей,
Рядомъ съ этимъ земледѣльцемъ,
Вмѣстѣ съ пахаремъ усерднымъ,
Возлѣ устъ у хлѣбопашца,
На рукахъ у рыболова.»
. . . »На поляхъ тамъ много хлѣба

[1]) Руны 21—24, перев. Л. П. Бѣльскаго.

Въ долахъ множество запасовъ.
По лѣсамъ ольховымъ — пашни,
По ручьямъ — ячмень богатый,
Тамъ овесъ промежъ утесовъ,
По прибрежьямъ рѣкъ — пшеница.
Деньги тамъ въ огромныхъ грудахъ;
Пятачки, [1]) какъ мелкій щебень»

По окончаніи обряда расплетанія дѣвичьей косы, невѣста кланяется въ ноги надивашкѣ, а плакальщица въ своихъ причитаніяхъ проситъ, чтобы онъ хорошо устроилъ жизнь брачной четы. Послѣднія минуты дѣвичьей жизни оплакиваются общимъ причитаніемъ, въ кото-

По возвращеніи невѣсты изъ бани братъ наливаетъ воду въ умывальникъ и подаетъ полотенце невѣстѣ.

ромъ принимаетъ участіе мать невѣсты и всѣ ея родственницы, при чемъ поднимается невообразимый вой. Затѣмъ невѣста, вставъ на колѣни передъ матерью, прощается съ нею, проситъ у нея приданое и снова уходитъ за занавѣску, гдѣ ее одѣваютъ въ нарядъ замужней женщины, который отъ дѣвичьяго отличается только особымъ головнымъ уборомъ: волосы заплетаются въ двѣ косы, а на голову, вмѣсто узкой повязки и лентъ, одѣвается высокій повойникъ (сорокка). Одѣтую въ брачный нарядъ невѣсту отецъ беретъ за руку и три раза обводитъ вокругъ сундука съ приданымъ, каждый разъ присаживаясь на немъ.

[1]) Въ переводѣ — пфениги.

Затѣмъ открывается занавѣсъ, и невѣста съ закрытымъ лицомъ нѣсколько минутъ сидитъ на сундукѣ. Падивашка беретъ топоръ и кладетъ его на полку надъ головою невѣсты, чтобы устрашить и отогнать порчу, а женихъ, взявши невѣсту за руку, обходитъ съ нею трижды вокругъ стола, за которымъ сидятъ гости, впереди же идетъ сватъ съ иконою въ рукахъ. Мать невѣсты остается плакать на сундукѣ, а новобрачные садятся съ гостями за столъ, и начинается пиръ.

Сначала идетъ угощеніе чаемъ, а затѣмъ слѣдуютъ обычныя праздничныя карельскія кушанья. Водка, какъ и на всѣхъ карельскихъ

Мать плачетъ на сундукѣ съ приданымъ дочери.

пирушкахъ, употребляется въ небольшомъ количествѣ, а иногда ея и вовсе не бываетъ. Невѣста, по принятому обычаю, ѣстъ очень мало, а почти все время стоитъ на ногахъ и безмолвно кланяется гостямъ.

Въ свадебныхъ причитаніяхъ высказываются также всѣ трудности жизни замужней женщины, и излагается полный кодексъ поведенія новобрачной въ семьѣ мужа. Руна 23. Пер. Бѣльскаго.

»Какъ платка ты не носила, [1])
Ты не знала и печали;
Не имѣла покрывала,
Не имѣла и заботы.
Головной платокъ приноситъ,
Только онъ приноситъ горе,

[1]) Карельскія дѣвушки больше ходятъ безъ платка, лишь слегка прикрывая голову повязкою изъ лентъ.

Молитва передъ отправленіемъ къ вѣнцу.

Только ленъ приноситъ скорби.
Что такое дѣва въ домѣ?
Что король, живущій въ замкѣ,
Лишь меча ей не хватаетъ.
Ты придешъ къ иному дому,
Вступишь въ чуждое хозяйство.
Все въ другомъ иначе домѣ,
Все иначе въ томъ хозяйствѣ;
Какъ пойдешь, такъ прежде думай,
Предъ работою помысли,
А не какъ въ родныхъ полянахъ,
Какъ у матери на полѣ:
Пѣнье было тамъ въ долинахъ,
Тамъ веселье на дорогахъ.
»Этотъ домъ ты покидаешь,
Можешь взять ты все другое,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,
Рѣчи матери любезной
И кадушку съ свѣжимъ масломъ.
»Нравамъ новымъ научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку матери забудь ты,
Чтобъ свекровь тебя ласкала,
Ты поклоны дѣлай ниже,
Расточай слова получше.
»Постоянно въ цѣлой жизни,
И пока сіяетъ мѣсяцъ,
Ты безнравственности бойся
И храни ты добродѣтель.
»Ты столы захочешь вымыть,
Попозднѣй, въ концѣ недѣли:
Мой поверхность, мой и сбоку,
Не забудь и ножекъ вымыть;
Ты облей скамьи водою,
Обмети, какъ нужно, стѣны,
По порядку всѣ скамейки,
И въ длину всѣ стѣны дома.
Что на столъ насѣло пыли,
Что насѣло по окошкамъ,
Ты смети крыломъ прилежно,
Вытри тряпочкой съ водою,
Чтобы пыль не разошлася,
Къ потолку не поднялася.
Коль чужой придетъ къ вамъ въ гости,
Будь привѣтлива ты съ гостемъ;
Домъ хорошій запасаетъ
Много разнаго для гостя:
Пребольшія части мяса,
Пирожковъ хорошихъ много.
Пригласи ты сѣсть чужого,
Говори съ нимъ дружелюбно,
Угощай его словами
Во все время столованья.

Невѣста дѣлаетъ земные поклоны предъ иконой на разостланной шубѣ. Плакальщица произноситъ соотвѣтствующія причитанія.

Невѣста съ плакальщицей у своей родственницы.

Поэтому понятна вся скорбь, которою проникнуты прощальныя причитанія невѣсты при разставаніи ея съ роднымъ кровомъ. Руна 24.

Ты прощай, мое жилище,
Со своей досчатой крышей —
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться.
Ты прощай, мой дворъ широкій,
Дворъ, рябиною поросшій,
Вы прощайте, наши сѣни,
Вы, съ своимъ досчатымъ поломъ,
Всѣмъ поклоны на прощанье:
Лѣсу, ягодамъ, землицѣ,
Всѣмъ вамъ пастбищамъ съ цвѣтами.
Вамъ всѣмъ травамъ и полянамъ,
Вамъ озерамъ съ островами,
Вамъ глубокіе проливы,
Вамъ, холмы и рощи сосенъ,
Вамъ, овраги и березы.

Жениха въ пѣсняхъ называютъ самыми ласкательными именами: »высокородный«, »князь«, »милый братецъ«, »молодчикъ милый« и т. п., а достоинства невѣсты стараются представить ему въ самыхъ яркихъ краскахъ. Руны 24 и 25.

»Славь, женихъ, судьбу благую
И хвали, что получилъ ты.
Хвалишь ты, хвали сильнѣе,
Вѣдь добро тебѣ досталось,
Даровалъ добро Создатель,
Далъ добро Онъ, благосклонный,
И отца благодари ты,
Благодаренъ будь родимой,
Что прекрасную невѣсту,
Эту дѣву воспитали.

Плачъ невѣсты съ подругами предъ отправленіемъ въ баню.

Чистая съ тобой дѣвица,
Ясная съ тобой въ союзѣ,
Бѣлая въ твоемъ владѣньѣ,
Статную ты защищаешь,
Сильную у сердца держишь,
Крѣпкая съ тобою рядомъ,
Молотить она умѣетъ
И прекрасно коситъ сѣно,
Дѣва въ стиркѣ такъ искусна,
И полотна бѣлитъ ловко,
И прядетъ отлично нитки,
И сильна, чтобъ выткать платье,
Никогда въ землѣ нѣмецкой
Иль Эстляндской не получишь
Столь прекрасной юной дѣвы.
Столь прекраснаго утенка,
Красоты такой во взорѣ,
Этой нѣжности въ сложеньи,
Бѣлизны руки столь нѣжной,
И изгиба на затылкѣ.
Не ни съ чѣмъ пришла дѣвица;
Принесла съ собою шубы,
Принесла съ собою платьевъ,
Полотна у ней довольно.

Жениху совѣтуютъ обращаться съ будущей женой, какъ можно, ласковѣе и отнюдь не допускать тѣлесныхъ наказаній.

»Ты не вздумай, мужъ несчастный,
Поступить съ дѣвицей дурно,
Поучить ременной плеткой,
Какъ слугу, кнутомъ ударить;
Вѣдь ее въ отцовскомъ домѣ,
Никогда никто не вздумалъ
Поучить ременной плеткой,
Какъ слугу кнутомъ ударить.
Ты учи, супругъ, дѣвицу,
Это яблочко златое,
Ты совѣтуй ей въ постели
И учи ее за дверью;
Дѣлай такъ въ теченье года,
Годъ учи ее словами,

А другой учи глазами,
Третій топай ты ногою.
Если слушаться не будетъ,
Если все ей горя мало —
Ты возьми тогда тростинку,
Собери хвощу въ полянкѣ,
Поучи дѣвицу этимъ.
На четвертый годъ все тоже
Ты стращай ее тростинкой,
Злакомъ съ крѣпкими краями;
Не сѣки ее ремнями
И не бей ее ты розгой»...

Среди вышеприведенныхъ наставленій, которыми полна руна 24, непонятнымъ диссонансомъ являются совѣты нищаго, случайно попавшаго на свадебное торжество.

Тамъ лежалъ на печкѣ старый,
Наверху лежалъ тамъ нищій,
И сказалъ оттуда старый,
Такъ промолвилъ сверху нищій:
»Никогда, супругъ несчастный,
Не гляди на нравъ супруги,
На языкъ супруги гладкій,
Вотъ какъ я несчастный малый
Покупалъ я хлѣбъ и мясо,
Покупалъ я масло, пиво,
Покупалъ я рыбы всякой,
Всевозможнаго съѣстного,
Пиво бралъ въ странахъ я здѣшнихъ,
А пшеницу изъ далекихъ.
Но и этого все мало,
Не пошло ей въ прокъ и это.
Вотъ вошла жена въ покои,
Въ волоса мои вцѣпилась
Съ искаженными чертами
И вертитъ глазами страшно;
Все вздыхала и стонала,
Говорила лишь со злобой,
Называла толстозадымъ,
Да бранилася болваномъ.
Я нашелъ исходъ ужъ новый,
Я пошелъ другой дорогой:
Взялъ я вѣтку отъ березы —
Назвала супруга птичкой,
Можжевеловый взялъ прутикъ —
Говоритъ: »ты — золотой мой»,
Высѣкъ ивовою розгой —
Женка бросилась на шею.

По окончаніи пира невѣста отправляется въ домъ жениха и становится его женою. Вѣнчаніе же въ церкви по православному обряду совершается позднѣе, иногда спустя нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы. Вообще, карелы, несмотря на свою религіозность, на вѣнчаніе смотрятъ довольно равнодушно, и если бы свѣтская власть не обязывала совершать этотъ обрядъ принудительными мѣрами, они, какъ сами это высказываютъ, обошлись бы и безъ вѣнчанія. Почти каждый молодой священникъ, по пріѣздѣ въ Карелію, въ первое время возмущается такими случаями, когда ему приходится вѣнчать чету, уже имѣющую нѣсколькихъ дѣтей, и пробуетъ искоренить такую ненормальность, но обыкновенно ничего не можетъ сдѣлать и, въ концѣ концовъ, примиряется съ этимъ, такъ какъ этотъ обычай уже выработанъ вѣками и оправдывается мѣстными условіями. Дѣло въ томъ, что невѣста, выходя замужъ въ другой приходъ, должна представить церковному причту такъ-называемое предбрачное свидѣтельство отъ приходскаго священ-

ника, а такъ какъ послѣднiй часто живетъ за 70—100 верстъ отъ мѣста жительства невѣсты, при томъ же пути сообщенiя очень трудные, а свадьба для невѣсты большею частью бываетъ неожиданною, то ко времени свадьбы этотъ документъ часто не успѣваютъ достать, почему и вступаютъ въ бракъ безъ вѣнчанiя.

Казалось бы, что сожительство въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ до вѣнчанiя можетъ служить удобною почвою для опозоренiя дѣвицъ и нарушенiя брачныхъ обязательствъ, которыя, кромѣ мѣстнаго обычнаго права, не скрѣпляются никакимъ юридическимъ актомъ; но подобные случаи очень рѣдки. Въ теченiе моей десятилѣтней жизни въ Карелiи только одинъ разъ случилось, что молодой карелъ подъ давленiемъ своего отца разошелся со своей сожительницей, съ которою онъ безъ вѣнца вступилъ въ бракъ по карельскому обычаю, но онъ былъ родителями невѣсты привлеченъ къ суду и поплатился нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенiя.

Свадебный поѣздъ въ домъ жениха сопровождается различными церемонiями, а у богатыхъ кареловъ бываетъ обставленъ по мѣстному очень торжественно. Если свадьба случается зимою, то за новобрачными ѣдутъ родственники и знакомые со стороны жениха и невѣсты на лошадяхъ, увѣшанныхъ колокольчиками, бубенцами и разноцвѣтными лентами. Въ каждой деревнѣ на пути поѣзда выставляются флаги и зажигаются костры, а дорога загораживается заборомъ изъ жердей. Подъѣхавъ къ этому забору, сватъ долженъ откупиться, бросивъ въ толпу платокъ съ завязанными въ немъ пряниками.

Но особенно красива картина свадебнаго поѣзда лѣтомъ по озеру. Тутъ иногда собирается цѣлая флотилiя, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ лодокъ, украшенныхъ флагами. Флаги на свадьбахъ употребляются не государственныхъ цвѣтовъ; это — обыкновенно разноцвѣтные платки и куски яркой матерiи, которые развѣшиваются на длинныхъ шестахъ и довершаютъ пестроту лѣтнихъ женскихъ нарядовъ. Впереди ѣдутъ новобрачные, и каждая встрѣчная лодка сначала описываетъ кругъ около лодки виновниковъ торжества и затѣмъ присоединяется къ поѣзду. Веселый говоръ, пѣсни, салюты изъ ружей, которые поминутно раздаются то въ одиночку, то »вразсыпную«, слѣдуя одинъ за другимъ въ короткiе промежутки, сливаются въ общiй торжественный гулъ, далеко разносящiйся по окрестностямъ и привлекающiй массу зрителей изъ сосѣднихъ поселковъ. Стрѣляютъ не только съ лодокъ, но и съ берега, гдѣ тоже во многихъ мѣстахъ разставляются флаги и горятъ костры.

»Падивашка« своимъ жезломъ чертитъ кругъ на землѣ и шопотомъ произноситъ заговоръ (заклинанье), предохраняющій жениха и невѣсту отъ порчи.

Свадебная процессія. Впереди — »падивашка«, въ срединѣ не покрываломъ. Женихъ ведетъ невѣсту за кончикъ платка; »дружка« со сторонны жениха на головѣ несетъ хлѣ чень скромная свадьба). Дер. Ювялакши Кем. у.

По пріѣздѣ на пристань новобрачные не выходятъ изъ лодки. Въ знакъ особаго почета ихъ тащатъ въ лодкѣ до крыльца дома жениха, при входѣ же въ домъ новобрачныхъ обсыпаютъ зернами ячменя, встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью, а родители благословляютъ иконою. Затѣмъ происходитъ пиршество въ домѣ жениха, которое у богатыхъ кареловъ продолжается нѣсколько дней.

VIII.

По порогамъ р. Кеми.

Изъ Кимасъ-озера до Кеми мнѣ предстояло 260 верстъ плыть на карбасѣ. Часть этого пути можно было бы проѣхать верхомъ на лошади, минуя опасные пороги Чирка-Кеми, и на 30 верстъ сократить разстояніе, но такъ какъ багажъ пришлось бы опять везти на дровняхъ или навьючить на спину лошади, что представляетъ большія неудобства, то я предпочелъ ѣхать на лодкѣ.

Для защиты отъ дождя въ срединѣ карбаса было устроено изъ толстаго брезента нѣчто въ родѣ кибитки, какая бываетъ у русскаго тарантаса, гдѣ я могъ сидѣть, а въ случаѣ надобности и лежать, растянувшись во всю длину своего тѣла. Рядомъ помѣстилась моя жена съ двумя дѣтьми. Остальную часть карбаса заняли няня моихъ дѣтей съ багажемъ и двое гребцовъ съ кормщикомъ, такъ что свободнаго мѣста совсѣмъ не оставалось.

По Кареліи проходятъ отроги Финляндскихъ горъ, поэтому всѣ рѣки здѣсь изобилуютъ порогами. На пути изъ Кимасъ-озера до Кеми болѣе ста пороговъ; изъ нихъ самыми большими считаются: Бѣлый. Пепельный, Юма, Кривой порогъ, Вочашъ, Ужма и Путка. Нѣкоторые изъ пороговъ тянутся на 5—7 верстъ, и теченіе въ нихъ настолько быстрое, что разстояніе въ семь верстъ въ порогахъ Бѣломъ и Пепельномъ на лодкѣ проѣзжаютъ въ 10—20 минутъ. Ѣзда по порогамъ не безопасна, и рѣдкій годъ обходится безъ человѣческихъ жертвъ при проѣздахъ по р. Кеми. Въ каждой деревнѣ на берегу Кеми имѣется 2—3 опытныхъ кормщика, которыхъ и нанимаютъ путешественники

для сопровожденія при ѣздѣ на лодкѣ. Кормщикъ знаетъ каждый опасный камень и отлично умѣетъ оріентироваться въ порогахъ, сообразно уровню воды. А это очень важно, такъ какъ послѣ весенняго разлива, по мѣрѣ убыли воды, фарватеръ рѣки постоянно мѣняется и въ малую воду имѣетъ такія извилины, что при спусканіи лодки въ нѣкоторыхъ большихъ порогахъ, какъ, напримѣръ, въ Кривомъ, приходится отъ 5 до 7 разъ переѣзжать отъ одного берега къ другому, лавируя между камнями. Попадаютъ на камень большею частью менѣе опытные кормщики, родиной съ верховьевъ Кеми, такъ

Скалы на берегу р. Кеми у Подужемскаго порога.

какъ они рѣже ѣздятъ по рѣкѣ и не имѣютъ возможности слѣдить за уровнемъ воды въ порогахъ. Случалось, что тонули по 5—7 человѣкъ сразу.

Нерѣдко платятся за свою удаль и бурлаки, сплавляющіе лѣсъ по Кеми. На сплавъ лѣса больше идутъ онежане. [1]) Это настолько опытный въ этомъ дѣлѣ и смѣлый народъ, что они часто безнаказанно проѣзжаютъ порогъ на одномъ бревнѣ съ багромъ въ рукахъ, который въ этомъ случаѣ имъ служитъ балансиромъ. Нѣкоторые изъ бур-

[1]) Крестьяне Онежскаго у., Арханг. губ.

лаковъ — истые спортсмены, и спуститься въ опасномъ порогѣ на лодкѣ для нихъ большое удовольствіе. Администрація лѣсопромышленниковъ строго запрещаетъ ѣздить въ опасныхъ мѣстахъ, но, несмотря на это запрещеніе, многіе все-таки ѣздятъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ служащихъ при сплавѣ лѣса, что если такому спортсмену запретить проѣхать на лодкѣ по порогу, то онъ дѣлается на нѣсколько дней разстроеннымъ, начинаетъ »отлынивать« отъ работы, ходитъ скучный и, если можетъ достать водки, запиваетъ.

Иногда можно наблюдать такую картину. Работа окончена въ

С. Кереть, Кем. у.

одномъ изъ опаснѣйшихъ пороговъ. Лѣсъ, плавучая хижина, гдѣ живетъ приказчикъ, наблюдающій за работами при сплавѣ, и »харчевая« — плотъ съ провизіей для рабочихъ — спущены на плесо. Остается одна пустая лодка, которую безопаснѣе было бы спустить возлѣ берега на веревкѣ. Но наши спортсмены не упустятъ удобнаго случая, чтобы испытать сильныя ощущенія. И вотъ, компанія смѣльчаковъ, человѣкъ 5—6, садится въ лодку, двое или четверо берутся за весла, одинъ управляетъ рулемъ, остальные помѣщаются на дно лодки. Паденіе русла на протяженіи какихъ-нибудь 70—100 саженъ около 20 футовъ. Вода, встрѣчая на пути массу камней, страшно бурлитъ и пѣнится. Громадныя волны, наскакивая одна на другую,

съ бѣшенымъ шумомъ разбиваются о камни, образуя цѣлыя тучи брызгъ и бѣлой пѣны. Достаточно на полъ-аршина сбиться съ фарватера, чтобы налетѣть на камни, и тогда гибель неминуема: лодку разобьетъ въ щепки, а если она и уцѣлѣетъ, то силой теченія заворотитъ ее поперекъ рѣки и перевернетъ вверхъ дномъ . . . Но отважные пассажиры не трусятъ: одинъ играетъ на гармоникѣ, а другіе распѣваютъ какую-нибудь залихватскую пѣсню, постукивая въ тактъ баграми о дно лодки.

Крестъ на берегу рѣки у порога, гдѣ нерѣдко пловцы платятся жизнью за смѣлую ѣзду въ опасныхъ стремнинахъ.

При проѣздахъ чрезъ опасные пороги пассажиры обыкновенно выходятъ изъ лодки и идутъ пѣшкомъ по тропинкѣ, проложенной по берегу, а двое гребцовъ съ кормщикомъ смѣло проѣзжаютъ по порогу. Но есть и такіе пороги, въ которыхъ на лодкѣ проѣхать невозможно, — это Юма, Вочашъ и Ужма. Въ первыхъ двухъ лодку спускаютъ на веревкѣ вдоль берега, а въ послѣднемъ — перетаскиваютъ по землѣ.

Въ кормщики ко мнѣ нанялся семидесятилѣтній старикъ, Ѳедоръ Онгамойни, и мои знакомые предупредительно совѣтовали мнѣ лучше до Юшкозера проѣхать верхомъ чрезъ селеніе Пизьмагубу и тамъ найти болѣе надежнаго человѣка; но самоувѣренность, бодрый видъ этого старца и рѣшимость его тридцатилѣтняго сына, который смѣло вызвался быть гребцомъ вмѣстѣ съ своею молодою женою, подкупили меня, и я согласился ѣхать съ Ѳедоромъ.

Дѣйствительно, Онгамойни оказался искуснымъ лоцманомъ и знатокомъ пороговъ, такъ что ни разу не попалъ на камень, и ни одна волна не захлеснула въ лодку. Въ болѣе опасныхъ мѣстахъ меня съ семьей выпускали изъ лодки, часть багажа переносили по берегу, а на облегченной лодкѣ втроемъ проѣзжали по порогу. Предъ каждымъ поро-

гомъ Ѳедоръ истово крестился на востокъ — онъ былъ старообрядецъ — осматривалъ, крѣпко ли сидитъ руль, а, выплывъ на фарватеръ, мочилъ водою свою плѣшивую голову съ остатками сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ; мочилъ также и рукоятку руля, чтобы она не выскользнула изъ рукъ.

Я обыкновенно становился внизу порога и наблюдалъ, какъ эти отважные пловцы боролись съ водной стихіей въ бѣшено бушевавшей стремнинѣ. Ѳедоръ, стоя на бортахъ лодки, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ смотрѣлъ на каждую подозрительную волну впереди, громко и отрывисто выкрикивая, правымъ или лѣвымъ весломъ нужно усиливать греблю, чтобы миновать камни и большія волны, грозившія затопить лодку. При неимовѣрной быстротѣ теченія руль иногда не дѣйствуетъ, а поэтому необходимо усиливать греблю то съ одного, то съ другого борта лодки, чтобы отгребаться отъ камней, а на большихъ волнахъ совсѣмъ прекращать работу веслами, чтобы не залило водою съ носа. Тутъ нужно большое самообладаніе, тонкое знаніе свойствъ теченія воды въ порогѣ и умѣнье во время командовать гребцами, въ противномъ случаѣ пришлось бы дорого расплатиться за малѣйшую ошибку кормщика.

Глядя на смѣлыхъ пловцовъ, я невольно вспомнилъ и представилъ въ своемъ воображеніи ѣдущихъ по рѣчнымъ стремнинамъ трехъ героевъ Калевалы, при чемъ одинъ изъ нихъ, Ильмариненъ, обращается къ водопаду съ такими словами:

»Водопадъ, не пѣнься бурно, [1])
Ты, вода, не колыхайся.
Дѣва рѣкъ, дѣвица пѣны,
Сядь на камняхъ средь пучины,
На скалѣ среди шипѣнья;
Захвати ты волны въ руки,
Ты нажми прибой руками,
Въ кулакахъ сожми ты пѣну,
Не пускай на грудь намъ брызги
И на головы шипѣнье.
»Ты, старуха, въ глуби моря,
Что живешь посреди пѣны!
Ты всплыви наверхъ, на волны,
Поднимись надъ пѣной грудью,
Ты свяжи покрѣпче пѣну,
Стереги получше волны,
Чтобы тотъ отъ нихъ не сгинулъ,
Кто безгрѣшенъ и невиненъ.
»Вы, среди рѣки каменья,
Опѣненные утесы,
Вы чело нагните ваше
И главы спустите книзу
На дорогѣ лодки красной,
На пути ладьи смоленой.
»Если этого все мало —
Киви-Киммо, [2]) ты сынъ Каммо,
Буравомъ ты щель продѣлай,
Проколи ты здѣсь отверстье,
Чрезъ утесъ среди потока,
Черезъ злой подводный камень,
Чтобы лодка не засѣла,
Пробѣжала невредимо.

[1]) Руна 40.
[2]) Киви-Киммо — богъ подводныхъ скалъ (kivi — камень).

»О ты, дѣва водопада,
Ты въ рѣкѣ живешь, дѣвица,
Ты скрути помягче нитку,
Изъ льяныхъ спряди початковъ,
Протяни чрезъ воду нитку,
Чрезъ потоки голубую,
Чтобъ по ней мой челнъ стремился,
Осмоленнымъ дномъ проѣхалъ,
Чтобъ неопытные даже
Здѣсь по ней нашли дорогу.
Мелатаръ,[1]) жена благая,
Руль возьми свой благосклонно,
Чѣмъ ты лодку направляешь
Въ очарованныхъ потокахъ,
Мимо злобнаго жилища
Мимо оконъ чародѣевъ.
Если этого все мало, —
Укко, ты мой богъ небесный,
Проведи мечомъ ты лодку,
Ты направь клинкомъ блестящимъ,
Чтобъ бѣжалъ челнокъ досчатый,
Чтобъ спѣшилъ челнокъ сосновый.»

Подужемскій порогъ. Видъ снизу.

Моя недовѣрчивость къ Ѳедору пропала, какъ только я проѣхалъ два первыхъ большихъ порога, и по мѣрѣ минованія опасныхъ мѣстъ у меня все болѣе и болѣе возрастало невольное удивленіе и уваженіе къ этому старику, который въ семьдесятъ лѣтъ слишкомъ — ему было семьдесятъ четыре года — обладалъ такою смѣлостью и энергіей. Но у Ѳедора были и недостатки, которые вначалѣ меня очень безпокоили: въ болѣе опасныхъ мѣстахъ онъ ужасно громко кричалъ и неистово ругался непечатными словами. Въ такихъ случаяхъ, предполагая, что намъ грозитъ катастрофа, я боязливо выглядывалъ изъ своей будки, но, взглянувъ на лица гребцовъ и видя, что на нихъ нѣтъ ни малѣйшаго выраженія страха, успокаивался и принимался читать книгу или заносить свои впечатлѣнія въ записную книжку. Сынъ Ѳедора послѣ объяснилъ мнѣ наединѣ, что у старика очень горячій характеръ и на его брань не нужно обращать вниманія; я скоро привыкъ къ этому крику и больше не боялся пороговъ.

---

[1]) Мелатаръ (отъ mela — кормовое весло) — богиня водопадовъ, покровительница кормчихъ.

Старый Кемскій соборъ.

Августовскія ночи очень темны, а въ темнотѣ ѣхать по порогамъ опасно; поэтому мы ѣхали только днемъ, останавливаясь на ночлегъ въ прибрежныхъ деревняхъ. Самыя большія селенія на р. Кеми это Юшкозеро и Панозеро. Первое находится въ 130, а послѣднее въ 80 вер. отъ г. Кеми. Занятія жителей здѣсь тѣ же самыя, что и въ дру-

Подужемскій порогъ (Usmankoski) въ 17 вер. отъ г. Кеми.
Мѣсто наибольшаго уклона дна рѣки.

гихъ деревняхъ Кареліи, но часть крестьянъ Панозера уходитъ на рыбные промыслы на Мурманъ.

Сравнивая жителей сѣверной и южной Кареліи, даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи приходится констатировать тотъ фактъ, что чѣмъ дальше отъ Финляндіи и ближе къ Кеми, тѣмъ народъ бѣднѣе. Въ селеніяхъ чаще встрѣчаются ветхія покосившіяся лачуги, значительная часть обывателей которыхъ живутъ впроголодь, многіе занимаются нищенствомъ; но все-таки здѣсь вы почти никогда не увидите испитыхъ лицъ, бросающихся въ глаза лохмотьевъ и вообще той бѣдности, какая чуть не на каждомъ шагу встрѣчается въ деревняхъ экономически расшатаннаго Поволжья или Бѣлоруссіи.

Въ пятый день по выѣздѣ изъ Кимасъ-озера мы прибыли въ послѣднее карельское село Подужемье, расположенное въ 17 верстахъ

отъ Кеми. Въ полуверстѣ отъ этого селенія находится водопадъ Ужма, котораго не проѣзжаетъ ни одинъ путешественникъ безъ того, чтобы не полюбоваться на это чудо природы. Рѣка Кемь, протекая чрезъ всю Карелію отъ границы Финляндіи и принимая въ себя множество притоковъ, представляетъ сплошную цѣпь озеръ; главныя изъ нихъ слѣдующія: Куйто, Каменное, Ковдозеро, Некко и Юшкозеро. Эти озера въ общей сложности занимаютъ площадь въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ, и вся эта масса воды рѣкою Кемью вливается въ Бѣлое море. Ужма — самое узкое и крутое мѣсто на всей покатости этого воднаго пути. Предъ водопадомъ рѣка, быстрая вообще на всемъ протяженіи, какъ будто замедляетъ свой ходъ и вдругъ, встрѣтивъ препятствіе и прорвавъ въ скалѣ три узкія щели, бѣшено стремится впередь. Цѣлыя полчища клокочущихъ волнъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ наскакивая одна на другую, порою высоко подбрасываются вверхъ, разлетаются тучами алмазныхъ брызгъ и серебристой пѣны и мчатся внизъ съ неописуемою быстротою, какъ будто торопясь убѣжать отъ этого страшнаго мѣста. Двѣ круглыя, черныя гранитныя скалы, уцѣлѣвшія какимъ-то чудомъ среди этой стремнины, кажутся какими-то сказочными мастодонтами, и пораженному этой дивной картиной зрителю представляется, что эти скалы подпрыгиваютъ на мѣстѣ подъ напоромъ мятущейся стихіи. Кругомъ земля дрожитъ, и распространяется такой оглушительный шумъ, что за десять шаговъ вы видите только открытый ротъ вашего собесѣдника, но не можете слышать его голоса, какъ бы громко онъ ни кричалъ. Замѣчено, что жители Подужемья говорятъ всегда очень громко, какъ будто они глухи и разговариваютъ съ глухими. Это объясняется тѣмъ, что вѣчный шумъ водопада, распространяющійся далеко по окрестности, заглушаетъ легкіе звуки; поэтому живущіе близъ Ужмы съ малолѣтства пріучаются въ разговорѣ усиливать голосъ.

Извѣстно, что длина Иматры 900 метровъ, ширина 20, высота 19 метровъ, а рабочая сила ея исчисляется въ 117 тысячъ лошадиныхъ силъ.[1]) Длина же Ужмы не болѣе 150 метровъ, ширина 22, а высота 12 метровъ; слѣдовательно, принимая во вниманіе, что длина Ужмы въ шесть разъ меньше длины Иматры, относительную силу паденія первой надо считать выше послѣдней. Инженеръ, производившій измѣреніе Ужмы по порученію архангельскаго купца Гувелякена, рабочую силу этого водопада исчислялъ въ 150 тысячъ лошадиныхъ силъ.

[1]) Путеводитель на Иматру. Изд. 1893 г.

»Передайте поклонъ дома изъ нашей карельской деревни!»

Вообще, Ужма по силѣ паденія воды и по общему впечатлѣнію едва ли уступитъ Иматрѣ, и если бы этотъ водопадъ былъ въ другомъ государствѣ, а не въ Россіи, то его величіе давно было бы эксплоатировано, какъ это уже дѣлается на Иматрѣ, арендаторы которой, не жалѣя средствъ на рекламы, получаютъ громадные доходы, пользуясь вниманіемъ туристовъ, ежегодно тысячами пріѣзжающихъ сюда изъ всѣхъ странъ міра.

Полюбовавшись Ужмой, я вечеромъ того же дня пріѣхалъ въ Кемь, а оттуда на пароходѣ отправился въ Архангельскъ.

IX.

Заключеніе.

Въ скудной литературѣ о Кареліи [1]) мнѣ приходилось встрѣчать мнѣніе, что экономическое положеніе аборигеновъ этого края представляетъ мало утѣшительнаго, и кареламъ, какъ и большинству инородцевъ сѣвера, въ будущемъ грозитъ окончательное вымираніе.

Вырождаются ли, въ самомъ дѣлѣ, карелы и есть ли у нихъ будущее? Не имѣя подъ руками точнаго статистическаго матеріала, я не берусь рѣшать такіе сложные вопросы, но достаточно повнимательнѣе всмотрѣться въ бытовыя условія кареловъ, чтобы на первый

[1]) На финскомъ языкѣ о Кареліи имѣется богатая литература. Изъ наиболѣе цѣнныхъ трудовъ укажу слѣдующіе: 1) І. Блумстедтъ »Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja»; 2) »Karjalan kirja», изд. Седерстремъ, и 3) І. К. Inha, »Kalevalan laulumailta». Всѣ эти книги снабжены массою хорошихъ иллюстрацій, характеризующихъ архитектуру, украшенія, бытъ и нравы кареловъ, а также ихъ міровоззрѣніе и духовные запросы.

Изъ этихъ книгъ большею частью и взяты приведенные въ настоящей книгѣ рисунки. Финл, Лит. О-вомъ изданы 2 тома стар. нар. пѣсенъ, собран. въ арх. Кареліи подъ загл. „Suom. Kans. vanh. runot.“ Книги можно пріобр. въ Гельсингфорсѣ — Академич книж. магазинъ.

вопросъ дать отрицательный отвѣтъ, а для рѣшенія второго въ положительномъ смыслѣ имѣется довольно много очевидныхъ доказательствъ. Постараюсь привести нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ Кареліи, въ особенности близъ границы Финляндіи, вы часто встрѣтите селеніе въ 10—15 дворовъ, гдѣ крестьяне носятъ только 3—4 фамиліи. Оказывается, что почти всѣ они родственники между собою; и старики вамъ скажутъ, что 60—80 лѣтъ тому назадъ здѣсь стояло только какихъ-нибудь четыре двора, и населеніе деревни въ этотъ періодъ времени увеличилось вдвое. Просторныя, свѣтлыя, прочно, построенныя избы, солидныя надворныя постройки (службы), какъ это видно изъ приведенныхъ въ настоящей книгѣ фотографическихъ снимковъ съ натуры, приличная одежда, бодрыя и самодовольныя лица обывателей, здоровыя бойкія дѣти, шумно рѣзвящіяся въ лѣтнее время на улицахъ, — все это доказываетъ, что въ Кареліи ужъ не такъ плохо живется, какъ многіе думаютъ.

Берегъ въ с. Ругозеро Повѣн. у

Если кареловъ сравнить съ поморами или крестьянами южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, то, конечно, первые окажутся болѣе отсталыми и въ культурномъ, и матеріальномъ отношеніи, но необходимо имѣть въ виду, что едва ли гдѣ въ Россіи крестьяне такъ хорошо живутъ, какъ въ южной части Архангельской губ., особенно по Двинѣ, а поэтому и сравнивать съ ними кареловъ нельзя.

Въ разныхъ уголкахъ Кареліи я разспрашивалъ мѣстныхъ старожиловъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ прежде и теперь, и вездѣ получались отвѣты, что нынѣ карелы живутъ гораздо лучше, чѣмъ прежде.

Ѳедоръ Онгамойни, сопровождавшій меня въ Кемь, разсказывалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее:

»Когда я женился въ первый разъ, а съ того времени прошло уже болѣе 50 лѣтъ, то ѣздилъ съ богомольцами въ Соловки и купилъ въ Кеми 4 пуда муки и 8 фунтовъ ячменной крупы. Этого запаса должно было хватить мнѣ на цѣлое лѣто. Многіе тогда завидовали мнѣ и говорили: »о, этотъ мужикъ можетъ прокормить свою бабу — у него большой запасъ хлѣба . . .« А куль муки въ то лѣто стоилъ

Старый домъ Алексѣя Хоккіева въ д. Ногеуксъ Юшкозер. в., Кемск. у.

25 рублей, и нужда доходила до того, что крестьяне брали взаймы другъ у друга муку маленькими ковшиками. Питались тогда больше рыбой. Наварятъ хозяйки котелъ ухи, спустятъ въ нее горсть муки, да двѣ горсти толченой сосновой коры — и выйдетъ »рокка« . . . Эту »рокку« и ѣли изо дня въ день.

»Время тогда было не въ примѣръ труднѣе нынѣшняго, — продолжалъ словоохотливый разсказчикъ: — по пяти лѣтъ подъ рядъ хлѣбъ побивало морозомъ, заработковъ никакихъ не было, и народъ голодалъ страшно«.

Дѣйствительно, въ послѣднее время карелы не испытываютъ такихъ острыхъ голодовокъ, заставлявшихъ ихъ цѣлыми семьями переселяться въ Шуньгу [1]) и другія болѣе хлѣбородныя мѣста, какъ нерѣдко случалось 40—50 лѣтъ назадъ.

Въ отношеніи улучшенія жилищъ, одежды, домашней утвари тоже замѣчается прогрессъ. Мы видѣли, что карелъ свою горницу старается украсить хорошими иконами, картинами, фотографіями, приличною мебелью и, вообще, стремится къ комфорту, а это указываетъ уже на нѣкоторый избытокъ средствъ и развитіе вкуса къ изящному.

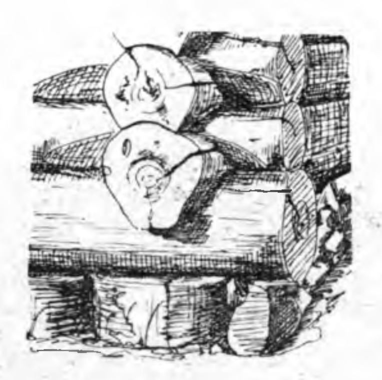

Карельскія надворныя постройки. Амбаръ Антропова въ д. Кимасъ-озеро. Рядомъ загонъ для скота изъ жердей.

Вся лучшая мебель, посуда, орудія и домашняя утварь идетъ сюда изъ Финляндіи, гдѣ все это изготовляется и хорошо, и дешево. Одноконные плуги, желѣзныя бороны, самопрялки, усовершенствованныя механическія сѣчки для размельченія соломы и щепанія драни для крышъ вытѣсняютъ первобытныя орудія и быстро распространяются въ Кареліи. Если карелы и отстали въ культурномъ отношеніи отъ своихъ сородичей финновъ, то это объясняется тѣмъ, что карелами

[1]) Шуньга — торговое село Олонецк. губ.

до сихъ поръ никто не занимался. Заброшенные въ глухіе углы Архангельской и Олонецкой губ., оторванные отъ родной по племени Финляндіи и не имѣющіе почти никакой связи съ культурными центрами Россіи, они предоставлены самимъ себѣ. Между тѣмъ, это очень способное, выносливое и энергичное племя, не уступающее въ этомъ отношеніи финнамъ. Когда придетъ крайняя нужда, карелъ не опускаетъ рукъ и не ждетъ, когда эта нужда подкоситъ его окончательно, а старается найти выходъ изъ этого положенія; если невозможно прокормиться дома, онъ находитъ заработки на отхожихъ промыслахъ, эмигрируетъ даже въ Америку, не прерывая сношеній съ своей семьей, которая, какъ было выше сказано, имѣетъ здѣсь очень прочные устои.

Образецъ рубки угловъ стѣнъ въ Карельскихъ зданіяхъ.

Карелія, по своему географическому положенію и естественнымъ богатствамъ, обладаетъ всѣми задатками для развитія народнаго благосостоянія. На это указываетъ опять-таки примѣръ сосѣдней Финляндіи, гдѣ на той же географической широтѣ и при тѣхъ же природныхъ условіяхъ культура сдѣлала такіе крупные успѣхи, что не одни русскіе, но и многіе другіе народы Европы могутъ позавидовать финнамъ и многому поучиться у нихъ.

Главными средствами къ поднятію экономическаго благосостоянія кареловъ надо считать улучшеніе путей сообщенія, осушеніе болотъ и распространеніе народнаго образованія.

Осушеніе болотъ въ Кареліи не представляетъ особенныхъ трудностей, потому что сама природа надѣлила этотъ край естественной канализаціей въ видѣ множества озеръ, большею частью расположенныхъ террасами одно надъ другимъ и соединенныхъ между собою про

токами. А осушенныя болота принесутъ краю громадную пользу: они дадутъ удобныя мѣста для распашекъ и сѣнокосныхъ угодій, и хлѣба будутъ въ значительной мѣрѣ гарантированы отъ заморозковъ, главною причиною которыхъ теперь является обиліе болотъ.

Безчисленныя озера и рѣки Kapeлiи богаты дорогою рыбою: здѣшній лосось и палья по своимъ качествамъ почти не уступаютъ печерской семгѣ, но эта рыба въ настоящее время не приноситъ рыболовамъ большого дохода, во-первыхъ, по неумѣнью консервировать ее

Изба въ дер. Хяркяніеми Кемск. у.

надлежащимъ образомъ, а, во-вторыхъ, по невозможности сбыть ее весною и осенью за отсутствіемъ дорогъ, такъ что **фунтъ свѣжаго крупнаго лосося** на мѣстѣ стоитъ зачастую **не дороже фунта ржаного хлѣба.**

Лѣсной промыселъ, охота на птицъ и звѣрей при лучшихъ путяхъ сообщенія могли бы дать тоже большіе доходы населенію, такъ какъ въ настоящее время эксплоатируются главнымъ образомъ тѣ лѣса, которые находятся вблизи сплавныхъ рѣкъ, а масса лѣса подсыхаетъ и гибнетъ отъ старости. Значительная часть добытой дичи въ теплую

осень тоже портится и выбрасывается промышленниками, ибо невозможно сбыть ее до тѣхъ поръ, пока не установится санный путь.

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ уже и теперь имѣются три чугунно-плавильныхъ завода, но горнозаводская промышленность съ успѣхомъ можетъ развиваться и въ другихъ мѣстахъ Кареліи, такъ какъ здѣсь имѣются большіе запасы желѣзной и мѣдной руды, есть также огнеупорная и фаянсовая глина, свинецъ, цинкъ, графитъ, азбестъ, жемчугъ, серебро и даже золото.

При такихъ природныхъ условіяхъ, намъ кажется, не можетъ быть и рѣчи о возможности вырожденія кареловъ, а, наоборотъ, имѣются всѣ данныя для развитія всѣхъ сторонъ жизни этого трудолюбиваго, честнаго и свободолюбиваго народа.

Семья медвѣдей. Съ карт. Шишкина.

(Д. В. Ц.)

X.

Мурманская желѣзная дорога. [1])

Выше читатель видѣлъ, какіе пути сообщенія существуютъ на родинѣ Калевалы, въ Кареліи. Но что раньше считалось неосуществимой мечтой, нынѣ облечено въ реальную форму: Карельскій край съ сѣвера на югъ пересѣкла желѣзная дорога. Правда, пока дорога проходитъ только по восточной части Кареліи, но въ недалекомъ будущемъ, несомнѣнно, будутъ проведены подъѣздные пути въ глубь Кареліи, а грунтовыя дороги будутъ улучшены.

Мысль о проведеніи желѣзной дороги на крайній Сѣверъ возникла еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

Въ 1871 году крестьянину Архангельской губерніи Василію Воробьеву было разрѣшено произвести изысканія Вытегорско-Онежской жел. дороги, и эти изысканія окончены въ 1872 году, но проведеніе предполагаемой дороги не осуществилось.

Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія уже вполнѣ окрѣпла мысль провести желѣзную дорогу къ незамерзающему порту на Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, и въ 1894 году для выясненія этого вопроса въ Архангельскъ и на Мурманъ пріѣзжалъ тогдашній министръ финансовъ С. Витте, именемъ котораго даже былъ названъ одинъ изъ лучшихъ морскихъ пароходовъ, крейсировавшихъ по Бѣлому морю и Ледовитому океану.

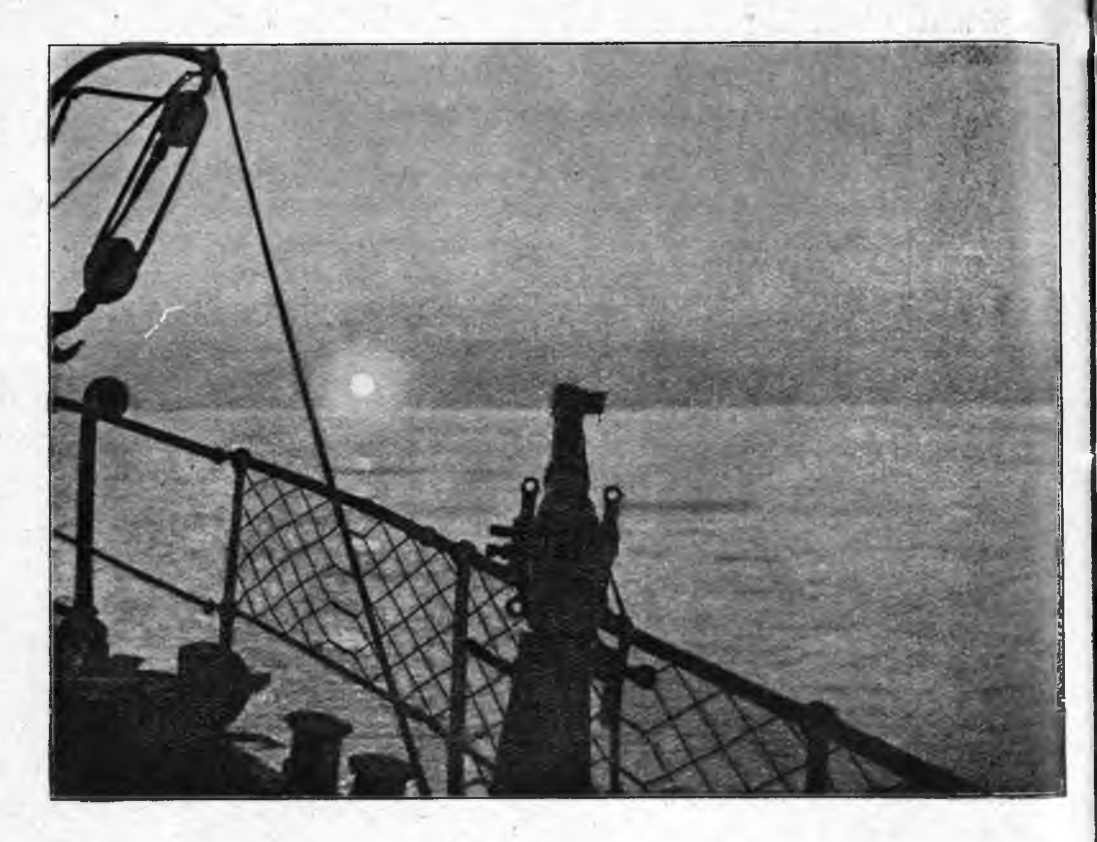
Въ томъ же 1894 году былъ основанъ г. Александровскъ, который и долженствовалъ стать конечнымъ пунктомъ проэктируемой дороги.

Въ 1895 году было получено разрѣшеніе отъ правительства начать постройку желѣзной дороги Петроградъ-Петрозаводскъ, но постройка Великаго Сибирскаго пути и другихъ дорогъ, признанныхъ въ то время болѣе важными, пріостановила осуществленіе этого проэкта.

Затѣмъ, въ 1903 году уже окончательно было рѣшено начать постройку этой дороги, но война съ Японіей опять помѣшала этому, и только въ 1913 году было начато сооруженіе дороги Петроградъ—Петрозаводскъ.

---

[1]) Источникомъ для составленія этой главы, между прочимъ, служила дозволенная военной цензурой книга: А. Ф. Зайцевъ и Н. Р. Родіоновъ »Мурман ж. д. и задачи экон. полит. на Сѣв.«

По Мурманской жел. дор. Полуночное солнце.

Изысканія линіи Петрозаводскъ-Кемь и далѣе на Мурманъ начаты въ ноябрѣ 1914 года.

Первая лопата земли для этой дороги была взята въ началѣ іюня 1915 года, а укладка сквозного рельсоваго пути отъ Петрозаводска до Сѣвернаго Ледовитаго океана закончена 3 ноября 1916 года. т. е. вся дорога построена менѣе, чѣмъ въ полтора года.

По обстоятельствамъ военнаго времени я не могу касаться направленія и техническихъ особенностей этой дороги, но скажу лишь, что постройка дороги была сопряжена съ чрезвычайными трудностями, и въ этомъ отношеніи она можетъ сравниться развѣ только съ сооруженіемъ Амурской желѣзной дороги, которая въ значительной своей части проходитъ по мѣстамъ вѣчной мерзлоты.

Если читатель вспомнитъ описанныя мною топографическія осо-

На постройкѣ Мурманской жел. дор. Выѣздъ на работу на оленяхъ.

бенности Кареліи, то трудность постройки желѣзной дороги въ такой мѣстности сама собой будетъ понятна.

Дорога пересѣкаетъ много болотъ, рѣкъ и рѣчекъ, которыя потребовали массу искусственныхъ сооруженій, трудность устройства коихъ усугублялась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что быстрота теченія воды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превышаетъ двѣ сажени въ секунду (около 15 верстъ въ часъ).

Масса сплошныхъ розсыпей валуновъ и топкія болота въ началѣ работъ вызывали подвозку земли для насыпей мѣстами на разстояніи до 25 верстъ, для чего пришлось устраивать временные подъѣздные пути.

Для постройки Мурманской дороги было нанято свыше 25,000 рабочихъ самыхъ разнообразныхъ національностей; тутъ, кромѣ русскихъ, были: финны, татары, армяне, черкесы, дагестанцы, чехи, венгры, китайцы и нѣмцы.

Для содержанія этихъ рабочихъ и постройки дороги пришлось заготовить до 4,000,000 пудовъ разныхъ грузовъ, не считая иностранныхъ заказовъ.

Постройка дороги обошлась приблизительно 182,000 рублей съ версты.

Мурманская желѣзная дорога въ связи съ примыканіемъ къ ней Сибирскихъ и Финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, что, вслѣдствіе дарованныхъ Финляндіи свободъ, вѣроятно, будетъ осуществлено въ недалекомъ будущемъ, имѣетъ громадное значеніе не только для сѣвера Россіи, но и для остальной части государства.

Прежде всего скажу о **лѣсномъ промыслѣ.**

Къ раіону Мурманской дороги тяготѣетъ площадь лѣсовъ болѣе восьми милліоновъ десятинъ, при чемъ въ непосредственномъ примыканіи къ этой дорогѣ по бассейнамъ рѣкъ Выга, Кеми и Чирка-Кеми имѣется свыше полутора милліона десятинъ.

По отдѣльнымъ же раіонамъ и лѣсничествамъ лѣсныя площади вблизи этой дороги распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

По рѣкѣ Выгу	около	350,000	дес.
Паданское и Ругозерское л—ва Олонецк. губ. ..	»	100,000	»
Кимасъ-озерская дача Ребольскаго л—ва	»	86,000	»
Вокнаволоцкое л—во Архангельской губ. по Верхнему и Среднему Куйтозеру	болѣе	500,000	»
Панозерское л—во по р, Кеми и Чирка-Кеми....	»	535.000	»

Объѣздъ постройки дороги Начальникомъ работъ на лошадяхъ.

На Мурманской жел. дор. Рубка просѣки зимою.

До войны въ нейтральныя страны вывозилось лѣса 1,934,000 кубическихъ саженей въ годъ на сумму до 164,9 милліоновъ рублей, при чемъ Англія получала до 1.131,000 куб. саж., Франція — 283,000, Бельгія — 191,000, Италія — 8,000. Голландія — 272,000, Швеція. Норвегія и Данія — 44,000 куб. саж., и большая часть этого лѣса вывозилась съ сѣвера Россіи.

Для возстановленія разрушеній, причиненныхъ войною, послѣ ея окончанія потребность въ лѣсѣ за границей несомнѣнно возрастетъ и вывозъ его можетъ достигнуть двухъ съ половиной милліоновъ кубическихъ саженей въ годъ, при чемъ въ ближайшее послѣ войны время однихъ бревенъ придется ежегодно заготовлять до 20,000,000 штукъ.

Въ Архангельской, Вологодской и Ѳлонецкой губ. въ настоящее время имѣется до 70 лѣсопильныхъ заводовъ на 300 рамъ, производительность коихъ можетъ быть достигнута до 15 милліоновъ бревенъ въ годъ.

Въ лѣсахъ, прилегающихъ къ Мурманской жел. дор. преобладаютъ сосновыя насажденія, занимающія свыше 80 % всей лѣсной площади, еловыхъ лѣсовъ около 14 %. Средній возрастъ лѣсовъ 180—200 лѣтъ. Высота деревьевъ отъ 16 до 30 арш., а средній запасъ древесины около 20 куб. саж. на десятину.

Древесина лѣса Сѣвера, благодаря мелкослойности, обладаетъ очень высокими техническими качествами, и поэтому нашъ лѣсъ заграницей цѣнится очень дорого.

Въ послѣдніе передъ войной годы лучшіе сорта лѣса въ Архангельскомъ порту расцѣнивались въ 180—200 рублей за стандартъ (165 куб. футовъ), который вѣситъ 160—165 пудовъ. Такимъ образомъ, пудъ обработаннаго дерева до войны стоилъ столько же, сколько въ среднемъ стоилъ тогда пудъ хлѣба, а послѣ войны цѣна на лѣсные матеріалы непремѣнно поднимется, и возможно, что лѣсъ въ будущемъ станетъ дороже хлѣба.

А сколько-же пудовъ лѣса можно достать только въ одной Кареліи?

Въ виду высокой цѣны на лѣсъ, онъ можетъ выдержать перевозку на очень большія разстоянія, т. к. стоимость фрахта на лѣсные матеріалы вполнѣ окупается.

До проведенія желѣзной дороги химическая переработка и сухая перегонка дерева на Сѣверѣ была въ зачаточномъ состояніи: уголь, деготь, смола, канифоль, скипидаръ, такъ называемая »голландская сажа«, древесный спиртъ, ацетиленъ мы главнымъ образомъ получали

Поѣздъ въ скальной выемкѣ Проѣздъ министровъ и членовъ Государ. Думы.

изъ заграницы, и ввозъ этихъ продуктовъ простирался до шести миллiоновъ пудовъ въ годъ, на сумму 7,3 миллiоновъ рублей.

Съ проведенiемъ желѣзной дороги послѣ окончанiя войны выработка этихъ продуктовъ несомнѣнно разовьется; поднимется также и кустарный способъ обработки дерева.

Далѣе, у насъ совершенно не развито добыванiе изъ дерева целюлозы для производства бумаги, которую мы главнымъ образомъ получали изъ заграницы, причемъ стоимость ввозимой въ Россiю бумаги въ послѣднее время опредѣлялась въ суммѣ 26 миллiоновъ рублей въ годъ.

Между тѣмъ водопады сѣверныхъ рѣкъ могли-бы дать даровую энергiю для устройства заводовъ по обработкѣ дерева, а также целулоидныхъ и писчебумажныхъ фабрикъ, и отъ продажи лѣса и его продуктовъ за границу Россiя въ будущемъ можетъ ежегодно выручать не менѣе милліарда рублей, что несомнѣнно повыситъ курсъ нашего рубля и повлiяетъ, вообще, на улучшенiе расшатаннаго за время войны денежнаго обращенiя.

Для этого, между прочимъ, необходимо измѣнить желѣзнодорожные и таможенные тарифы для установленiя наиболѣе благопрiятныхъ условiй для вывоза за границу лѣсныхъ матерiаловъ въ обработанновъ видѣ.

Извѣстно, что до войны съ нѣмцами существовалъ очень убыточный для Россiи таможенный тарифъ, по которому Германiя брала очень высокую пошлину за обработанный лѣсной матерiалъ (доски, брусья и проч.), а низкая пошлина была только на бревна, вслѣдствiе чего лучшiе сорта русскаго лѣса перерабатывались на нѣмецкихъ заводахъ, и лѣсная промышленность въ Россiи сводилась лишь къ заготовкѣ сырья для нѣмецкихъ предпринимателей.

Теперь скажу о значенiи желѣзной дороги на развитiе другихъ промысловъ Карелiи, Поморья и Мурмана.

Выше было указано, что рѣки и озера Карелiи изобилуютъ рыбою, но рыболовство въ Карелiи и Поморьѣ, а также и на Мурманѣ, имѣло до послѣдняго времени кустарный характеръ: предпринимательскiй капиталъ въ эту отрасль промышленнести еще вовсе не проникалъ, здѣсь нѣтъ ни однаго завода для консервированiя рыбы, и рыба къ намъ въ громадномъ количествѣ ввозится изъ заграницы.

Размѣры привоза и стоимость его въ послѣднiе годы выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Видъ Кольскаго залива, близъ котораго стоитъ г. Кола. Про этотъ городъ ранѣе была такая поговорка: »Съ одной стороны — море, съ другой — горе, съ третьей — мохъ, съ четвертой — охъ!»

Годы.	Привезено рыбы изъ заграницы.	Стоимость ея.	Въ томъ числѣ сельди.	Стоимость иностранной сельди.
1912....	24,179,766 п.	36,774,182 р.	18 766,200 п.	24,370,176 р.
1913....	22,098,602 »	38,232,432 »	17.251,323 »	24,387,200 »
1914....	14,624,459 »	27,487,411 »	10,733,209 »	16,290,733 » [1])

Между тѣмъ значительная часть »заграничной« рыбы вылавливается въ нашихъ же сѣверныхъ водахъ и черезъ Балтійскіе порты ввозится въ Россію.

Развитію рыбопромышленности на Сѣверѣ между прочимъ мѣшали слѣдующіе факторы: отсутствіе соли, крючковъ, снастей и предметовъ продовольствія на мѣстахъ, плохое устройство нашей бѣломорской флотиліи и неимѣніе оборудованныхъ гаваней для стоянки промысловыхъ судовъ.

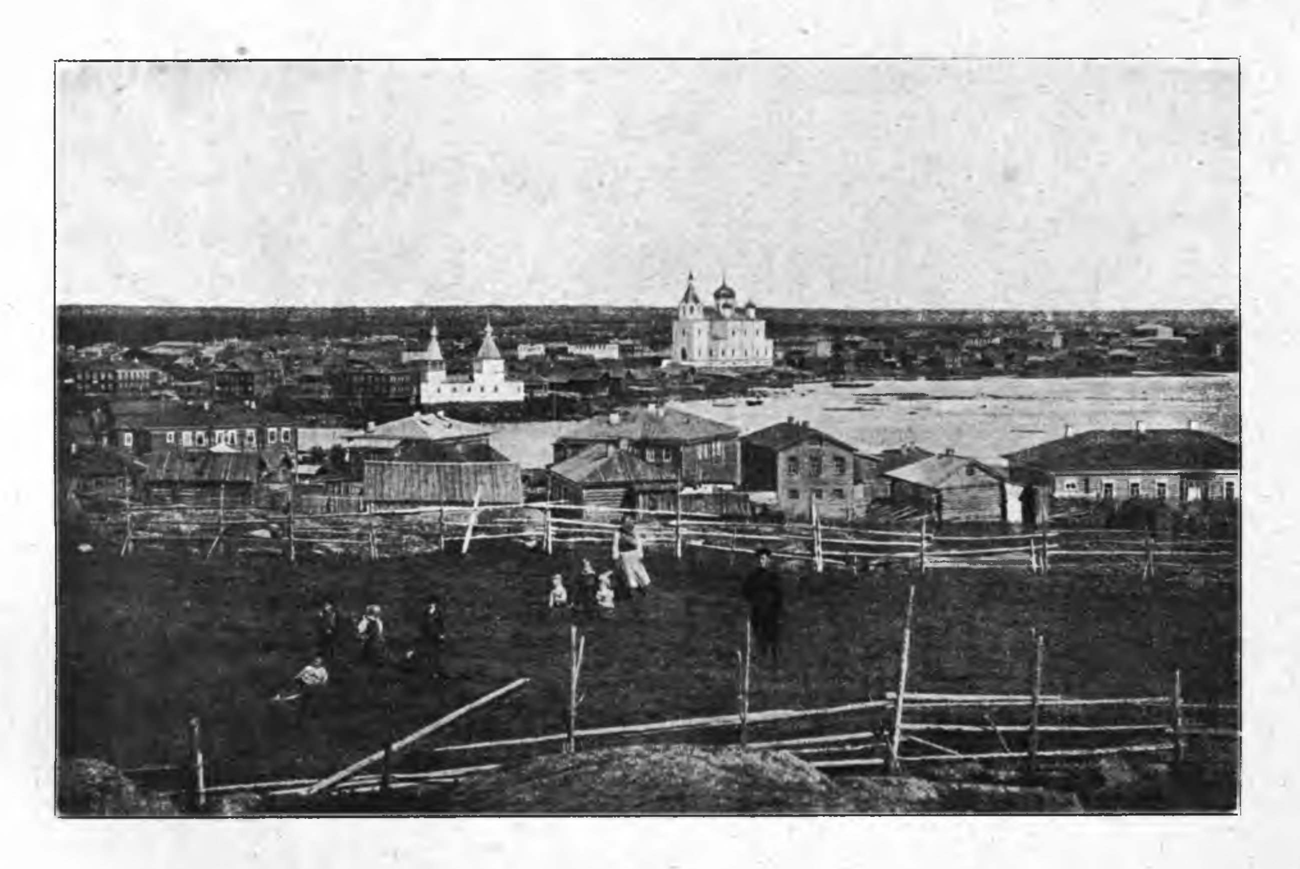
Съ проведеніемъ на Мурманъ и въ Карелію желѣзной дороги устройствомъ холодильниковъ, какъ на мѣстахъ лова, такъ и въ вагонахъ, и съ устраненіемъ дефектовъ, парализовавшихъ рыбопромышленность въ широкихъ размѣрахъ, мы круглый годъ въ центральной Россіи будемъ имѣть свѣжую рыбу, съ привлеченіемъ же крупнаго капитала въ рыбопромышленное дѣло, или образованіемъ рыбопромышленныхъ артелей на кооперативныхъ началахъ, русская рыба вытѣснитъ заграничную.

Истощеніе запасовъ мясного скота во всемъ мірѣ, вслѣдствіе переживаемой небывалой войны, повліяетъ на расширеніе потребленія рыбы, вмѣсто мяса, и Мурманскій незамерзающій портъ обѣщаетъ стать въ будущемъ центромъ русскаго рыболовства.

Сельдь подходитъ къ берегамъ Бѣлаго моря иногда въ такомъ большомъ количествѣ, что ее нащупываютъ палками, и длинный шестъ, поставленный въ толщу стада этой рыбы, остается въ вертикальномъ положеніи и движется вмѣстѣ съ массою рыбы.

Кромѣ сельди, въ Поморьѣ и на Мурманѣ въ громадномъ количествѣ ловится треска, палтусъ, сайда, пикша, зубатка, навага, семга камбала, акула, а также тюлень и нерпа.

[1]) А. Ф. Зайцевъ и Н. Р. Родіоновъ »Мурманская жел. дор. и задачи экономич. полит. на Сѣв.«

Городъ Кемь.

Рѣка Воньга. Изъ пейзажей по линіи Мурман. жел. дор.

Выборщики въ Государственную [...]ареловъ и Поморовъ въ 1906 г.

Развитіе упомянутыхъ промысловъ вызоветъ притокъ населенія въ Карелію и сѣверный раіонъ Мурманской желѣзной дороги, гдѣ въ настоящее время населеніе очень рѣдкое: въ сѣверной части Олонецкой губ. и архангельской Кареліи плотность населенія въ среднемъ — 2,2 человѣка на квадратную версту, въ Поморьѣ — 1,2—1,4 человѣка на кв. версту, а на сѣверномъ Мурманѣ всего лишь 0,2 человѣка на кв. версту.

Если, вслѣдствіе суроваго климата Кареліи, трудно поднять на надлежащую высоту хлѣбопашество, которое все-же здѣсь существуетъ, то съ примѣненіемъ осушенія озеръ и болотъ вполнѣ можно расчитывать на развитіе въ этомъ краѣ луговодства, что послужитъ основою молочнаго хозяйства и маслодѣлія.

Примѣромъ можетъ служить сосѣдняя Финляндія, которая находится въ одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ и которая въ послѣдніе годы вывозила за границу слѣдующее количество молочныхъ продуктовъ:

Наименованіе товаровъ.	Превышеніе вывоза надъ ввозомъ. За трехлѣтіе 1911—1913 г. г.	1914 г.	1915 г.
Масло коровье въ тыс. пуд.	678,7	599,1	118,1
Сыръ	48,9	68,9	100,7
Молоко и сливки въ тыс. ведеръ	1,030,9	1,719,0	2,604,5 [1])

Сыръ, молоко и сливки шли исключительно въ Россію, а масло все отправлялось за границу, преимущественно въ Англію и Германію.

Въ то время, какъ вся Россія, включая плодородную и богатую кормовыми средствами Сибирь, поставляла къ вывозу за границу масла въ 1912 году — 4,451,911 пудовъ, въ 1913 г. — 4,762,939 п. и въ военный 1914 г. — 3,295,137 пудовъ, расположенная среди болотъ и

[1]) А. Ф. Зайцевъ и Н. Р. Родіоновъ »Мурм. жел. дор. и зад. экон. пол. на Сѣв.»

гранитныхъ скалъ Финляндія вывозила въ тоже время свыше 500,000 пудовъ масла ежегодно. [1])

По сосѣдству съ конечнымъ пунктомъ Мурманской жел. дор. на Сѣв. Ледовитомъ океанѣ находится о. Шпицбергенъ, на которомъ еще до проведенія желѣзной дороги, русскими предпринимателями начато добываніе каменнаго угля и для этой цѣли основано Т-во »Грумантъ».

Шпицбергенскій уголь отличается высокими качествами, можетъ конкурировать съ лучшими сортами англійскаго угля, въ послѣднее время успѣшно примѣняется на судахъ норвежскаго флота и на норвежскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Проведеніе Мурманской жел. дор. подниметъ промышленное значеніе Шпицбергена и улучшитъ наши торговыя сношенія съ Норвегіей, которыя въ послѣднее время пришли въ упадокъ, и Норвегія опередила насъ въ рыболовномъ и лѣсопромышленномъ дѣлѣ.

Вліяніе Мурманской желѣзной дороги отразится также и на эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ Кареліи, Поморья и Мурмана, а когда этотъ край будетъ связанъ сѣтью дорогъ съ Финляндіей — черезъ Каянь и Нурмисъ, откуда дороги пройдутъ уже въ самое сердце Кареліи, а также съ Сибирью — черезъ Котласъ — Вятку, и когда по этимъ дорогамъ пойдетъ сибирскій хлѣбъ, масло, яйца и другіе продукты животноводства, изъ сѣверной Россіи — ленъ, овесъ и ячмень, а обратно изъ незамерзающихъ портовъ Сѣвера повезутъ рыбу, Шпицбергенскій каменный уголь, западно-европейскіе и американскіе товары, машины для оборудованія фабрикъ и заводовъ, сельскохозяйственныя орудія и проч., русскіе же **туристы,** вмѣсто того, чтобы разбрасывать деньги по заграницамъ и томиться отъ подавляющей скуки европейскихъ курзаловъ, будутъ чаще посѣщать родину Калевалы, оцѣнятъ наконецъ дивную красоту сѣверныхъ пейзажей и очаровательную музыку пороговъ и водопадовъ »страны тысячи озеръ», — тогда для Кареліи и крайняго Сѣвера возродится то символическое легендарное **Сампо,** о которомъ въ Калевалѣ говорится:

И Кузнецъ самъ Ильмариненъ,
Вѣковѣчный тотъ кователь,
Сталъ тогда ковать скорѣе,
Молоткомъ стучать сильнѣе,
И выковываетъ **Сампо,**

---

[1]) Ibidem, стр. 13.

Чтобъ **муку** однимъ бы бокомъ,
А другимъ бы **соль** мололо,
Третьимъ бокомъ **много денегъ.**
Сампо выковано: мелетъ
И качаетъ пестрой крышкой,
На разсвѣтѣ мелетъ мѣру,
Эту мѣру **на потребу,**
А другую **для продажи,**
Третью мѣру **для запаса.**

XI. **Справки.**

По обстоятельствамъ военнаго времени мнѣ не удалось приложить къ настоящей книгѣ карты Кареліи. Поэтому считаю долгомъ дать нѣкоторыя указанія туристамъ при путешествіяхъ по Финляндіи и Кареліи.

Изъ Петрограда до Нурмиса можно проѣхать по желѣзной дорогѣ чрезъ г. г. Выборгъ и Іоенсу.

Изъ Выборга по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ по Сайменскому каналу можно заѣхать на водопадъ Иматру.

Путь отъ Нурмиса до Кухмо (Kuhmoniemi) подробно описанъ въ настоящей книгѣ, а отъ Кухмо [1]) можно рекомендовать слѣдующіе маршруты.

I. Кухмо—Минозеро (Miinoa) Бабья губа (Akonlahti)—Каменное озеро (Kivijärvi)—Вокнаволокъ, Ювялакши (Jyvälahti)—Ухта—Лусалма (Luusalmi)—Юшкозеро—Панозеро—Кемь.

II. Кухмо—Минозеро—Лувозеро (Luvajärvi)—Кимасъ-озеро—Ногеуксъ (Nokeus)—Чирка-Кемь—Юшкозеро—Кемь.

По второму маршруту, который значительно короче перваго, можно проѣхать весь путь отъ Лувозера до Кеми въ лодкѣ по Лувозеру, р. Вонгѣ, Кимасъ-озеру, р. Ногеуксъ, Неккозеру, р. р. Чирка-Кеми и Кеми.

Если кто боится пороговъ или считаетъ неудобнымъ ѣхать въ лодкѣ по р. Чирка-Кеми, то можно изъ Ногеукса ѣхать на лодкѣ въ дер. Пизьмагубу (Pismalahti), а оттуда до Юшкозера 40 верстъ проѣхать на лошади верхомъ, но при этомъ нельзя везти много багажа.

---

[1]) Кухмо (или Кухмоніеми) находится въ 100 вер. къ сѣверу отъ Нурмиса. Въ Кухмо можно попасть также изъ Каяни чрезъ Соткамо, а до Каяни изъ Петрограда идетъ желѣзная дорога чрезъ Выборгъ—Коувола—Куопіо.

I а. Изъ Ухты можно проѣхать по с.-з. направленію до с. Кереть (на берегу Бѣлаго моря, сѣвернѣе Кеми) черезъ Топозеро и Пявозеро, но этотъ путь болѣе длинный.

III. Кухмо—Лентира—Ладваярви—Вокнаволокъ и далѣе по 1 маршруту.

Если кто желаетъ проѣхать чрезъ Финляндію по Кареліи до Бѣлаго моря, то рекомендуется слѣдовать по рѣкамъ и озерамъ отъ Кухмо къ Бѣлому морю, а не наоборотъ, т. к. въ этомъ направленіи придется ѣхать внизъ по теченію рѣкъ, что обойдется дешевле и потребуетъ меньше времени. Обратно-же удобнѣе ѣхать изъ Кеми до Петрограда, или хотя до Петрозаводска, по Мурманской жел. дор.

На этомъ пути по рѣкамъ и озёрамъ встрѣчаются очень красивые пейзажи, а недалеко отъ линіи жел. дор. — величественные водопады и пороги: Надвоицкій водопадъ, Поръ-порогъ, Гирвасъ и Кивачъ.

Подробныя справки о путешествіи по Финляндіи можно получить въ финскомъ Об-вѣ Туристовъ (Гельсингфорсъ, Эспланадная, 21), которое очень любезно даётъ всевозможныя указанія туристамъ.

На руск. яз. имѣется хорошій »Путеводитель по Финляндіи», подъ ред. Карелина. Прод. въ Петроградѣ, кн. магазинъ Суворина, ц. 80 коп.

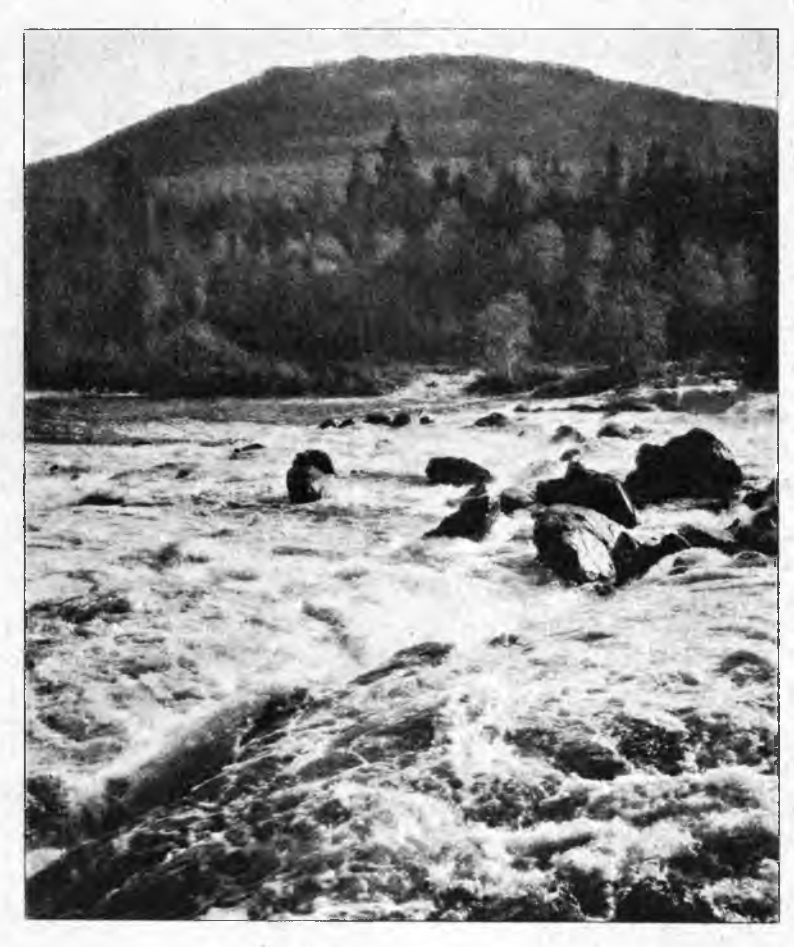
Для ознакомленія съ финскимъ языкомъ можно рекомендовать кн. »Русско-финскіе разговоры», сост. Х. Вихерьюри, ц. 1 мар. 50 пен. Гельсингфорсъ, Гагнесскій книж. магазинъ.

Карельскіе узоры.

Указатель наиболѣе характерныхъ рисунковъ.

Порогъ Кивакка (Kivakkakoski) на р. Оулангѣ, впадающей въ Пявозеро.

Оглавленіе.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строчка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
16	1 снизу	ужө	уже
17	9 сверху	таблицъ.	таблицъ (точки не нужно)
24	4 снизу	солнце	солнце, (пропущена запятая)
34	5 сверху	Куопіоской	Улеаборгской
37	7 »	Изданіе Гранстремъ	Соб. переводъ Гранстремъ
»	11 »	Историческомъ	Національномъ
39	13 »	Похья	Похьянъ
51	4 »	пойдеть	пойдетъ
52	подъ картиной	Кареловь	Кареловъ
54	7 снизу	Бенехъ-озеро	Венехъ-озеро
57	1 сверху	Wirsikiria	Wirsikirja
»	10 »	Paivalehti	Päivalehti.
98	12 снису	беруть	берутъ
100	8 сверху	тимъ	Этимъ
127	8 »	прекрасныхъ:	прекрасныхъ двоеточія не нужно

Дозволено военной цензурой.

Цѣна 3 рубля.

Продается въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петрограда, а также въ Гельсингфорсѣ — Академическій книжный магазинъ, Александ. у., № 7.

Дозволено военной цензурой.